

colloquium-journal

ISSN 2520-6990

Międzynarodowe czasopismo naukowe

**Historical sciences
Public administration
Sociological sciences**

**№10(62) 2020
Część 6**

colloquium-journal

ISSN 2520-6990

ISSN 2520-2480

Colloquium-journal №10 (62), 2020

Część 6

(Warszawa, Polska)

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak**
Ewa Kowalczyk

Rada naukowa

- **Dorota Dobija** - profesor i rachunkowości i zarządzania na uniwersytecie Koźmińskiego
- **Jemielniak Dariusz** - profesor dyrektor centrum naukowo-badawczego w zakresie organizacji i miejsc pracy, kierownik katedry zarządzania Międzynarodowego w Ku.
- **Mateusz Jabłoński** - politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki.
- **Henryka Danuta Stryczewska** – profesor, dziekan wydziału elektrotechniki i informatyki Politechniki Lubelskiej.
- **Bulakh Iryna Valerievna** - profesor nadzwyczajny w katedrze projektowania środowiska architektonicznego, Kijowski narodowy Uniwersytet budownictwa i architektury.
- **Leontiev Rudolf Georgievich** - doktor nauk ekonomicznych, profesor wyższej komisji atestacyjnej, główny naukowiec federalnego centrum badawczego chabarowska, dalekowschodni oddział rosyjskiej akademii nauk
- **Serebrennikova Anna Valerievna** - doktor prawa, profesor wydziału prawa karnego i kryminologii uniwersytetu Moskiewskiego M.V. Lomonosova, Rosja
- **Skopa Vitaliy Aleksandrovich** - doktor nauk historycznych, kierownik katedry filozofii i kulturoznawstwa
- **Pogrebnaya Yana Vsevolodovna** - doktor filologii, profesor nadzwyczajny, stawropolski państwowy Instytut pedagogiczny
- **Fanil Timeryanowicz Kuzbekov** - kandydat nauk historycznych, doktor nauk filologicznych. profesor, wydział Dziennikarstwa, Bashgosuniversitet
- **Kanivets Alexander Vasilievich** - kandydat nauk technicznych, docent wydziału dyscypliny inżynierii ogólnej wydziału inżynierii i technologii państwowej akademii rolniczej w Połtawie
- **Yavorska-Vitkovska Monika** - doktor edukacji, szkoła Kuyavsky-Pomorsk w bidgoszczu, dziekan nauk o filozofii i biologii; doktor edukacji, profesor
- **Chernyak Lev Pavlovich** - doktor nauk technicznych, profesor, katedra technologii chemicznej materiałów kompozytowych narodowy uniwersytet techniczny Ukrainy „Politechnika w Kijowie”
- **Vorona-Slivinskaya Lyubov Grigoryevna** - doktor nauk ekonomicznych, profesor, St. Petersburg University of Management Technologia i ekonomia
- **Voskresenskaya Elena Vladimirovna** doktor prawa, kierownik Katedry Prawa Cywilnego i Ochrony Własności Intelektualnej w dziedzinie techniki, Politechnika im. Piotra Wielkiego w Sankt Petersburgu
- **Tengiz Magradze** - doktor filozofii w dziedzinie energetyki i elektrotechniki, Georgian Technical University, Tbilisi, Gruzja
- **Usta-Azizova Dilnoza Ahrarovna** - kandydat nauk pedagogicznych, profesor nadzwyczajny, Tashkent Pediatric Medical Institute, Uzbekistan

    SlideShare

INDEX COPERNICUS
INTERNATIONAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

«Colloquium-journal»

Wydrukowano w «Chocimska 24, 00-001 Warszawa, Poland»

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>

CONTENTS

NATIONAL SECURITY

Кормухин О.В. "ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРЕЗИДЕНТСТВА Б. ОБАМЫ"	5
Kormukhin O. "THE MAIN POLITICAL EVENTS OF THE PRESIDENCY OF B. OBAMA"	5

HISTORICAL SCIENCES

Акобинов М. METHODS OF FIGHTING SULTON JALOLIDDIN MANGUBERDI	8
Батулин С.П. РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.	10
Baturin S.P. ROMAN-CATHOLIC CHURCH IN SIBERIA ON THE BORDER OF XIX-XX CENTURIES.	10
Айдинова В.А., Вотченко Н.Д., Плотникова Е.В. РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ	16
Ayidinova V.A., Plotnikova E.V. THE ROLE OF THE STATE IN THE MODERN ECONOMY OF RUSSIA	16
Калиниченко А.А. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В АРАБСКИХ СТРАНАХ.	19
Kalinichenko A.A. LEGAL STATUS OF WOMEN IN ARAB COUNTRIES.	19
Рожкова Л.И., Кузьменко Н.М. ОБРАЗ НАРОДУ У ТВОРЧОСТИ АДАМА МІЦКЕВИЧА ТА ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛІША	21
Rozhkova L.I., Kuzmenko N.M. IMAGE OF PEOPLE AT THE WORKS OF ADAM MITSKEVICH TA PANTELEIMON KULISH	21
Тулбасиева С.К. FROM THE PAGE OF THE STORY OF THE DAILY LIFE OF WAR CHILDREN IN KAZAKHSTAN	23
Тулбасиева С.К. ИЗ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В КАЗАХСТАНЕ	23

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Ефанова О.А., Писклакова-Паркер М.П., Чернова А.П. ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ГЕНДЕР В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ.	26
Efanova O.A., Pisklakova-Parker M.P., Chernova A.P., ENVIRONMENTAL GENDER IN EVERYDAY LIFE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF NEW SOCIAL NORMS	26
Мясоедов А.И. ОТНОШЕНИЕ К ПЛАГИАТУ В РАЗНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ	32
Myasoedov A.I. ATTITUDE TO PLAGIATE IN DIFFERENT EUROPEAN COUNTRIES	32

PHILOLOGICAL SCIENCES

Степанова Т.М., Аутлева Ф.А.

КОМИКСОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОРМ И АРХЕТИПОВ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ,
И МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ПРОЗЕ В. ИРВИНГА. 41

Stepanova T.M., Autleva F.A.

COMIC INTERPRETATION OF FORMS AND ARCHETYPES OF FOLK CULTURE
AND MASS CONSCIOUSNESS IN V. IRVING' PROSE. 41

Степанова Т.М., Аутлева Ф.А.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ПЕРЕПИСКЕ К.И. ЧУКОВСКОГО С АМЕРИКАНСКИМ
СЛАВИСТОМ Э.СИММОНСОМ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 43

Stepanova T.M., Autleva F.A.

GENERAL ISSUES OF LITERARY TRANSLATION IN CORRESPONDENCE OF K. I. CHUKOVSKY
WITH AMERICAN SLAVIST E. SIMMONS IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION 43

Бармина Е.А., Рябова С.А.

ТРАНСКРЕАЦИЯ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ 45

Barmina E.A., Ryabova S.A.

ADVERTISING SLOGAN TRANSCREATION: LINGUOCULTURAL ASPECT 45

Булатбаева К.Н., Ережепова А.Т.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КАЗАХСКОГО И АНГЛИЙСКОГО НАРОДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ) 47

Bulatbaeva K.N., Erezhopova A.T.

ENVIRONMENTAL VIEWS KAZAKH AND ENGLISH PEOPLES (ON THE MATERIAL OF ANALYSIS OF
PAREMIOLOGICAL UNITS) 47

Лемов А.В.

РОЛЬ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В АДАПТАЦИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ 51

Lemov A.

THE ROLE OF METONYMIC PROCESSES IN THE ADAPTATION OF LOAN WORDS..... 51

Лемов А.В.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ЛЕКСИКИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ 53

Lemov A.

SEMANTIC METHOD OF LEGAL VOCABULARY FORMATION IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE 53

Лемов А.В.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЗНАКОВОЙ СИТУАЦИИ 54

Lemov A.

ABOUT ONE TYPE OF TERMINOLOGICAL SIGN SITUATION 54

Лучникова А.В.

МЕТОДЫ И ПРИЁМЫ ПРОДУКТИВНОГО И РЕПРОДУКТИВНОГО
ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ 56

Luchnikova A.V.

METHODS AND TECHNIQUES OF PRODUCTIVE AND REPRODUCTIVE TEACHING
THE ENGLISH LANGUAGE TO NON-LINGUISTIC STUDENTS..... 56

Содикова Т.А. МЕТОДЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КАЧЕСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ ПИСЬМА И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ	59
Sodikova T.A. METHODS INFLUENCING THE QUALITY OF FORMATION OF LETTERS AND LETTERS OF SPEECH IN ENGLISH LANGUAGE LESSONS IN NON-LANGUAGE HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS	59
Скидан О.Г., Гущина Д.А. АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ	61
Skidan O.G., Gushchina D.A. THE ENGLISH LEGAL TEXT: THE PROBLEM OF TRANSLATABILITY	61
Тохирова М.Х. ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА	64
Tokhirova M.Kh. LOAN WORDS IN LEXICAL SYSTEM OF LANGUAGE	64
Караева З.К., Уметалиева Н.Ш. СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ КАК ИСТОЧНИК ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-ЗООНИМОВ (КИТАЙСКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ)	66
Karaeva Z.K., Umetalieva N.Sh. FAIRY TALES, LEGENDS AND MYTHS AS A SOURCE OF PHRASEOLOGICAL UNITS-ZOONIMS (CHINESE AND ENGLISH LANGUAGES)	66
Эверстов М.С. АНТИУТОПИЧЕСКИЙ МОТИВ ЕДИНОВЛАСТЯ В ПОВЕСТИ «ЛЮБИМОВ» А. ТЕРЦА	69
Everstov M.S. DYSTOPIAN MOTIVE OF MONOCRACY IN A SHORT NOVEL 'LUBIMOV' BY A. TERTZ	69
Челебджанов С.Б. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ	71
Chelebdzhanov S.B. POLITICAL VOCABULARY OF RUSSIAN AND ENGLISH	71
Челебджанов С.Б. О ТЕНДЕНЦИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ	77
Chelebdzhanov S.B. ON THE TRENDS OF INTERACTION BETWEEN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES IN THE SYSTEM OF POLITICAL VOCABULARY	77

NATIONAL SECURITY

Кормухин Олег Владимирович
Студент СамГТУ, Россия, Самара
[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11661](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11661)

"ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРЕЗИДЕНТСТВА Б. ОБАМЫ"

Kormukhin Oleg
Samara State Technical University (SSTU), Russia, Samara

"THE MAIN POLITICAL EVENTS OF THE PRESIDENCY OF B. OBAMA"

Аннотация.

Барак Обама является всемирно известной личностью благодаря своей двух срочной президентской службе в Соединенных Штатах. Времена его правления запомнились как многим американским гражданам, так и всему миру. Он ввел такие программы как обязательное медицинское страхование "Obamacare", изменение порядка выдачи займов на образовательные программы, борьба с глобальным потеплением, увеличение расходов на здравоохранение и другие. Можно отметить, что, начавшийся в Соединенных Штатах Америки кризис 2007 года, грозивший перерасти в новую Великую депрессию и стремительно переходя на другие регионы мира, непопулярные и крайне дорогостоящие войны в Афганистане и Ираке, усиление социального недовольства вследствие растущего имущественного неравенства, утрату американским бизнесом позиций в мировой экономике и торговле под натиском конкуренции со стороны КНР, отрицательное восприятие дипломатической миссии США во многих странах Востока, Азии и Латинской Америки, где большая часть населения считала Вашингтон главной угрозой миру и безопасности. Таковы были весьма сложные начальные обстоятельства для члена Демократической партии.

Abstract.

Barack Obama is a world-famous figure thanks to his two urgent presidential services in the United States. The times of his reign were remembered by many American citizens and the whole world. He introduced such programs as "Obamacare" compulsory health insurance, changing the procedure for issuing loans for educational programs, combating global warming, increasing healthcare costs and others. It can be noted that the crisis that began in the United States of America, which threatened to develop into a new Great Depression and rapidly shifting to other regions of the world, the unpopular and extremely costly wars in Afghanistan and Iraq, the intensification of social discontent due to growing inequality, the loss of American business positions the world economy and trade under pressure from the PRC, a negative perception of the US diplomatic mission in many countries of the East, Asia and Latin America, where I am part of the population believes Washington a major threat to peace and security. These were very difficult initial circumstances for a member of the Democratic Party.

Ключевые слова: Кризис, экономика, недовольство, политика, неравенство, война.

Keywords: Crisis, economy, discontent, politics, inequality, war.

Когда Барак Обама был избран президентом, в США разрастался экономический кризис, начавшийся в 2007 году. Долг ипотечных кредитов достиг неимоверных размеров. В 2008-2009 г. Произошло снижение макроэкономических показателей, таких как внутренне валовый продукт, импорт и экспорт товаров и услуг и другие. Вследствие падения производства и торговли выросла безработица. Все эти проблемы требовали срочных мер. Через несколько дней после инаугурации сенат принял план по стимулированию экономики страны, который в экономической программе нового президента занимал центральное место.

Чтобы избавиться от провала финансового сектора нужно было принимать меры, например с помощью крайне низких процентных ставки национализации крупнейших разорившихся ипотечных агентств. Федеральной резервной системы, позволивших внести в экономику США миллионы долларов. Вместо того чтобы наказать настоящих ви-

новников кризиса 2007–2009 гг. – финансовых спекулянтов, и банкиров безответственные рейтинговые агентства, – национальные шоковые программы предъявили счета за «разбитые горшки» миллионам гражданам кризисных потрясений, многие из которых понесли ущерб и лишились своих имуществ, приобретенных в докризисные времена по ипотеки. Ответ не заставил себя долго ждать, граждане стали массово протестовать, чтобы привлечь внимание к махинациям банкиров. Кризис, показал присутствие большого числа проблем в социально-экономической структуре США, что подтолкнуло администрацию Б. Обамы к созданию пакета институциональных и структурных реформ, включивших самые разные сферы общественной жизни, экономики и финансов [4].

Одной из первых реформ которую ввел Барак Обама, была реформа о здравоохранении, которая не менялась в течение 100 лет. Была введена программа обязательного медицинского страхования для всех граждан США известная как Obamacare.

Бюджетный расход на эту реформу составил почти \$1,02 трлн. В результате почти 60% граждан страны могут приобрести страховой план менее чем в \$100, доля людей не имеющих страховки сократилась до 8,5%. До реформ до 15% американцев не имели доступа к медицинскому страхованию своей жизни. Но есть и противники этой реформы, которые утверждают что расходы страны на здравоохранение значительно увеличились и последствия негативно сказались на многих страховых компаниях, которым пришлось уйти с этого рынка. Так же расходы американцев на медобслуживание значительно увеличилось – в 2014 году на 5,4\$ [3; 2609-2616].

Так же были планы борьбы с кризисом была введена реиндустриализации экономики и возвращение на родину вывезенных в 90-е наиболее перспективные производства. Объем промышленного производства в 2010 году увеличился на 4,4% и в 2011 году на 3,9%; загрузка производственных мощностей с уровня 66,2% в 2009 году выросла до 71,7% в 2010 году и 74,9% в 2011 году. Благодаря реформам была подготовлена почва для дальнейшего развития экономики и привлечения новых производств, которые будут вносить свой вклад в экономику США. С самого первого срока Б. Обама не забывал об окружающей среде. Благодаря целевым займам министерству энергетики США, удалось нарастить выработку «зеленой энергии» солнечными батареями и ветровыми станциями в 30 раз. Кроме прямых инвестиций вводимых правительством США вводился план по чистой энергетике, который направлен на уменьшение выбросов углекислого газа электростанциями. Так же были ужесточены требования, предъявляемые к производителям автомобилей, заставив их делать более энергоэффективные двигатели. По данным 2014 года выбросы углекислого газа с 2009 года сократились на 4,3% , а с 2005 года на 14,5%. В соответствии с предложением президента каждый штат будет обязан получить квоту на выбросы парниковых газов, что непременно послужит улучшением экологической обстановки в стране [2].

Стратегия в области высшего образования традиционно рассматривается в Соединенных Штатах Америки в качестве единственного из приоритетов президентского плана независимо от партийной принадлежности главы страны либо внутривнутриполитической либо внешнеполитической конъюнктуры [3; 2609-2616]. Двухпартийная направленность просветительской политики также законодательства особенно акцентирует внимание президент Б. Обама. В личном докладе в Северной Каролине 6 декабря 2010 г. не только приводил исторические примеры президентов-республиканцев А. Линкольна также Д. Эйзенхауэра, способствовавших формированию просветительского законодательства, однако также обозначил единую межпартийную совместную работу в процессе глубоких просветительских реформ Дж. У. Буша также У. Дж. Клинтона [5].

Новейшее руководство Президента Б. Обамы гарантировало развитие политики демократического большинства 110-го Конгресса Соединенных Штатов Америки (2008-2009), сосредоточенной на увеличении экономического залога доступности высшего образования в пользу абсолютно всех американцев. Гарантировав этим не только лишь президентскую должность, но также решительное большинство в двух палатах парламента, Демократическая партия Соединенных Штатов Америки ранее в первых законах значительным способом увеличила федеральные планы поддержки учащихся, а также членам их семей. В Том Числе и в обстоятельствах кризиса Б. Обама признал образование, в том числе высшее образование, главнейшей ценностью государственной политической деятельности, залогом предстоящего процветания Америки. Проект новейшей власти соединяет значительное увеличение федерального финансирования просветительских проектов присутствие небывалой экономии валютных денег налогоплательщиков и результат оптимизации экономических проектов, ликвидации лишнего дублирования, лишних посредников в оплате, упрощения операции оформления кредита для пользователя, формирования иных экономических проектов финансирования.

Образцом эффективной осуществлении доктрины Б. Обамы полагается рассматривать согласование 14 июля 2015 г. коллективного всеобъемлющего проекта операций согласно иранскому ядерному плану, в согласовании с которым Тегеран принимал на себя ответственность не использовать ядерный плутоний, переоснастить существующие в его местности ядерные объекты также применять их только в миролюбивых целях. Все без исключения данное в обмен на устранение долговременных финансово-экономических санкций, наложенных США, ООН также Европейским альянсом. Этим самым Вашингтону вместе с партнерами, участвовавшими в переговорах («шестерка» интернациональных посредников – пятерка стабильных членов Совета Безопасности ООН также Германия), получилось «остановить часы» иранского ядерного плана также уменьшить опасность распространения орудия массового поражения. В геополитическом значении в том числе и условная «разрядка» во взаимоотношениях между Вашингтоном также Тегераном определила некое повышение позиций Ирана в областном стратегическом соперничестве с Саудовской Аравией, к общественно-политическому управлению к которому Белый дом чувствовал конкретное сомнение [2].

Далеко не столь благоприятно для США формировались действия в других «горячих точках» Большого Ближнего Востока: Ираке также Афганистане. В двух вариантах, Б. Обама очутился не в состоянии осуществить собственное предвыборное обязательство об абсолютном выводе североамериканских войск. Стратегия Вашингтона вошла в безвыходное положение, но президент попал в западно, какую лично для себя приготовил, так как, с одной стороны, оставался убежденным противни-

ком продолжения военного присутствия Соединенных Штатов Америки в отмеченных государствах, но с иной – хорошо осознавал, то что в отсутствии североамериканских вооруженных сил в данных конфликтогенных зонах весьма стремительно станет принят открыто террористический режим радикальных исламистов. В существенной мере так и случилось: снижение военного контингента соединенных штатов америки с 180 тыс. человек вплоть до 15 тыс. обернулось активизацией основанного в Ираке Исламского государства, распространившего военные мероприятия в соседние государства [1].

В момент президентства Б. Обамы развитие от взаимодействия к противостоянию потерпели американо-российские взаимоотношения. В начальной стадии Российская Федерация занимала одну из основных участков в внешнеполитической повестке Белого дома, новый руководитель который старался усилить переговоры с Кремлем, ликвидируя конфликтны, унаследованные от власти Дж. Буш-младшего., также наращивая позитивные отношения. На мой взгляд, проблема для Б. Обамы существовала такая: для того чтобы, предохраняя государственный круг интересов Соединенных Штатов Америки, никак не вмешиваться в места, остро важные для Российской Федерации. Придерживаясь такого рода направления, североамериканский правитель сумел достигнуть договоренности с российской стороной по проблемам, показывающим двустороннюю военно-политическую роль. Подтверждением данному предстала подпись 8 апреля 2010 г. в Праге соглашения по части уменьшению стратегических вооружений (СНВ-3), поменявшего договор СНВ-1, период коего вышел в декабре 2009 г. Пражские соглашения рассматривались в Вашингтоне точно как единственный из знаков объявленной политики «перезагрузки» взаимоотношений с Москвой [4; 127-140].

Основные результаты международной работы Б. Обамы возможно подвести итог одной фразой: сокрушенные грезы об глобальном управлении. Со-

единенные Штаты стали отнюдь не в состоянии переформатировать общество согласно собственному типу, несмотря на то также сберегли за собою существенные возможности лидерства. Остается проблема, достаточно ли данной возможности для того чтобы завоевать уверенную победу в обостряющейся конкурентной борьбе а также экономически, политически доминировать в международный арене. Далеко не все целиком из того, о чем мечтал Б. Обама, приходя в Белый дом, было выполнено. Однако период его присутствия при правительстве разбил новую общественно-политическую историю Соединенных Штатов Америки на «до» и «после». Также тем, кто унаследует президентскую должность и обоснуется в конгрессе – демократам, республиканцам – потребуетеся разьяснить, по какой причине они отстают от ориентированности Б. Обамы также к чему это приведет. Либо, наоборот, каковым способом они намереваются применять его достояние, для того чтобы достичь этих целей, которые на сегодняшний день отдаленны от настоящего воплощения.

Список используемой литературы:

1. Кириченко Э. План Обамы: оценка перспектив // Прямые инвестиции. №4 (84). 2009. С. 34-36
2. Лаумулин М. Центральноазиатская политика США при президентстве Б. Обамы // Центральная Азия и Кавказ. Том 13, выпуск 4. 2010ю. С. 47-62
3. Макаров Е.П. Социально-политические процессы и трансформация взглядов на реформу здравоохранения в США // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 12 (57). С. 2609-2616
4. Чарап С. Российская политика Б. Обамы: промежуточные итоги и перспективы // Вестник московского университета Серия 25. №2. 2010. С. 127-151
5. Шустова Е. В. Дискурс Барака Обамы: приемы и образы // Политическая лингвистика. 2010. С.77-90

HISTORICAL SCIENCES

Akobirov Mirjalol

*Lecturer at the Center for Specialists of the
Armed Forces of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan.*

METHODS OF FIGHTING SULTON JALOLIDDIN MANGUBERDI

Abstract

The article describes the tactics and tactics used by Sultan Jaloliddin Manguberdi to secure a number of victories.

Keywords: *Field Battle, Alternative Battle, Maymana, Lawrence, Heart, Isofahan, Mockery, Chaos, jar.*

Sultan Jalaliddin Manguberdi, the last representative of the Anushtegin dynasty, who fought against the oppression of the Mongols in the 13th century and sacrificed his life for the freedom of the country, fought fierce battles in Afghanistan, India, Iran, Iraq, Azerbaijan, Georgia, Armenia and Abkhazia. Sultan Jalaliddin's victory in unequal battles is explained by the fact that the sultan used different fighting methods. Jalaliddin's general forms of combat were threefold: field battle, siege, and alternative confrontation. Of the forms of warfare mentioned above, the alternative form of combat is the lesser-scale form of combat. The scope of the field battle will be wider than that of an alternative confrontation. The sultan lined up his army in field and alternative battles in the traditional medieval style. The fighting order of the Khorezmshah army during the battles consisted of four parts. At the front of the army is the Muqaddama (also known as the front of the army, yazak), at the center of the second battle line is the heart (i.e., the center, led by the sultan himself), on the right side of the heart is the maymana (right wing), and on the left side of the heart is the maysara (left wing). The rear of the army was guarded by the arergard (muaxhara). The special unit (secret) was lined up in a separate line and was designed to surround and crush the enemy, i.e. to perform a reserve position. These units were activated depending on the condition of the enemy army. Judging by the tasks of the Sultan's army units on the battlefield, his methods of fighting are evident. The task of the advanced unit in the army was usually to engage in reconnaissance. The role of the advanced part in the battle with the opponent was great, and depending on the situation, changes were made in the composition of the part. In this case, while the army of the opposing side is larger than the army of the sultan, the most courageous and distinguished warriors are placed in the advanced part of the army.

In India, Shatra was the head of the Ranasi himself, strengthening the advanced part in the battle against the armies. The reason is that without having to approach the numerically superior enemy army, they will have to be dispersed from the first blow given to them by the advanced advanced unit. Or we can observe a similar situation in the confrontation with the ruler of the Indian province, Shamsutdin elutmish. In this clash, Jahon Pahlavon Uzbek Toyi gives the first blow against the enemy to the reinforced advanced unit

and breaks through the advance of the rival army, leaving the main army in the middle and scattering them. Then it will be easier to control the enemy army. In some cases the movement of the advanced part played an active role in the siege of the fort, at which time they were mainly armed with bows and arrows. During Jalaliddin's march to Tbilissi (Georgia), the advanced part of his army fired arrows, forcing the besiegers to surrender, according to sources. When Sultan Jalaliddin entered the field and the alternate battles, the main part of the army was divided into the center, right wing, and left flanks, and the right and left flanks were commanded by the Maliks and Khans.

The center was headed by the sultan himself. The fighters of these wings were also armed according to the situation before the battle, and it was decided which wing would start the battle depending on the situation, i.e. the location of the enemy troops on the battlefield, the number and composition of the troops. Usually the left wing soldiers were armed with bows and arrows, while the right wing consisted of strong cavalry. In Garnida, for example, in a battle with the Georgians, the Georgian army would be on the hill and the sultan's army on the low. Naturally, in this case, the advantage in the comfortable movement of soldiers was in the hands of the Georgians. Sultan Jalaliddin, who was able to assess the situation correctly, strengthened the right wing on defense, the left wing on foot, and the center at the expense of his opponents. Initially, the infantrymen began to fight in order to weaken the enemy army by keeping them at a greater distance from themselves. So it was natural for the sultan to feel the need for parts made up of yayandoz, given that the initial action was initiated by the yayandoz in cases where the ratio of forces was not equal for various reasons, and that this method usually ensured victory. When large prey was captured, the first hunters and cavalymen contributed from the prey. After the victory of the Indian ruler over Cuba, we can observe the same situation in the distribution of the spoils of war. Due to the convenience of their position on the battlefield, when the opposing side was superior to Sultan Jalaliddin's troops, the right wing was usually defended, and in open field battles on the plains, the strong cavalry on the right wing of the sultan's army launched the first attack. Jalaliddin's confrontation with the Mongols took place mainly in the form of a plain, open battle, and in such battles the cavalry on the right wing played an important role. The

Mongol commanders also correctly analyzed the composition and movement of the sultan's army's right wing in battle, trying to weaken it by giving the first blow to the right wing in the conflict. The center of the army, as noted above, was headed by the sultan himself. The security of the sultan was provided by a special body-guard unit (haras). These guards were purchased or taken from slaves captured as a result of the war. The main task of the center, headed by the Sultan himself, was to strike the center of the enemy army during the battle and destroy it. At the rear of Jalaliddin's army was a special unit, the Hafiya, which consisted of cavalry on a regular basis. This unit was a reserve unit designed to chase and encircle a retreating enemy army. Garnida, for example, reinforces the rear of the army with cavalry in a clash with the Georgians. Once the bulk of the enemy army is dismantled, the cavalry is thrown against the retreating enemy. Sultan Jalaliddin also had a lightly armed special army, which was called Jarida. The sultan used this army during an emergency attack. For example, after Jalaliddin conquered Tiflis, he heard about the betrayal of Barak Hajib, the ruler of Kerman, and immediately sent his lightly armed army to Iran. Sultan Jalaliddin was ambushed in open and field battles. When he ambushed the Koshtemur-led caliph's army, he was able to convince the enemy that there was no ambush, leaving a certain part of his army in ambush, attacking the enemy's center first with 500 cavalry and then his right and left flanks as if he had entered a formal battle. Before going into battle with an enemy army that was numerically superior and composed of an alliance of different tribes, the sultan sought to dismantle them diplomatically by studying the strength and composition of the opposing army. For example, in 1227, the rulers of Greece, Syria, Abkhazia, Georgia, and Kipchak formed an alliance against the sultan. When the sultan found out that the enemy troops contained Kipchaks, he sent them bread and salt. After which the Kipchaks came with their army and took their place next to the sultan. Sultan Jalaliddin organized a separate battle of heroes before the battle in order to have a strong influence on the morale of the army. For example, before entering the war with the Georgians in 1227, the sultan offered a separate one-on-one battle with the rival side. He then defeats the mountain-like wrestler and his three sons on the Gurchi side, and then the Aznavr-named wrestler, in turn. This had a great positive effect on the morale of the sultan's army. Jalaliddin suddenly hit his opponents in unexpected situations. The sultan used the same method against Igan Taisi in Hamadan and against the Georgians in Garni. In open battles, the sultan sent part of his army to the city, or fortress gate, where his enemies could retreat during the battle before the battle. This military unit blocked the way of the retreating enemy army and did not allow them to enter the city, or the fortress. When Jalaliddin besieged the fortresses, he lined up his soldiers in a circle around the fortress. During the siege, Jalaliddin's soldiers used siege machines (dabbabat), palakhmans (manjanik), "turtles" (mataris), wall-break-

ing devices (jamaluqat), and ladders (salalim) used during the siege. Jalaliddin's infantry and cavalry were armed with the most modern weapons. First of all, arrows, bows, swords, spears, shields were the main weapons. In Sultan Jalaliddin's army, the horse also played a special role. However, during his march to India, Sultan Shamsiddin encountered the resistance of a special military unit composed of eleven elephants. At such a time, even the horse cannot provide an opportunity to achieve the expected victory. After that, Sultan Jalaliddin prepared 500 camels, placed pieces of oil-soaked wood on them and ordered them to be burned. The soldiers drive the burning camels towards the unit, which is made up of elephants. Seeing the fire coming towards him, the elephants disobeyed and retreated, crushing the Indian soldiers.

In conclusion, we can say that Sultan Jalaliddin had thoroughly studied the enemy army on a regular basis before the battle. If the enemy army was superior in number and position on the battlefield, the sultan, as usual, divided his army into parts, and tried to strike first and weaken them. It is evident from this that the part of the sultan's army which gives the first blow is strengthened to such an extent that it weakens the enemy army with one blow. It was mentioned above that the sultan's soldiers were armed with the most modern weapons. According to sources, when Sultan Jalaliddin besieged the city of Ikhlot, the opponents became armed against him in such a way as to increase their self-confidence. In particular, they used a firecracker when fired. This weapon is a rifle in modern parlance. Later, the sultan's soldiers may have used the same weapon. The reason is that the sultan wins the battle. Jalaliddin may have seized weapons, including this weapon, as prey after his victories in all battles. From this it can be concluded that it is possible that the sultan's soldiers used a rifle. (Author's opinion.) The reason is that in order to achieve great victories, it is necessary to use not only perfect combat tactics, but also the effective use of weapons, which was not a secret for a commander like Jalaliddin.

References:

1. Nasavi Shahobiddin Muhammad. Details of the life of Sultan Jalaliddin Manguberdi / Translation and foreword by Matyokubov Kamol. T.: FAN, 2018
2. Alouddin Atomic Juvenile. History of Jahongusho. / Translation and foreword by Nazarbek Rahim, Mursal Ozturk. T.: Classic word, 2015
3. Hasanov F. Military Hour of the Peoples of Turan T.: National Encyclopedia of Uzbekistan, 2018
4. Dadaboev X.V. History of Martial Arts T.: 2013
5. Zikri of Jalaliddin Manguberbi in Mirkhand's "Ravzat us-Safo asarida" / Foreword by M. Hasaniy. - T.: Fan, 1999
6. Ziyo Buniyodov Anushtegi Khorezmshahlar davlati / Translation and foreword by A.Ahmad and M.Mahmud. T.: Literature and Art, 1998
7. Jumaboy Raximov. The brave hero of the homeland. T.: Talqin, 2015

Батурич Сергей Петрович

канд.ист.наук, доцент,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

Кемеровского института (филиала)

Российского экономического университета имени Г.В.Плеханова

Кемеровский институт (филиал)

Российского экономического университета имени Г.В.Плеханова,

Россия, 650992, Кемеровская область,

г. Кемерово, пр. Кузнецкий, 39

[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11662](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11662)

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.

Baturin Sergey Petrovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,

Associate Professor, Department of Humanities

Kemerovo Institute (branch)

Russian Economic University named after G.V.Plekhanov

Kemerovo Institute (branch)

Plekhanov Russian University of Economics,

Russia, 650992, Kemerovo region,

Kemerovo, pr. Kuznetsk, 39

ROMAN-CATHOLIC CHURCH IN SIBERIA ON THE BORDER OF XIX-XX CENTURIES.

Аннотация

В данной статье проанализирован процесс становления и развития в Сибирском регионе Римско-католической церкви, ее влияние на формирование менталитета как местного старожильского населения, так и многочисленных мигрантов из Западных областей России. Массовое переселенческое движение в Сибирь конца XIX – начала XX веков, значительно ускорившееся вследствие завершения строительства транссибирской железной дороги, значительно увеличило приток мигрантов, в том числе римско-католиков в этот регион. В переселенческих поселках Сибири развернулось строительство католических храмов, наблюдался рост числа приходов и прихожан, причем строительство осуществлялось за счет средств самих переселенцев. Католики посещали сибирские костелы не только для удовлетворения своих духовных, религиозных потребностей, но и одновременно получали возможность встречаться друг с другом, общаться на родном языке, оказывать взаимную поддержку, вспоминать о родине, соотечественниках, о своих духовных ментальных связях с ними. Создавая свои поселения-колонии, сохраняя самобытность, обычаи, традиции и веру предков, они во многом способствовали хозяйственному и культурному освоению сибирских просторов, ставших для них новой родиной, внесли свой вклад в формирование облика общероссийской и сибирской действительности.

Abstract

In this article are analyzed the making and development in the Siberian region of Roman Catholic church, its influence on the formation of the mentality of both the local old-resident population and the numerous migrants from the Western regions of Russia. The mass migratory motion into Siberia of the end no-load condition – of the beginning KHKH of centuries, which was considerably accelerated as a result of the completion of the building of Trans-Siberian railroad, considerably increased the inflow of the migrants, including of Roman- catholics into this region. In the migratory settlements of Siberia the building of Catholic temples was developed, an increase in the number of arrivals and parishioners was observed, moreover building was achieved due to the means of migrants themselves. Catholics attended Siberian churches not only for the satisfaction of their spiritual, religious needs, but also simultaneously was obtained the possibility to be met with each other, to met with each other, to associate in the native language, to render the mutual backing, to recall about the native land, compatriots, about their spiritual mental connections with them. Creating its settlement- colonies, preserving originality, customs, tradition and the faith of ancestors, they in many respects contributed to the economic and cultural mastery of the Siberian expanses, which became for them the new native land, they made their contribution to the formation of the appearance of all-Russian and Siberian reality.

Ключевые слова: римско-католики, переселение в Сибирь, костелы, культурное освоение Сибири, самобытность.

Keywords: Roman- catholics, migration into Siberia, churches, cultural mastery of Siberia, originality.

При рассмотрении конфессиональной политики Российского государства на рубеже XIX–XX веков основное внимание исследователей уделяется православию [2,3,4,5], в то время как иные ве-

роисповедания, в частности, католицизм, сыгравшие значительную роль в социально-экономическом и культурном развитии Российской империи, изучены в гораздо меньшей степени.

История католических организаций в России насчитывает несколько веков, однако их структура сформировалась только в первой половине XIX века. Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, образованное в 1810 г., в 1832 г. было присоединено в Министерству внутренних дел в качестве особого Департамента под тем же наименованием и в таком виде просуществовало до 1917 г., когда и было ликвидировано Временным правительством [7, с. 16].

Высшим органом управления католической церковью в России являлась Римско-католическая духовная коллегия в Санкт-Петербурге, основанная в 1801 г. Глава коллегии — Могилевский архиепископ, являлся митрополитом всех римско-католических церквей в Российской империи. К началу XX века католическое население Российской империи насчитывало свыше 10,5 млн. человек. В России действовало в общей сложности более 5 тыс. католических церквей и каплиц (часовен), в которых служили 4,3 тыс. священников [9, с. 21]. В силу специфики своего создания и функционирования, Могилевская архиепархия в первую очередь подчинялась власти царского правительства в Российской империи, а уж затем - папы Римского. Еще Петром I был провозглашен основополагающий принцип отношения российской власти к римско-католической церкви на территории Российской империи, соблюдавшийся вплоть до 1917 г.: терпимое отношение к католикам при условии их полной политической лояльности.

В азиатской части России католические общины возникают лишь в начале XIX века. Создаются католические приходы с центрами в Томске, Иркутске, Красноярске, Нерченске и т.д. Местными органами управления были духовные консистории в каждой епархии. До начала XX века в Сибири не было католических административных единиц. Но в связи с резким увеличением численности переселенцев, в том числе римско-католического исповедания, встал вопрос об образовании особой Сибирской епархии. Это предложение не сразу нашло поддержки у Министерства внутренних дел. Однако, опасаясь падения нравственности у католического населения, активизации польского повстанческого движения в местах проживания ссыльных поляков, в 1909 г. Главным управлением духовных дел иностранных исповеданий были учреждены сибирские деканаты: Омский, Томский и Иркутский. К Омскому деканату были причислены храмы: Екатеринбургский, Омский, Тобольский, Тюменский, Курганский, Челябинский, Келлеровский, Мариенбургский, Кустанайский, Петропавловский. Численность католиков во всех приходах деканата на момент его создания составляла 38 тыс. чел. Томский деканат объединил все римско-католические церкви, молитвенные дома, каплицы и филиальные костелы Томской губернии.

Количество прихожан на 1909 г. составляло 35 тыс. 770 чел. [9, с. 17].

Хотя отдельные католики начали попадать на территорию Восточной Сибири еще в XVII веке, становление здесь административной и организационной структуры католической церкви началось только в начале XIX века - с прибытием в регион представителей монашеского ордена иезуитов. Наибольший вклад в становление организационной структуры католической церкви в восточно-сибирском регионе внесли представители монашеского ордена бернардинцев, прибывшие на смену изгнанным из России в 1820 г. иезуитам. Благодаря усилиям бернардинцев в 1826 г. в Иркутске был сооружен первый в регионе католический храм, вокруг которого сосредоточились католики не только Иркутска и Иркутской губернии, но и всей Восточной Сибири. Иркутский приход в то время в территориальном отношении являлся самым крупным католическим приходом в мире. В 1836 г. образовался самостоятельный католический приход в Красноярске, а в 1842 г. - в Нерченске. В 1857 г. был сооружен католический храм в Красноярске; в 1876 г. - в Чите [6, с. 22]. Таким образом, Иркутск, Красноярск и Чита последовательно оформляются как центры нового организационного, административного и культурного влияния католической церковной организации на обширную территорию региона.

Руководители сибирских деканатов подчинялись непосредственно архиепископу Могилевскому. Без согласования с вышестоящими инстанциями католическим организациям Сибири невозможно было решить ни один вопрос церковной жизни: построить новую церковь, создать новый приход, назначить или перевести в другой приход священника, обеспечить священника денежным содержанием, приобрести недвижимость, организовать сбор пожертвований и т.п.

Желающие иметь в своем населенном пункте католический храм, должны были обратиться с ходатайством в Духовную коллегию, которая, в свою очередь, обращалась с соответствующей просьбой в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Установленный порядок строительства храмов начал действовать с марта 1910 г. За постройку культовых зданий, "не получив на то дозволения надлежащего духовного и светского начальства", виновные подвергались "денежному взысканию" [8, оп. 125, д. 693, л. 86]. Правительство в лице Департамента духовных дел иностранных исповеданий шло навстречу просьбам католиков о строительстве храмов. Только в период с 1909 по 1912 гг. разрешение на строительство храмов получили католики поселков Гриневицы, Елизаветинский, Зачулымский, Зеленополь, Хлебный, станций Тайга, Тухтеть. В Енисейском, Томском и Иркутском переселенческих районах в этот период было построено 7 костелов. В эти районы по просьбе иностранного духовенства, а нередко и по инициативе Переселенческого управления командировали католических священников [1, с. 240].

Назначение священнослужителей в построенные или еще находившиеся в процессе строительства церкви происходило следующим образом: управляющий Могилевской архиепархией рассылал соответствующие представления губернатору Тобольской или Томской губернии, на чьей территории находился храм, а также курату - настоятелю приходского храма, в чьем ведении находился причт, руководителю соответствующего деканата и Могилевской римско-католической духовной консистории. Если ни с чьей стороны возражений не было, то предлагаемая кандидатура считалась утвержденной и священнослужитель отправлялся к новому месту служения.

Сибирские священники-католики жили исключительно за счет "тарелочного сбора", т.е. пожертвований прихожан, поэтому отличались крайней бедностью. На просьбу о выделении средств на содержание католических священнослужителей из государственной казны в 1910 г. был получен отказ: "... отпуск кредитов из казны на содержание сибирского римско-католического духовенства не предусмотрен и принципиально, в силу действующих государственных узаконений, на обязанности правительственной власти может лежать забота о содержании лишь представителей господствующей церкви и православных храмов, а признанные инославные церкви содержатся на средства своих последователей". В виде исключения новорукоположенным священникам на проезд к месту службы выделялось по 100 рублей, вне зависимости от расстояния [11, оп. 125, д. 680, л. 184]. Кроме того,

римско-католическая церковь наряду с другими инаславными конфессиями не имела права заниматься миссионерской деятельностью, которая до 1905 г. оставалась прерогативой Русской православной церкви. 17 апреля 1905 г. был объявлен Высочайший Манифест о свободе вероисповедания, который снял различного рода ограничения с деятельности инославных конфессии в Российской Империи.

Согласно данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., римско-католики составляли 9,09 % от общего состава населения, 69,5 % составляли православные с единоверцами, 11,1 % - мусульмане, 2,9 % - протестанты. Таким образом, католики являлись третьей по численности конфессиональной группой в России. Правда, в Сибири они составляли лишь 0,6 %, большая их часть проживала в Европейской России - 4,6 %, а в Привисленских губерниях католики являлись доминирующей конфессиональной группой - 74,3 % [10, т. 6, с. 19].

В конце XIX - начале XX веков в процесс массовых переселений в Сибирь были вовлечены и римско-католики - поляки, литовцы, латыши, белорусы, немцы. Их местом проживания стали Томская, Тобольская, Енисейская, Иркутская, Забайкальская губернии, Акмолинская область. О вероисповедном составе населения сибирских губерний и областей свидетельствуют данные таблицы 1 [2, с. 10].

Таблица 1

Вероисповедный состав населения сибирских губерний и областей на основании данных первой переписи населения 1897 г., в процентах ко всем жителям

Губерния и область	Всех жителей, в %						
	православные	магометане	католики	протестанты	иудеи	прочие христиане	не христиане
Акмолинская	34,31	64,43	0,25	0,77	0,24	-	-
Енисейская	96,4	0,86	1,08	0,66	1,00	0,01	0,35
Забайкальская	81,0	0,48	0,30	0,10	1,18	0,01	16,93
Иркутская	83,62	1,48	0,78	0,15	1,60	0,03	12,34
Тобольская	94,12	4,47	0,50	0,43	0,17	-	0,31
Томская	95,62	2,12	0,44	0,10	0,40	0,01	1,31

Если сравнивать насыщенность католическим населением Западносибирского и Восточносибирского регионов в конце XIX - начале XX веков, то

заметим, что в 1897 г. процентное отношение католиков к основной массе сибирского населения было несколько большим в Восточной Сибири, нежели в Западной.

Таблица 2

Состав римско-католического населения сибирских губерний и областей на основании данных первой переписи населения 1897 г., в абсолютных данных и процентах ко всем жителям

Губг Губерния и область	Мужчины	Женщины	Всего	
			А абсолют. данные	%
Енисейская	4561	1607	6186	1,08
Иркутская	2990	1042	4032	0,78
Тобольская	4378	2707	7085	0,50
Томская	5388	3199	8587	0,44
Забайкальская	1440	455	1895	0,30
Акмолинская	997	707	1704	0,25
Ито Итого:	19754	9717	29471	0,56

Подсчитано по источнику: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. СПб. 1901. - С. 2-5, 34-37.

К 1911 г. вероисповедный состав населения сибирских губерний в процентном отношении не изменился, хотя численность жителей резко возросла

в связи с колонизационными процессами. Рассмотрим эту динамику на примере Томской губернии, где проживало по данным первой переписи населения 1897 г. наибольшее число римско-католиков - 8 тыс. 973 чел.

Таблица 3

**Численность населения Томской губернии по конфессиональной принадлежности
(за 1897 и 1911 гг.)**

Исповедание	Количество исповедующих	
	1897 г.	1911 г.
Пра православное	1 743 704	3 399 343
Ста старообрядческое	99 055	140 000
Рим римско-католическое	8 973	39 000
Лют лютеранское	1 945	21 000
Иуд иудейское	7 899	16 055
Мус мусульманское	40 201	30 789
Ито Итого:	1 927 932	3 673 746

Составлено по данным: Азиатская Россия. - СПб. 1914. - С. 236, 240.

Количество католиков в Томской губернии увеличилось за 14 лет в 4,3 раза, лютеран - в 10,5 раз, православных - в 2 раза. Число русских православных оставалось на данной территории, конечно, преобладающим. Несмотря на быстрый рост лютеранских поселений, католики превосходили их в количественном отношении в 2 раза.

В 1897 г. основным контингентом римско-католического населения Сибири были ссыльные. Как отмечают сами организаторы переписи населения: "Сравнительная многочисленность поляков объясняется, конечно, массовой ссылкой их в Сибирь после восстания 1863 г., из которых многие, получив помилование, возвратились обратно на родину, но часть их них, найдя заработок, осталась в губернии, рассеявшись почти по всем округам" [10, т. 78, с. XXX VII].

Относительно Томской губернии было замечено: "римско-католики почти все состоят из поляков, литовцев и латышей", что касается Акмолинской области, то "относительное распределение народностей по вероисповеданиям вообще совпадает с установившимися понятиями по принадлежности данной национальности к известной религии, т.е. русских к православию, поляков к католицизму, турецко-татарских народностей к магометанству и т.д." [10, т. 74, с. VI].

В Восточной Сибири также возросло общее количество католиков, костелов и приходского духовенства. В 1850 г. в регионе насчитывалось 3086 католиков, 1 костел, 4 священника; в 1897 г., соответственно, 11 тыс. 455, 3 и 5; в 1915 г. - до 20 тыс., 18 и 8 [6, с. 26].

Сибирь в начале XX века становится важнейшим регионом колонизационной политики Российской империи, причем этот процесс сопровождался строительством железной дороги, с окончанием постройки которой сюда хлынули массы крестьян-пе-

реселенцев из Европейской России, в том числе католического вероисповедания в целях свободного хозяйствования на свободной земле.

Добровольная польская аграрная миграция стала массовой, по мнению польского историка В. Масяржа в период с 1907 года по 1914 год. В Сибирь ехали чиновники, служащие, юристы, учителя, купцы, врачи, а больше всего инженеры и квалифицированные рабочие на строительство Транссибирской железной дороги. Жили они в основном в городах и на станциях вдоль железной дороги [8, с. 14].

В годы Первой мировой войны в Сибирь по-прежнему, в поисках лучшей доли, прибывали переселенцы, появилось эвакуированное из зоны военных действий католическое население - беженцы и военнопленные из австрийской и германской армий. Большинство беженцев католического исповедания обосновались в городах и на железнодорожных станциях вблизи транспортных магистралей. По сведениям особого совещания, по устройству беженцев, к ноябрю 1915 г. по Транссибирской железной дороге прошло около 15 тыс. беженцев, основная часть которых была размещена в городах Омске, Красноярске и Иркутске; к августу 1916 г., число осевших в одной только Томской губернии составило 56 тыс. человек [11, оп. 128, д. 1426, л. 133, 167].

Последующие переписи населения не ставили своей задачей исследование вероисповедного состава населения страны. Есть данные лишь по Томской губернии, где число католиков было наибольшим в Сибири. В 1909 г. в городах и селениях Томской губернии проживало 35 тыс. 990 человек католического исповедания, через год, в 1910 г., - уже 41 тыс. 111 чел., в 1912 - 43 тыс. 537 чел., в 1913 г. - 51 тыс. 991 чел., что в среднем составило от 1,07 до 1,35 % населения губернии [9, с. 15].

Большая часть римско-католиков проживала в городах - 3,11 % от всего городского населения и

лишь 0,87 % - на селе, хотя в 1907 г. соотношение было иным: большинство римско-католиков проживали в деревнях, т.к. находились под надзором полиции и для въезда в город требовалось особое

разрешение. В начале XX века переселенцы получили свободу в выборе места жительства. О католическом населении Сибирских городов свидетельствует таблица 4.

Таблица 4

Католическое население Сибирских городов в 1910 году

Город	Римско-католики		Поляки (чел.)
	чел.	%	
Акмолинская область			
Омс Омск	4 850	3,8	Нет сведений
Акм Акмолинск	25	0,2	25
Атб Атбасар	18	0,6	5
Кок Кокчетав	9	0,2	9
Пет Петропавловск	182	0,5	190
Ата Атаманский хутор	2 059	8,7	2 059
Тобольская губерния			
Тоб Тобольск	1 029	5,7	874
Бер Березов	19	1,5	19
Иш Ишим	313	2,4	322
Кург Курган	655	2,7	655
Сур Сургут	21	1,6	21
Тар Тара	240	2,1	240
Тур Туринск	54	1,8	54
Тюк Тюкалинск	102	1,9	102
Тю Тюмень	640	2,0	640
Ялу Ялуторовск	12	0,3	12
Томская губерния			
Том Томск	3 916	3,6	3 916
Бар Барнаул	59	0,1	59
Бий Бийск	271	1,0	-
Каи Каинск	140	2,2	140
Куз Кузнецк	20	0,5	20
Мар Мариинск	775	4,2	182
Зме Змеиногорск	10	0,1	10
Ко Колывань	7	0,1	7
Нар Нарым	2	0,2	Нет сведений
Нов Новониколаевск	2 065	3,9	1 965

Составлена по данным: Города России в 1910 г. - СПб. 1914. - С. 1030-1031, 1100-1101.

Заметим, что подавляющее большинство католиков-переселенцев в сибирских городах являлись гражданами польской национальности, за исключением г. Бийска, где все католики оказались немцами. В Мариинске, Новониколаевске, Тобольске, Омске католиками являлись наряду с поляками литовцы, латыши, белорусы, немцы.

Согласно данным первой Всеобщей переписи населения 1897 г., в процентном отношении исповедовали католичество 97,3 % сибирских поляков, 94,8 % литовцев, 81,1 % латышей, 10,1 % немцев, 0,7 % белорусов, 0,05 % цыган, 0,03 % великороссов [10, т. 73, с. 60-61; т. 74, с. 64-65; т. 75 с. 60-61]. К 1910 г. процентное соотношение католиков по национальностям не претерпело существенных изменений (табл. 5).

Таблица 5

Национальный состав населения западносибирского региона к 1910 г., в %

Губернии и области	немцы	русские	татары	поляки	финны	евреи	литовцы
Тоб Тобольская Губ губерния	0,1	91,6	4,6	0,4	2,5	0,2	0,2
Том Томская Губ губерния	0,1	91,4	6,4	0,3	0,9	0,4	0,1
Акм Акмолинская область	0,7	33,1	64,4	0,2	1,3	0,2	0,1
Всего по империи	1,6	65,5	10,6	6,2	4,5	3,9	2,4

Составлена по данным: Ежегодник России 1910 г. - СПб., 1910. - С. 65.

Однако был рост в абсолютных цифрах. Только в Томской губернии, как мы уже указывали, в 1897 г. проживало - 8 тыс. 973 прихожанина римско-католической церкви, а уже в 1911 г. - 39 тыс. чел. [1, с. 240].

Массовое организованное движение немцев-католиков в Алтайский округ Томской губернии началось после принятия Государственной Думой и Государственным Советом закона от 19 сентября 1906 г. "О передаче кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного управления Землеустройства и Земледела для образования переселенческих участков". Выходцами из Поволжья и с Украины уже в 1907 г. были основаны 14 немецких поселений в Славгородском уезде Томской губернии, в 1908 г. - 16, 1909 г. - 16, в 1911 г. - 1, в 1913 г. - 4, в 1914 г. - 1. Часто мигранты давали своим колониям названия тех населенных пунктов, откуда они выехали в Сибирь: так появились в Акмолинском уезде Саратов, в Омском - Одесса, в Славгородском уезде в 1912 г. появился даже собственный Лондон, где обосновались 324 немца католического исповедания. Католики и лютеране нередко образовывали совместные поселения. Всего же в период с 1906 по 1914 гг. немецкими колонистами в Омском и Славгородском уездах было образовано 323 населенных пункта и более 130 - в Северном и Восточном Казахстане [12, с. 36]. К их числу относятся Александрхайм Славгородского уезда (240 католиков), Блюменталь (Цветнополе) Ореховской волости того же уезда (129 католиков), Гейдельберг (700 католиков) и Маленький (186 католиков) в Знаменской волости, Екатериненталь (115 католиков) в Ключевской волости, Либенталь (346 католиков) в Орловской волости и Лондон (324 католиков) в Благовещенской волости того же уезда [9, с. 19].

Благодаря поддержке Переселенческого Управления в переселенческих районах возводились новые католические церкви. В 1906 г. были построены молитвенные дома в поселках Вяземский, Ломовицкий, Маличевка, Кыштовка, филиальный костел в г. Каинске, в 1907 г. - филиальный костел в г. Барнауле, в 1908 г. филиальный костел в поселке Верхне-Куртамское, в 1909 г. - молитвенные дома в поселках Келлеровка и Мариенбург, в 1910 г. - молитвенные дома в г. Тара и поселке Хлебный, филиальный костел в поселке Зачулымский, 1911 г. - молитвенные дома в поселках Гриневицы и Елизаветенский, в 1912 г. молитвенный дом в поселке Зеленополь, в 1914 г. филиальный костел в г. Славгороде. В г. Тобольске в 1909 г. был достроен и освящен новый костел в готическом стиле из красного кирпича, в том же году Ишимской церкви даровано новое здание, а в Новониколаевске построен каменный костел, который получил статус приходского храма. В ранг приходского в 1910 г. был возведен костел в г. Каинске. В 1912 г. было получено положительное решение о строительстве в г. Томске второго католического храма, т.к. первый уже не вмещал всех прихожан. Число новопривывших католиков было так велико, что даже строившиеся

храмы, каплицы и молитвенные дома не могли удовлетворить религиозных требований всех желающих. Для удовлетворения нужд католиков, проживавших вдали от приходских храмов, создавались капеллании (разъездные причты). В 1909 г. капеллании были учреждены в поселках Донском и Плотниково Змеиногорского уезда Томской губернии, городах Зайсане, Семипалатинске, Усть-Каме-ногорске [9, с. 19].

Большую роль в оказании помощи пострадавшим сыграли члены благотворительного общества Притомской римско-католической церкви. В городах Новониколаевске и Томске селились рабочие и служащие, а земледельцы направлялись в сельскую местность. При расселении беженцев учитывалась их национальная и конфессиональная принадлежность, что, безусловно, способствовало быстрой адаптации мигрантов в новых условиях. Стремясь к удовлетворению не только материальных, но и духовных потребностей беженцев, Министр внутренних дел издал распоряжение за № 6403 от 20 ноября 1915 г., предписывавшее местным гражданским властям в местах массового скопления католиков выдавать, с соблюдением предосторожностей, разрешения на устройство временных помещений для совершения богослужений.

Стремительно увеличивавшееся количество лиц католического исповедания уже не успевали обслуживать местные священники. В помощь им, с согласия Министерства внутренних дел, в 1915 г. было командировано еще около 100 пастырей, в основном из числа беженцев. Правительство даже взяло на себя бремя расходов на содержание этих духовных лиц: им назначалось ежемесячное жалование в размере 150 рублей [11, оп. 128, д. 1426, л. 214, 325].

Новые общины в эти годы не создавались, не возводились и новые культовые здания, кроме постройки в 1916 г. деревянного молитвенного дома в г. Тара и освящения в том же году часовни в г. Бийске. Беженцы примыкали к уже существующим на данной территории общинам.

Февральскую революцию 1917 г. католики встретили с энтузиазмом, поскольку 2 (14) сентября 1917 г. Временное правительство издало распоряжение, юридически уравнившее римско-католическую и православную церкви, даровав католикам свободу духовной деятельности, контактов с Римом, в том числе и по делам назначения епископов без согласования с российским правительством.

В октябре 1917 г. деятельность русской миссии в Ватикане прекратилась. Директивным документом, положившим конец легальному существованию римско-католической церкви в России, стало постановление НКЮ "О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви" от 30 августа 1918 г., лишившее все религиозные объединения имущества и прав юридического лица.

Таким образом, культурная колонизация Сибири в конце XIX - начале XX веков, включавшая в себя римско-католическое население, являлась составной частью государственной переселенческой

политики. Оказание помощи переселенцам не только в экономическом, но и в духовно-нравственном плане особенно после 1905 г. привлекало в Сибирь все новые потоки мигрантов. Католики посещали сибирские костелы не только для удовлетворения своих духовных, религиозных потребностей, но и одновременно получали возможность встречаться друг с другом, общаться на родном языке, оказывать взаимную поддержку, вспоминать о родине, соотечественниках, о своих духовных ментальных связях с ними. Создавая свои поселения-колонии, сохраняя самобытность, обычаи, традиции и веру предков, они во многом способствовали хозяйственному и культурному освоению сибирских просторов, ставших для них новой родиной, внесли свой вклад в формирование облика общероссийской и сибирской действительности.

Список литературы:

1. Азиатская Россия. Издание переселенческого управления, главного управления землеустройства и земледелия. т. 1.
2. Батуринов С.П., Батурина Т.В. Взаимоотношение Русской православной церкви с иными христианскими конфессиями в Сибири на рубеже XIX-XX вв. // Духовные истоки русской культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции 19-20 мая 2005 г. ч. 1. - Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, 2005.
3. Батурина Т.В., Батуринов С.П. К вопросу о культурно-просветительской деятельности Русской

православной церкви в Сибири в пореформенный период/ Социогуманитарный Вестник: Кемеровский институт (филиал) РГТЭУ. – 2011, №7. – С. 32-37

4. Батуринов С.П., Батурина Т.В. Конфессиональный фактор крестьянских переселений в Сибирь в конце XIX – начале XX века/ Социогуманитарный Вестник: Кемеровский институт (филиал) РГТЭУ. – 2014, №1(13). – С.63-67
5. Батуринов С.П. Государство и православная церковь в колонизационных процессах Сибири на рубеже XIX – XX веков/ Социогуманитарный Вестник: Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2017, №1(17). – С. 132-140
6. Емельянов С.М. История католической церкви в Восточной Сибири (начало XIX в. - 1917 г.) Автореф. дисс... канд. ист. наук. - Иркутск, 2002.
7. Задворный В., Юдин А. История католической церкви в России. - М., 1995.
8. Масяж В. Поляки в Восточной Сибири 1907-1947 гг.) - Автореф. дисс... д.и.н. - Иркутск, 1995.
9. Недзелюк Т.Г. Римско-католическая церковь в Западной Сибири 1881-1918 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. - Новосибирск, 2001.
10. Первая Всеобщая Перепись населения Российской империи 1897г. - СПб. 1901.
11. РГИА, ф. 821.
12. Ханевич В.А. Сибирские ксендзы // Сибирская старина. - 1995. - № 9.

Айдинова Валерия Архимедовна

Студентка 2 курса факультета управления,

Вотченко Нина Дмитриевна

Студентка 2 курса факультета управления

Плотникова Е.В.

к.э.н., старший преподаватель

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т.Трубилина

(г. Краснодар, РФ)

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Ayidinova Valeria Arhimedovna

2nd year student of the Faculty of Management,

Votchenko Nina Dmitrievna

2nd year student of the Faculty of Management

Plotnikova E.V.

Ph.D., Senior Lecturer

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina

(Krasnodar, Russian Federation)

THE ROLE OF THE STATE IN THE MODERN ECONOMY OF RUSSIA

Аннотация

Данная статья посвящена такой актуальной теме как роль государства в современной экономике России. Для достижения решения данной проблемы были выявлены следующие задачи: выявить место государства в современной экономической системе, описать роль государства в данной системе. Для лучшего понимания темы мы раскрыли такие понятия как государство и экономика.

Abstract

This article is devoted to such an urgent subject as the role of the state in the modern economy of Russia. To achieve a solution to this problem, the following tasks were identified: to identify the place of the state in the modern economic system, to describe the role of the state in this system. For a better understanding of the topic, we have revealed such concepts as the state and economy.

Ключевые слова: государство, государственное регулирование, рынок, рыночная экономика, механизмы регулирования, роль государственного аппарата в экономике

Keywords: state, state regulation, market, market economy, regulatory mechanisms, the role of the state apparatus in the economy

Сперва рассмотрим, что из себя представляют само государство и экономика страны. На наш взгляд, государство – это исторически сложившийся институт политической системы, обладающий властью на конкретной территории, который организует, направляет и контролирует совместную деятельность людей, групп и объединений. Экономика – это хозяйственная деятельность общества, а также совокупность отношений, складывающихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления.

Рыночная система развивалась в течение многих тысячелетий во время распада натурального сельского хозяйства, который длился на протяжении долгого времени. Основа данного процесса было – это перераспределение труда и экономическое и денежное разделение товаропроизводителей. В конечном итоге процесс разделения труда становится важнейшей формой взаимодействия экономических единиц при осуществлении их хозяйственной деятельности. Существует непрерывный процесс, в котором продукты личного производства обмениваются на продукты, сделанные другими компаниями и предприятиями, возникает понятие рынка. Рынок, по нашему мнению, является одним из самых сложных механизмов, ведущей ролью которого является свободная конкуренция между производителями за право продавать свои товары потребителям.

Хотя рынок является важным местом для удовлетворения потребностей людей, общества в целом, он не может решать такие важные вопросы, как обеспечение государственной безопасности, удовлетворительное качество медицинских услуг, обязательное образование, обеспечение общественного порядка, функционирование правительства и многие другие социально-экономические проблемы, решение которых необходимо любому члену общества. [1]

Производство товаров, необходимых обществу, в целом, должно быть непрерывным. Поэтому производство таких товаров и услуг должно полностью контролироваться и финансироваться государственным аппаратом. В то же время правительство должно учитывать, что не все общественные блага потребляются людьми в равной степени. Например, силы обороны полностью защищают все государство, а отдельные правоохранительные органы – только отдельные населенные пункты.

На первый взгляд, рынок является наиболее эффективным способом ведения хозяйственной деятельности, бизнеса. Хотя рынок обладает определенными характеристиками, которые являются серьезными недостатками и могут быть устранены или ослаблены деятельностью государственных органов и общественно-политических организаций. Отсюда следует, что регулярное государственное

вмешательство в соответствии с областями социально-приоритетного направления вместе с саморегулированием рынка в экономике оказывает положительное влияние на общественное настроение. Государственное регулирование основано на вспомогательной роли. Оно возникает при необходимости и только в тех областях, где проявляется неэффективность принятых мер.

В государстве имеется множество рычагов регулирования, например, поддержка стратегически важных компаний, стимулирование экономического роста, контроль занятости, поощрение отдельных компаний, организаций за участие в развитии конкретного сектора экономики и поддержка экспортеров продукции. Правительство постоянно предпринимает действия, степень которых в течение определенного периода зависит от характера и остроты социально-экономических проблем в стране. [1]

Государство рассчитывает все свои действия на определенный период времени, который имеет определенную продолжительность.

Роль государства в современной рыночной экономике определяется его функциями. Основной целью деятельности государства является поддержание благоприятных социально-экономических условий для любого гражданина, обеспечение его морального и физического благополучия и правовой защиты.

Функция трудоустройства заслуживает особого внимания. Известно, что рыночная экономика не предлагает полной занятости, таким образом при данной экономике неизбежна безработица. Следовательно, государство стремится обеспечить полную занятость работоспособного населения, регулирует рынок труда, для которого оно создает соответствующие службы занятости, организует новые рабочие места, переподготовку и переквалификацию рабочих и др.

Прогноз экономического роста в 2019 году составляет 1,2%; в 2020 году - 1,6% и в 2021 году - 1,8%. Менее жесткая денежно-кредитная политика и более высокие расходы на национальные проекты должны оживить экономику. Ожидается, что вклад национальных проектов в рост ВВП будет около 0,1 процентного пункта в 2020 году и около 0,2–0,3 процентных пункта в 2021 году. Прогнозируется, что умеренная бедность продолжит уменьшаться к концу 2021 года. Однако необходимо будет следить за состоянием уязвимых групп населения. Расширение существующих программ тестирования бедности и распространение принципа тестирования бедности на некоторые программы помогут достичь цели сокращения вдвое бедности к 2024 году. [2]

Надеемся, что все знают об Указе Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 “О Стратегии экономи-

ческой безопасности Российской Федерации на период до 2030 года". Мы проанализировали данный указ и сделали следующий вывод, что принята новая стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, также определены основные проблемы и угрозы экономической безопасности. В частности, это желание промышленно развитых стран использовать свои преимущества с точки зрения экономического развития и высоких технологий в качестве инструмента глобальной конкуренции, усиление структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе, рост частного и государственного долга, увеличение разрыва между оценкой реальных активов и производных ценных бумаг; применение дискриминационных мер в отношении основных секторов российской экономики и др. [3]

Установлены цели государственной политики в области обеспечения экономической безопасности. Это включает в себя укрепление экономического суверенитета России; повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов, и угроз; обеспечение экономического роста; сохранение научно-технического потенциала экономического развития и повышение ее конкурентоспособности; поддержание потенциала отечественной оборонной промышленности на нужном уровне и др.

Дана оценка состояния экономической безопасности. Определены этапы и основные механизмы реализации данной стратегии. Она призвана

объединять усилия органов государственной власти, органов местного самоуправления, центрального банка Российской Федерации и институтов гражданского общества по обеспечению экономической безопасности, для защиты национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов России.

Функции государства в рыночной экономике в свое время очертил премьер-министр Великобритании Уильям Гладстон: "Обязанность правительства – создавать такие условия, чтобы людям было трудно совершать дурное и легко поступать правильно". Этим правилом определяется степень участия государства в регулировании рыночной экономики с использованием методов бюджетной нагрузки (соотношение доходов или расходов государственного бюджета и ВВП) и налоговой нагрузки (соотношение налоговых поступлений в бюджет и ВВП). Чем выше эти соотношения, тем выше степень участия государства в рыночной экономике. Последняя является величиной не постоянной, а функциональной. В соответствии с методом бюджетной нагрузки, от того, какую часть ВВП расходует государство, во многом зависит процветание и развитие страны. Одни экономисты убеждены, что чем больше эта часть, тем лучше. Другие придерживаются противоположного мнения. [5]

Ниже мы предоставляем таблицу, в которой указана структура ВВП по источникам доходов России.

Таблица 1

Структура ВВП по источникам доходов РФ

В % к соотв. периоду предыдущего года	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год
Валовый внутренний продукт	100	100	100	100	100	100	100
Оплата труда	46,4	47,1	47,6	47,5	47,6	47,6	47,5
Чистые налоги на производство и импорт	11,8	10,7	10,7	10,5	10,4	10,4	10,3
Валовая прибыль экономики	41,8	42,1	41,7	42,0	42,0	42,0	42,2

Делая вывод по таблице, мы видим, что структура ВВП по источникам доходов в прогнозируемом периоде будет относительно стабильной, с учетом решений налоговой политики и обеспечения стабильного и эффективного функционирования рынка труда, а также ряда мер по снижению уровня бедности. Доля заработной платы и смешанного дохода будет варьироваться от 46,4 до 47,6% ВВП, доля валовой прибыли в ВВП составит от 41,8 до 42,2%. В то же время, доля налогов в ВВП будет постепенно уменьшаться с 11,8% ВВП в 2018 году до 10,3% ВВП в 2024 году, если экономика будет находиться на более высоком пути экономического роста и адаптируется к принятым налоговым решениям. Доля чистых налогов на производство и импорт в 2019 году обусловлена снижением цен на нефть в 2019 году по сравнению с 2018 годом.

Подводя итоги вышесказанного, хочется отметить, что в каждой стране с каждой социально-политической и социально-экономической системой экономика в определенной степени регулируется государством.

В странах с централизованной экономикой вмешательство государства, его участие в управлении экономикой проявляется гораздо более значительнее, причем в прямой и непосредственной форме.

В странах с рыночной экономикой степень вмешательства государства и его органов в хозяйственную деятельность компаний, организаций, предприятий и даже самих предпринимателей значительно ниже и в основном носит косвенный характер.

Современная экономика России представляет собой комбинацию прежних пережитков централизации и монополизации так и некоторых составляющих рынка, но не в такой степени, как это было полтора века назад. В таких условиях регулируемую роль государства должны играть его функции при использовании обширного спектра инструментов, то есть форм и методов регулирования экономики. Отсюда - важность поиска все наилучших мер регулирования и возрастающей роли государства.

Список используемой литературы

1. Плотникова Е.В. Сидоренков Б.М. Развитие инфраструктуры поддержки малого предпринимательства в Краснодарском крае / Е.В. Плотникова, Б.М. Сидоренков // Экономика и предпринимательство. – 2018. - №9 (98). – С. 539-545

2. Перспективы государственного регулирования инвестиционной политики в АПК – Осмоловская М.С., Петренко И.М. В сборнике: ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИТОГАМ 2014 ГОДА. Материалы всероссийской заочно-научной практической конференции по экономике и гуманитарным

наукам. 2014. С. 141-146

3. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 “О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года”.

4. Лидерство в организации. Теория власти / М.С. Осмоловская, А.В. Варавя // Сборник научных трудов. Студенчество и наука. Выпуск 9. Том 2, Краснодар: КубГАУ, - 2013. – С.75-78.

5. Большое в малом: как на Кубани получить поддержку малому и среднему бизнесу. URL: <https://krasnodar.ru/novosti/bolshoe-v-malom-kak-na-kubani-poluchit-podderzhku-malomu-i-srednemu-biznesu/> (дата обращения: 06.04.2020).

Калиниченко А.А.

бакалавриатка 1-ого курса

факультета агрономии и экологии группы ЭК-1901

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т.Трубилина

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В АРАБСКИХ СТРАНАХ.

Kalinichenko A.A.

1st year undergraduate

Faculty of Agronomy and Ecology Group EK-1901

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

LEGAL STATUS OF WOMEN IN ARAB COUNTRIES.**Аннотация**

В данной статье мы рассматриваем права женщин в арабских странах. Насколько же они ущемлены? Почему в таких государствах могут не считаться с мнением женщин? И почему закон не может предоставить слабому полу такие же права, как и у мужчин?

Abstract

In this article, we examine women's rights in Arab countries. How infringed are they? Why in such states can not be considered the opinion of women? And why the law can not provide the weaker sex with the same rights as men?

Ключевые слова: мусульмане, арабские страны, закон, полномочия, женщины, общество, политика, государство, Шариат, система, демократизация, статус.

Keywords: Muslims, Arab countries, law, authority, women, society, politics, state, Sharia, system, democratization, status.

Один из более увлекательных и непростых предметов исследования арабистики считается социально-правовое положение женщины в арабских государствах. Почтение к дамскому полу в каждом социуме считается некоторым признаком его открытости, а также демократичности. Если разговор заходит об арабских государствах, зачастую применяются шаблонные методы отображения общественного, а также общественно-политического статуса арабской девушки: подобно как норма, судится и критикуется арабская девушка. В некоторых случаях слабо понимающее в исламе общество делается заложниками своего незнания Востока. К примеру, уже после чтения знаменитого хита "Сожжённая заживо. Жертва закона мужчин", где описывается жизнедеятельность арабской девушки, убежавшей в Европу и уцелевшей уже после попытки ее убийства супругом сестры, формируется неверное понимание о безусловном игнорировании базовых прав женщины в арабском мире. В мусуль-

манских государствах правовой статус девушек отражает их личное состояние в наиболее больших общественных структурах. Классические мусульманские сообщества были, в первую очередь, племенными и общинными, позволяя индивиду исполнять конкретную функцию при незначительном предпочтении возможностей и допуская принятие только лишь этих добавочных прав, какие подразумевают захват в себе еще наибольшего числа обязанностей.

Инновационные мусульманские государства в сфере семейного права применяют измененные правила Шариата, какие изменялись от страны к стране. К первой группе принадлежат правовые системы, в которых исламское право не прекращает применяться очень широко (Иран, Саудовская Аравия). Основным способом его принципа, а также норм, оказывают весьма значительное влияние в конституционное законодательство и сложившуюся тут форму правления (к примеру, все без исключения принимаемые законы обязательно

должны соответствовать шариату). Саудовская Аравия применяет наиболее серьезный вид, разрешая супругу максимально иметь 4 супруги и нести за них юридическую ответственность

Ко второй группе принадлежат правовые системы (Пакистан, Ливия, Судан), в каких процесс исламского права не так обширен, но все-таки довольно важен. В данных государствах исламское право не прекращает согласовывать отношения «личного статуса». Третью группу составляют правовые системы подобных стран, равно как Афганистан, Сирия, Египет, Ливан, Сомали, Ирак, Мавритания. В их конституционном праве фиксируются особые стороны ислама и исламского права. В частности, в конституции данных государств учитывается, что глава страны способен являться только лишь мусульманином, а основой законодательства считается исламское право. Четвертой группой государств считаются Тунис, Турция, а также отчасти Йемен. Брачно-семейные законодательства данных государств категорически отказались от всякого основополагающего института согласно исламскому праву. К примеру, в 1974 г., согласно семейному кодексу Йемена, девушки были наделены равноправными отношениями с представителями сильного пола в семейных отношениях. А в законодательстве государств, таких как Тунис и Турция, не была разрешена полигамия, при этом были установлены законы об индивидуальном статусе, какие позволили девушкам обладать наибольшим числом прав, что может быть признано Шариатом.

Права женщин очень неравнозначны. Так в Египте, к примеру, в 2000 г. и в 2003 г. были установлены 2 значимых закона, нацеленных на демократизацию статуса девушки в египетском мире. В соответствии с первым законом уравнивались полномочия мужей на инициативу в осуществлении бракоразводного процесса, но в согласовании со вторым - определялось гражданство детей, согласно гражданству папы-египтянина, таким образом и гражданство мамы-египтянки. В двух вариантах законодатель посягал на основополагающие принципы шариата в области семейного права: в первом - нарушалась многолетняя традиция закрепления инициативы в разводе основным способом из-за мужа, во 2-ой - терял всю полноту адвокатской силы, характерный шариату принцип патрилинейности. Также, в 2005 г. в Кувейте девушки приобрели возможность голосовать. Указ, предоставивший общественно-политические полномочия девушкам, был установлен в 2005 г., хотя из-за его утверждения либерально-демократические силы государства вели войну в течении многих лет. Невзирая на то, что девушки никак не смогли достичь депутатских мест, они установили наиболее интенсивное участие в голосовании. Из числа граждан Кувейта, установивших участие в выборах, 57% составляли девушки. Настолько интенсивное участие

девушек в голосовании стало возможным и вследствие того, что мужчины и женщины, в соответствии с мусульманскими обычаями, были разделены в избирательных участках, поэтому девушки могли никак не опасаться того, что их обвинят в несоблюдении мусульманских предписаний.

Стоит упомянуть и то, что мусульманство запрещает какие-либо ограничения девушек согласно половому признаку и определяет равенство двух полов. Но в практике во многих мусульманских государствах данные религиозные предписания никак не соблюдаются. В арабских государствах с юридической точки зрения допустима полигамия, то, что разрешено Кораном. Многобрачие никак не нужно рассматривать как что-то безнравственное, либо антидемократическое, это только отличительная черта брачно-семейных взаимоотношений в арабском мире.

Таким образом, можно сделать соответствующее заключение. Процесс демократизации в арабских государствах только лишь наступает. Продолжительность и сроки демократизации арабского социума весьма трудно предсказать, они находятся в зависимости от желания самого арабского общества демократизироваться. Тем не менее, определенные достижения ранее присутствуют. Хотя, в условиях глобализации демократизация арабского общества протекает долго, да и "со скрипом". Данное напрямую относится к либерализации социально-правового, а также политического статуса женщины.

Список литературы:

1. Конституция Египта. Конституция Арабской Республики Египет, принята в 1971г. Каир.
2. Панова В. Ф. Жизнь Мухаммеда. М.: Политиздат, 1990.
3. Турк С.Н. «Арабское возрождение» и женский вопрос в Египте в конце XIX - начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-3 (74). С. 187-189.
4. Кашникова А.И., Турк С.Н. Исламский феминизм: зарождение и развитие в истории Египта // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Краснодар, 2019. С. 98-100.
5. Турк С.Н. Правовой статус женщин Арабского Востока // Заметки ученого. 2018. № 5 (30). С. 75-77.
6. Турк С.Н., Беджанова Э.К.Т Мусульманское семейное право // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее. Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. 2017. С. 162-164.
7. Цмай В. В. Регулирование семейно-брачных отношений мусульман правом личного статуса: монография. СПб. ГУАП, ун-т МВД России, 2000.

Рожкова Л.І.,

Кузьменко Н.М.

Сумський національний аграрний університет

ОБРАЗ НАРОДУ У ТВОРЧОСТІ АДАМА МІЦКЕВИЧА ТА ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛІША

Rozhkova L.I.,

Kuzmenko N.M.

Sumy National Agrarian University

IMAGE OF PEOPLE AT THE WORKS OF ADAM MITSKEVICH TA PANTELEIMON KULISH

У статті визначені спільні мотиви та джерела творчості європейських письменників – романтиків XIX століття, зокрема, звернення до джерел народної культури, осмислення історичної спадщини. На матеріалі творів польського поета Адама Міцкевича та українського письменника Пантелеймона Куліша аналізуються відмінності у розкритті образу народу. У А. Міцкевича провідною силою народу виступає – шляхта, у П. Куліша - козацтво. Такі розбіжності зумовлені особливостями соціальної структури польського та українського суспільства XVI – XVIII ст., роллю шляхти та козацтва в історії обох народів.

The article identifies common motives and sources of creativity of European writers - nineteenth-century romantics, in particular, the appeal to sources of folk culture, comprehension of historical heritage. The material of the works of the Polish poet Adam Mickiewicz and the Ukrainian writer Panteleimon Kulish analyzes the differences in the disclosure of the image of the people. A. Mickiewicz is the leading force of the people - the nobility, and P. Kulish - the Cossacks. Such differences are due to the peculiarities of the social structure of Polish and Ukrainian society of the 16th - 18th centuries, the role of the nobility and the Cossacks in the history of both peoples.

Ключові слова: романтизм, польська література, українська література, народ, козацтво, шляхта.

Key words: romanticism, polish literature, ukrainian literature, people, cossacks, nobility.

Кінець XVIII – перша половина XIX століття – доба романтизму в європейській літературі, «романтична революція» у художній культурі людства [1,5].

Як естетична система та літературний напрям, романтизм поділяється на декілька течій, зокрема, народно - фольклорну та історичну. Визначальними рисами творчості письменників - романтиків було звернення до джерел народної культури, осмислення подій минулого. Видатні представники цієї течії у польській літературі XIX ст. - Адам Міцкевич (1789 - 1855), поети Юліуш Словацький, Зенон Красінський, засновник «української школи» у польській поезії Антоні Мальчевський, автор «козацьких оповідань» Міхал Чайковський, творець історичних епопей Генрик Сенкевич.

Життя і творчість основоположника польського романтизму А. Міцкевича припало на той час, коли Польща перестала існувати як самостійна держава, тиск з боку інших держав поєднувався з внутрішніми конфліктами, зародження нових економічних відносин супроводжувалося народними рухами і повстаннями. Провідними мотивами творів поета були національний пафос, заклик до єдності та відновлення втраченої державності. У поемі «Гражина» (1833), присвяченій боротьбі литовського народу за незалежність проти німецьких феодалів, автор нагадав своїм співвітчизникам, що інтереси народу є найвищими, тільки об'єднанням можна здобути перемогу.

Народ в польському романтизмі уособлює найкращі риси національної культури й характеру. По-

ема «Пан Тадеуш», написана А. Міцкевичем в еміграції після поразки антиросійського повстання 1830 – 31 рр. і видана 1834 р. у Парижі, була визнана польською національною епопеєю. Образ народу у поемі складається із представників різноманітних соціальних верств – шляхти, духовенства, селян, що виступають у складних взаємовідносинах. Романтична ідеалізація польської історії поєднується з гумором та критикою давніх звичаїв («Польща безладом тримається»). Поет змалював життя усіх прошарків шляхти, висміяв її невинувдану гордовитість, безкінечні сварки, заради дрібної вигоди, тощо. Гостру критику отримала і вища аристократія через байдужість до народу та країни. Як поет романтик, А. Міцкевич вірив, що майбутнє Польщі залежить від об'єднання шляхти з народом, звільнення селян від кріпацтва, відречення панів від своїх земель. Автор сумує за втраченою батьківщиною, водночас проголошує ідею відродження Речі Посполитої в унії з Литвою (поема починається словами «О краю мій, Литво!» [2, с. 9], що означало утвердження нового типу польського патріотизму, основою якого було не національно-мовна, а станова приналежність до шляхти.

Польська романтична думка справила значний вплив і на український визвольний рух. «Книга народу й польського паломництва» (інший варіант перекладу – «пілігримства», 1832 р.) А. Міцкевича стала відомою в усіх європейських, зокрема, слов'янських країнах. Пілігрими в розумінні Міцкевича – це мандрівники мимоволі, які після поразки «реbelії» 1830 – 1831 рр., жорстоко придушеної імператором Миколою I, розбрелися по світах.

Проте вони, усе одно тримають курс на омріяну вільну Польщу і рано чи пізно зможуть таки досягти її. Твір проникнутий вірою митця у прогрес людства, у те, що польський народ у союзі з іншими пригнобленими народами Європи виборє свободу і незалежність. «Книга народу польського... « стала взірцем для твору Миколи Костомарова «Книга буття українського народу» (1836 р.) :той самий біблійний стиль, лаконічний виклад національної історії, ідея слов'янської федерації. «Україна буде не підлеглою Річчю Посполитою в союзі слов'янським...» [3, с. 252]. Обидва твори об'єднує віра у пробудження нації.

Однак, суттєві відмінності у розумінні ролі народу в історичному процесі позначилися також на суспільно – політичному світогляді польських та українських діячів. Адам Міцкевич ідеалізував польський народ, страждання якого мають месіанське значення для порятунку усіх поневолених народів. Провідну роль у суспільних змінах, у боротьбі проти кріпацтва, за демократичні свободи, має відіграти дрібна шляхта у союзі з селянами. Тим часом, українська суспільно-політична думка мала однозначно антишляхетський характер: усі верстви народу, включно з козаками, слід визволити з-під гніту панів. Микола Костомаров вважав, що роль визволителя слов'янських народів має відіграти Україна, чиї козацькі демократичні традиції вирізняють її з поміж сусідніх народів: на відміну від росіян, українці не мали царів і, на відміну поляків, не мали шляхти. Український романтизм як ідейно, так і організаційно був тісно пов'язаний з визвольним рухом: М.Костомаров, П.Куліш, Т.Шевченко заснували першу національну суспільно-політичну організацію – Кирило-Мефодіївське братство (1845-1847).

Романтизм в українській літературі був започаткований поетом та драматургом Іваном Котляревським, гуртком «Харківських романтиків», автором історичних повістей Григорієм Квіткою – Основ'яненком, західноукраїнськими поетами («Руська трійця», Микола Устиянович). У середині XIX ст. до когорти романтиків долучилися письменники «Київської школи» - Михайло Максимович, Микола Костомаров, Тарас Шевченко. Однією з основоположних категорій української, як і польської літератури доби романтизму, є народ.

Важлива роль у розвитку романтичної течії належить Пантелеймону Кулішу (1819-1897). За тематично – стильовою приналежністю його твори можна віднести до фольклорно – побутових (новели), фольклорно – історичних (роман «Чорна рада»), громадянської лірики. Написаний у жанрі історичної хроніки, роман «Чорна рада» (1847 р., у перше опублікований 1857 р.) є, за визначенням Віктора Петрова (Домонтовича), романом «психологічних типів і суспільних конфліктів». У творі представлені різні суспільні групи (козаки, селяни, міщани), що складаються у широкую картину народного життя. У центрі уваги автора – козацтво як провідна верства українського суспільства XVII - XVIII ст. П. Кулішу вдалося уникнути суцільної ідеалізації козацтва, властивого письменникам романтичної

школи (як приклад, можна навести повість «Тарас Бульба» Миколи Гоголя), показати неоднорідність цієї суспільної верстви. Письменник віддає належне героїзму січових козаків, які звільнили народ від гніту шляхти («ляхів та недоляшків») в особі Кирила Тура, хранителя запорозьких традицій Пугача. Та все ж щирі симпатії автора на боці городового, «кармазинового», козацтва (Сомко, Шрам), вони уособлюють державу – Київську Русь та Гетьманщину, мудрість, розважливість, міцне господарство. В той же час окремі представники козацької старшини (Брюховецький, Гвинтовка), - зображені всуціль негативно, оскільки вдаються до популізму, грають на стихійних настроях народу. У подальшому, починаючи з 1860 – х рр., П. Куліш змінив оцінку козацтва та козацької доби в цілому, вважав це явище анархічним та антидержавним (оповідання «Мартин Гак», історичні праці «Відпадання Малоросії від Польщі», «Українські козаки і пани в двадцятиліття перед бунтом Хмельницького»).

Народе, без пуття, без честі і одваги

Без правил у завітах предків диких,

Ти що постав безумної одваги,

Гірких п'яниць та розбишак великих! [4,188]

У цих рядках – оцінка козацтва як руйнівної сили, якій письменник протиставляє ідеал мирного просвітництва, називає себе «піонером з сокирою важкою» на ниві культурного поступу України:

Я не поет і не історик, ні!

Я – піонер з сокирою важкою:

Терен колючий в рідній стороні

Вирубую трудящою рукою

Не раз кроплю свою роботу й кров'ю

Да весело так поратись мені [5, с. 217].

У подальшому П.Куліш розвинув свою історіософію у бік відмови від ідей панславізму та месіанізму, обґрунтував концепцію «духу народу». Він стверджував, що напрям розвитку історії вказує «провідна верства», національна аристократія. Специфіка українського духу розкривається у концепції «хутірської філософії» П. Куліша [6, с.17].

Отже, творчість Адама Міцкевича та Пантелеймона Куліша об'єднують почуття відповідальності за долю народу, прагнення підтримати морально, піднести його дух в умовах втрати державності, національного гноблення з боку сусідніх держав. Відмінності у польському та українському романтизмі зумовлені історичними чинниками (провідною суспільною верствою на українських землях були козаки, на польських - шляхта). Незважаючи на захоплення деяких польських письменників – романтиків (А. Мальчевський, М. Чайковський) козацькими звичаями та пригодами, національний визвольний рух обох народів розвивався різними шляхами. Українські діячі не сприймали ідеї відродження Речі Посполитої, натомість польські демократи визнавали поляків «історичним» народом з огляду на давні традиції. Ці розбіжності справили суттєвий вплив на перебіг спільної історії України та Польщі у новий та новітній час.

Список літератури

1. Ніколенко О.М. Романтизм у поезії. Г.Гейне, Дж.Г. Байрон, А.Міцкевич, Г.Лонгфелло: Посібн. для вчителя. - Харків: Вид-во «Ранок», 2003. 176 с.
2. Міцкевич А. Пан Тадеуш: Поема. Вірші/Упор. Щавурський Б. - Тернопіль: «Навч. книга Богдан», 2004. - 144с.
3. Національні процеси в Україні: історія і сучасність. Документи і матеріали. Довідник у двох ч./За ред. В.Ф. Панібудьласки. - Київ.: Вища школа, 1997.- Ч.1.- 583 с.

4. Куліш П.О. Твори: В 2 –х т. К.: Дніпро, 1989. Т.1. Поетичні твори (Підгот. тексти, упор. М.Л. Гончарук); авт. передмова М. Г. Жулинський. – 654 с.
5. Куліш П. Вибрані твори (упор. текстів, передмова та примітки І.М. Андрусяка). - Харків: Вид – во «Ранок», 2009. - 320 с.
6. Артюх В. Історіософія Пантелеймона Куліша: від романтизму до позитивізму. Світогляд – Філософія – Релігія: збірник наукових праць. - Суми УАБС НБУ, 2012. Вип. 3. - 5-17 с.

Tulbasieva S.K.

*Kazakh National Pedagogical University named Abay,
Institute of History and Law,*

*Department of History of Kazakhstan named after Academician T.S.Sadykov,
The Republic of Kazakhstan, Almaty*

[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11663](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11663)

FROM THE PAGE OF THE STORY OF THE DAILY LIFE OF WAR CHILDREN IN KAZAKHSTAN**Тулбасієва Сауле Калидилдаєвна**

кандидат исторических наук, доцент кафедры,

Казахский Национальный педагогический университет имени Абая,

Институт истории и право,

кафедра История Казахстана имени академика Т.С.Садыкова,

Республика Казахстан, г. Алматы

ИЗ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В КАЗАХСТАНЕ**Abstract**

This article shows various aspects of the life of Kazakhstanis during the years of the Great Patriotic War, which remains little studied. Participation in the public sector, the work of children and adolescents, difficult living conditions, and the communication and life of socially deported and deported citizens, etc. Eyewitnesses who survived the war in childhood give all this.

Аннотація

В статті розглянуто життя дітей і підлітків в роки Великої Вітчизняної війни. Проаналізовано повсякденну життя жінки і дітей в тилу на основі спогадів. Участь в громадському господарстві, труд дітей і підлітків, важкі побутові умови, і об'єднання і життя сиріткоюваними і депортованими громадянами і т.д. Все це приводиться со слів очевидців, переживших в дитинстві війну.

Keywords: *war, history, memory, children, everyday life, memory.*

Ключевые слова: *война, история, память, дети, повседневная жизнь, воспоминание.*

Any adult remembers childhood memories. In memory, it is this stage that forms a person, endows him with certain views, life aspirations.

What surrounds the child as its immediate habitat, the life experiences that it encounters determine in the future human life, as well as allow us to imagine its internal state. In the study of the history of everyday life as a subject and object, historians and other representatives of the humanities attract research.

Over the past decade, a significant number of scientific works have appeared, both foreign and domestic scientists studying the history of everyday life and childhood memories as a research tool.

Over the past decade, a significant number of works have appeared, both Western and domestic authors, studying the history of everyday life and the memory of children. It is worth noting that the study of everyday life of childhood is included in the subject

area of a number of disciplines: anthropology, sociology, history and pedagogy. The history of everyday life allows us to consider the sphere of children's everyday life, the so-called normal and abnormal lifestyle, cultural and ideological values.

This direction begins to develop actively in the late twentieth century after the introduction of the term "oral history" by Barbe d'Oreille [1, p32].

This research method has some features that must be considered when working with it. Because the narrator does not just faithfully recall and expound what he remembered.

Our task at present is to collect all the information from the mouths of the witnesses themselves who survived this terrible war, unfortunately, there were only a few of them.

Children of the war years. They escorted their fathers to the war and waited for news from the front.

They gazed with hope at the horizon and at the faces of adults, not noticing that they themselves had matured for tens of years in a few days or months. They replaced their parents in the field and at the machine tool, worked on an equal footing with everyone and tried to learn, because they knew and believed that the war would end and they would need to live on.

Through interviews, we learn about life in the rear through the eyes of small at that time children who convey all the emotions and experiences after 75 years!

From the interview we see a diverse, individual for each neighborhood picture of that disastrous June 1941.

Here is how M. Duysenuly recalls: "The news of the beginning of the war found me in a boarding school," - says Mustahim-aga [2]. - I studied then in the 7th grade. Our parents died, and my older brother and I went to the orphanage. It was a difficult time, there was not enough food, in the boarding school they gave us only 400 grams of bread a day - these are two small pieces ... Then they wanted to send us to Atbasar, but our uncle decided to take us with his brother to his family. They themselves had six children, it was not easy to live, but still we managed to survive. We had one dream - that the war ended and that you could go to university. How glad we were when we found out that the war was over! Our joy knew no bounds! Finally silence, finally calm! Finally, you can realize your plans, study, work, and love immediately after graduating from the 10th grade; I went to the All-Union Winter Spartakiad of Kazakhstan and participated in a biathlon, a race of 30 kilometers. Then our military instructor and at the same time physical instructor told me: "Mustahim, get ready! First there will be a school sports day, then a district, then a regional, and then a republican." We passed the school sports day, district, regional, and after that we arrived in Alma-Ata. After school, I entered the Kazakh State University named after S. Kirov at the Faculty of Geology and Geography.

When I finished training, the all-Union development of virgin land began. On the Komsomol, ticket went to Kokshetau region, Chkalovsky district. There I worked as a teacher, and then I was appointed inspector of public education of the city of Schuchinsk. In 1962, I was called up for military retraining in Alma-Ata. In this beautiful city, I met Kudaibergen, my old school friend. He suggested that I stay and work as a senior laboratory assistant in the geographical department of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. I became a laboratory assistant and then worked as a mining engineer. In 1964, my life changed - I was sent to work in the internal affairs bodies. He worked there until 1988 and retired as a ex-serviceman [2].

We will find out what further life was like during the four years of bloody war, how our compatriots worked and lived, how we coped with all the difficulties.

The following narrator U. Bekmukhambetov: "I was born at the beginning of 1942," says Bekmukhambetov U. "When there were difficult times, the biggest battle for Moscow was taking place in this period in terms of the number of troops involved and the losses

incurred. Born in the Baiganinsky district Aktobe region: My mother worked as a nurse in the hospital from morning to night, she tied me to a bed so that I wouldn't get hurt, and left me with a nine-year-old brother who gave me only water all day, because we had nothing to eat. This is a great tragedy when after birth the first 40 days a person is without maternal feeding. Moreover, from hopelessness, women were forced to sacrifice themselves, leave their children to save the wounded [3]. " But no matter what, he survived and devoted his life to music. Professor Utegali Tuleuovich teaches at Aktobe Pedagogical University.

Next A. Sarbaeva: Aizhan's parents were 25 years old when they got married, and the war began that year. Her father immediately went to the front. In 1943, a notice came that he was missing. "We lived in Aktyubinsk on Garrison Street. Mom worked as a tailor in a workshop near the military commissariat and raised me all alone. Women sewed military clothes day and night - overcoats, sweatshirts and trousers. There was no time left to feed the children. Mom said that she asked for a toilet, which was near the military enlistment office fence, crawled under it secretly and ran to me to feed a hungry child, sucking all her fingers. Returning back, she risked being shot by the guards guarding the territory. We, the surviving children, were left without fathers, many became orphans. I was lucky; I had a stepfather, who returned from the war as an invalid of the second group. He replaced my own father, gave me care and fatherly love" [4]. At seven, Aizhan went to school. Of the 30 children, only three had dads. She recalls further: "From malnutrition, children in schools fainted. However, we shared bread if we could bring it from home. Bread in stores was released only on cards, in grams per person. The great joy was to have notebooks, ink. Almost the entire class used one inkwell. Children wore their parents' clothes. Many after 7th grade went to work in order to survive. Now we are 75-80 years old. Many have passed away. There are fewer of us left. Can't we really expect the state to pay special attention to the children of war?" [4].

Men fought and died on the fronts, while women, old people, and children conscientiously worked in the rear. In many villages, children had to drop out of school and go to work. The following eyewitness to the war K. Bazylov confirms this [5]. K. Bazylov in 1941 was a little over four years old. However, he remembers this time very clearly, it firmly settled in his memory. "We lived in Karsakpay, in the Ulytau region," K. Bazylovich recalls. "Father, Bazyl, went to the front, and the children stayed. It was difficult. Nevertheless, we were not afraid of work. In addition, before that we helped our parents. They went to work early in the morning. We returned late at night, and we, the children, were about five years old, six years old, seven years old, grazing sheep, preparing, doing various household tasks, twisting derben, making flour, baking bread. We knew, we knew very well, that Victory also depends on us, and we, too, can contribute to its approach, the most vivid memory of those years a news came to me about the end of the war. A messenger rode on a horse from another village and informed us that

the war was over. It was a distance of about 30 kilometers, and we were told such good news that I always remembered Celebrated by the whole world, the people were so happy,"[5]-he recalls.

The war is over, there comes a peacetime, which brought with it the opportunity to continue studies, to realize dreams interrupted by the war. After graduating from the Karsakpay Kazakh secondary school named after Dzhambul K.Bazylovich entered the Faculty of Engineering and Economics of the Novosibirsk Electro technical Institute of Communications. After graduation, he returned to Kazakhstan and devoted all his energy, knowledge and love to his native land to the development of communications, having already taken the post of deputy and then first deputy minister of communications of the Kazakh SSR at the age of 28 (1965-1995). "I want to say to the young generation that the success of our country is in their hands. Our country depends on it, the life of our people. So that they study, that every citizen receives an education, a specialty, works in pleasure, with joy. How we once worked for the good of our country, for Victory"[5].

It would seem that so many years have passed, everything should have been forgotten, erased from the memory of children and adults. But we see the opposite, their memory preserves the great grief of the past tragedy.

Thus, recording the recollections of the children of war, we can provide a complete picture of that time, grief and experiences of children, adolescents and women, the common efforts of workers, including adolescents, who worked in the rear for the good of the Motherland.

Used literature:

1. Korenyuk V. M. Everyday life of children of war and post-war time (based on materials from the Molotov region) Author. Diss. P., 2017, p-32.
2. Mustakhim Duysenuly born in 1934, the city of Almaty
3. Utegali Bekmukhambetov born in 1942, Baiganinsky district, Aktobe region
4. Aizhan Sarbaeva born in 1941, the city of Aktyubinsk
5. Bazylov K. East Kazakhstan region, Ulytau region.

SOCIOLOGICAL SCIENCES

УДК 316.47

- Ефанова Ольга Алексеевна**
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник Лаборатории гендерных исследований
Института социально-экономических проблем народонаселения, обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
Россия, г. Москва,
- Пискалова-Паркер Марина Петровна**
кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник Лаборатории гендерных исследований
Института социально-экономических проблем народонаселения, обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
Россия, г. Москва,
- Чернова Анастасия Павловна,**
заместитель руководителя департамента Межлабораторных
сравнительных испытаний Ассоциация «НП КИЦ СНГ»
Россия, г. Москва,

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ГЕНДЕР В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

- Efanova O.A.**
candidate of philosophy, associate Professor,
senior researcher at the gender research Laboratory,
Institute of socio-economic problems of population, a separate division of the
Federal research sociological center of the Russian Academy of Sciences
Russia, Moscow
- Pisklakova-Parker M.P.**
candidate of sociological Sciences,
senior researcher at the gender research Laboratory,
Institute of socio-economic problems of population, a separate division of the
Federal research sociological center of the Russian Academy of Sciences
Russia, Moscow
- Chernova A.P.,**
Deputy head of the Department of Interlaboratory comparative tests
Association " NP CIC CIS», Russia, Moscow

ENVIRONMENTAL GENDER IN EVERYDAY LIFE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF NEW SOCIAL NORMS

Аннотация

В статье рассматривается гендерное измерение экологического поведения в повседневной жизнедеятельности современного человека. Основные положения и выводы статьи базируются на данных опроса населения Республики Карелия в рамках Российско-шведского проекта «Экология и гендер», целью которого было изучение повседневных практик населения республики в экологической сфере. В статье обосновывается точка зрения, согласно которой развитие современных технологий, ведущее к снижению остроты экологических проблем в производственной сфере, будучи использованным для создания комфортной среды обитания человека приводит к перемещению экологических проблем в сферу повседневной жизнедеятельности людей. Использование гендерного подхода позволяет глубже понять истоки и причины уровня экологической активности мужчин и женщин, поскольку гендерный порядок во многом определяет характер повседневных практик.

Abstract

the article considers the gender dimension of environmental behavior in the daily life of a modern person. The main provisions and conclusions of the article are based on data from a survey of the population of the Republic of Karelia in the framework of the Russian-Swedish project "Ecology and gender", which aimed to study the daily practices of the population of the Republic in the environmental sphere. The article substantiates the point of view that the development of modern technologies that lead to a reduction in the severity of environmental problems in the industrial sphere, being used to create a comfortable human environment, leads to the displacement of environmental problems in the sphere of everyday life of people. Using a gender approach allows for a

deeper understanding of the origins and causes of the level of environmental activity of men and women, since gender order largely determines the nature of everyday practices.

Ключевые слова: Повседневная жизнедеятельность, экологическое поведение, экологическая активность, гендерные роли, гендерный порядок

Keyword: Daily life, environmental behavior, environmental activism, gender roles, gender order

XXI век отмечен стремительными и беспрецедентными изменениями в состоянии нашей планеты. За последние 50 лет экологический след, оставляемый человечеством на теле планеты (показатель потребления человеком природных ресурсов), увеличился примерно на 190% [1, с.10] Степень ущерба, наносимая людьми окружающей среде, свидетельствует о том, что существующие стандартные подходы к экологической проблематике больше не эффективны. Это во многом обусловлено тем, что совершенствование технологий, создание комфортных условий существования человека и чрезмерное потребление, характерное для наиболее развитых стран, привело к смещению вектора экологических проблем в сферу повседневной жизнедеятельности людей за счет значительного увеличения количества автомобилей, бытовой техники, что резко повышает потребление электроэнергии, бытовой химии в разы увеличивает количество бытового мусора.

Принимая во внимание отмеченное обстоятельство, российские ученые из ИСЭПН РАН (ныне ФНИСЦ РАН) и Карельского научного центра ИЭ РАН при поддержке шведских коллег в 2016-2018 годах осуществили проект «Экология и

гендер, целью которого было исследование повседневных практик населения республики в экологической сфере. Объем выборки составил 1000 респондентов в 2016 году, 800 респондентов в 2017 году и 900 респондентов – в 2018. Это одно из первых комплексных исследований, посвященных гендерным аспектам повседневного экологического поведения. Использование гендерного подхода позволяет в данном случае более глубоко проанализировать не только индивидуальные экологические предпочтения, но и выявить их гендерную обусловленность, поскольку существующий гендерный порядок во многом определяет характер повседневных практик.

Данные опроса 2018 года подтверждают произошедший перелом в гендерном сознании россиян, отмечаемый ведущими российскими социологическими службами, такими как ВЦИОМ и Левада-Центр. Это проявляется, прежде всего, в трактовке гендерных ролей мужчин и женщин в семье. Подавляющее число респондентов высказались за эгалитарные гендерные отношения в семье, основанные на равенстве и взаимопонимании (Таблица 1, Таблица 2).

Таблица 1

Мнение мужчин и женщин о роли женщины в отношении мужчины в семье

	Мужчины	Женщины	Всего
Мужчина должен быть главой семьи, он должен управлять женщиной и контролировать ее. Иначе семья не сохранится.	32,2	7,9	18,5
Мужчина должен интересоваться потребностями женщины, понимать ее, заботиться о ней, достигать взаимопонимания. Иначе семья не сохранится	66,2	90,7	80,1
Другое	1,5	1,4	1,5

Таблица 2

Мнение мужчин и женщин о роли мужчины в отношении женщины в семье

	Мужчины	Женщины	Всего
Женщина должна подчиняться, слушаться мужчину и служить ему. Иначе семья не сохранится	16,5	4,2	9,5
Женщина должна интересоваться потребностями мужчины, понимать его, заботиться о нем, жить вместе на основе взаимопонимания. Иначе семья не сохранится	82,0	94,9	89,3
Другое	1,5	1,0	1,2

Вместе с тем данные таблиц свидетельствуют о том, что эгалитарные установки получили более широкое распространение у женщин.

Как видно из данных Таблицы 1 доля мужчин с преобладающими традиционалистскими установками относительно роли мужчин в семье составляет треть выборочной совокупности и в 4 раза превышает долю сторонниц такой гендерной установки среди женщин. Обращает на себя внимание, что

доля мужчин, придерживающихся традиционалистских взглядов на роль женщины в семье в два раза меньше, чем доля сторонников сохранения за мужчиной статуса главы семьи, но и здесь женщин, разделяющих такие установки относительно гендерной роли женщины в семье, в 4 раза меньше.

Данные опроса показывают, что преобладающие эгалитарные установки реализуются в ряде аспектов повседневного поведения. Речь идет, прежде всего, о равноправии в принятии таких

стратегически важных для жизнедеятельности семье решений, как распределение финансов (Рисунок 1).

Вместе с тем результаты опроса фиксируют устойчиво сохраняющуюся гендерную асимметрию

в распределении таких рутинных форм домашнего труда, как стирка, уборка, покупка продуктов, вынос мусора.

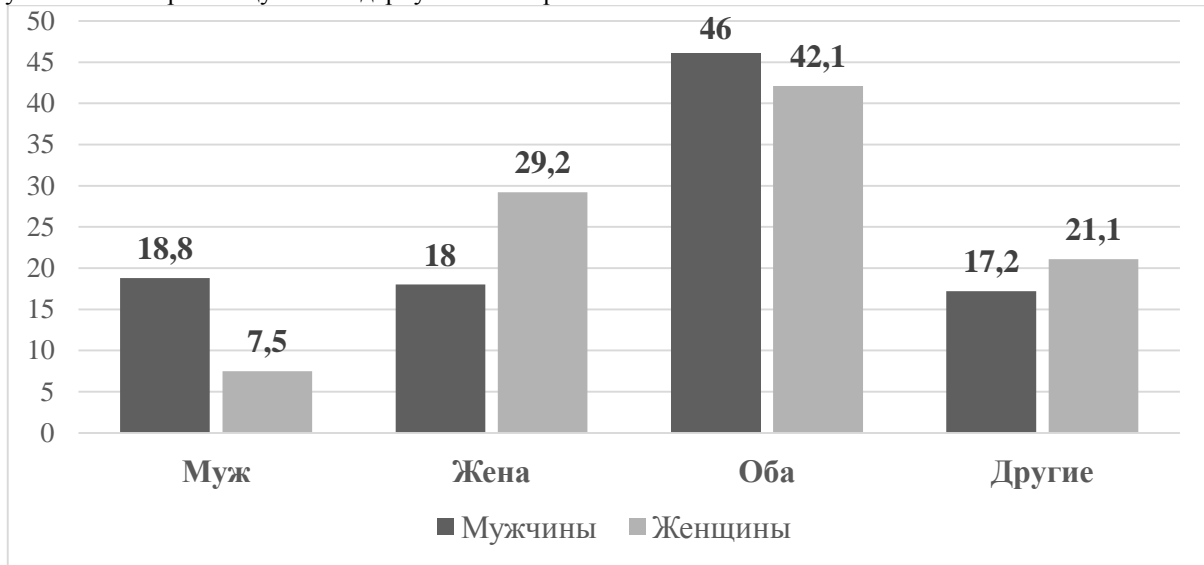

Рисунок 1. Рост эгалитарных отношений в повседневном поведении

Среди «типично женских» дел лидирует стирка. О том, что она лежит главным образом на женских плечах, заявили 96,6% женщин и 79,3% мужчин. Вынос мусора, напротив, является преимущественно «мужской» обязанностью. Об этом заявили почти треть респондентов (62,3%), но подтвердили такое распределение обязанностей по выносу мусора только 38,6% женщин, среди которых 36,6% занимаются этим сами. Такая загруженность женщин бытовыми делами приводит к тому, что они значительно чаще, чем мужчины непосредственно сталкиваются с экологическими последствиями повседневной жизнедеятельности. Это не

в последнюю очередь влияет на зафиксированную в ходе опросов большую экологическую активность женщин.

В то же время данные исследования свидетельствуют о том, что большинство опрошенных, как среди мужчин, так и среди женщин, воспринимают эти рудименты традиционалистского гендерного порядка, как устоявшуюся норму, о чем свидетельствует удовлетворенность большинства и мужчин, и женщин, сложившимся гендерным порядком (Рисунок 2).

Рисунок 2. Удовлетворенность мужчин и женщин распределением обязанностей по ведению домашнего хозяйства, уходу за детьми и выполнению домашней работы

Приведенный рисунок показывает, что существующее распределение обязанностей в большей мере устраивает мужчин, но решительно настроены

на изменение ситуации только 8,4% женщин. Такое отношение к гендерной асимметрии в распределе-

нии повседневных обязанностей является фактором, существенно сдерживающим утверждение эгалитарных гендерных отношений в семье, что, в свою очередь, препятствует более активному формированию у мужчин ответственного экологического поведения.

Выявленная взаимосвязь гендерного порядка и повседневного экологического поведения проявляется в уровне экологической активности мужчин и

женщин, зафиксированной в ответах на вопрос: как часто вы проявляете заботу о природе? Половина опрошенных женщин (49,0%) часто заботятся о природе, тогда как среди мужчин почти столько же (43,0%) проявляют такую заботу лишь иногда, а каждый тринадцатый из опрошенных никогда этого не делает в то время, как среди женщин равнодушных к природе всего 4,1% (Рисунок 3).

Рисунок 3. Экологическая активность мужчин и женщин

Значительную влияние на формирование природосберегающего повседневного поведения оказывают такие факторы, как наличие инфраструктуры для осуществления такого поведения и уровень материального достатка людей. Так, по данным исследования, абсолютное большинство

респондентов (92,4%) не разделяют мусор и отходы бытовой жизнедеятельности их семей для дальнейшей переработки, причем половина опрошенных (50,6%) не делают этого именно из-за отсутствия контейнеров для раздельного сбора мусора. Однако и здесь имеются гендерные различия (Рисунок 4).

Рисунок 4. Факторы, сдерживающие формирование экологически ответственного повседневного поведения

Данные рисунка показывают, что женщины чаще объясняют недостатки своего экологического поведения отсутствием инфраструктуры, тогда как среди мужчин больше тех, кто просто не задумывается о необходимости природосберегающего поведения в быту.

Однако, как показывают результаты опроса, наиболее значимым фактором характера повседневного экологического поведения является уровень материального благополучия респондентов (Таблица 3).

Таблица 3

Вы разделяете мусор и отходы бытовой деятельности Вашей семьи?	Уровень дохода			
	Малоимущие (до ПМ)	Малообеспеченные (от 1 до 2 ПМ)	Ниже среднего уровня (2 и выше ПМ)	Средний уровень и выше (60000 и выше)
Да	3,8	7,0	8,4	47,1
Нет, т.к. у нас нет контейнеров для раздельного сбора мусора и бытовых отходов	64,2	53,5	45,8	29,4
Нет	32,1	39,5	45,8	23,5

Как видно из данных таблицы, респонденты со средним уровнем дохода и выше демонстрируют совсем иной уровень ответственности в экологическом поведении. Почти половина из них разделяют мусор, причем они делают это в 12 раз чаще, чем малоимущие, в 6 раз чаще, чем малообеспеченные и респонденты с доходом ниже среднего.

Вполне понятно, что уровень дохода преимущественно определяет выбор продуктов питания и бытовых приборов (Таблицы 4, 5).

По данным таблиц видно, что респонденты со средним уровнем дохода и выше в 1,8 раза чаще используют фильтры для воды и в 3,7 раза чаще предпочитают покупать экологически чистые продукты, чем малоимущие.

Таблица 4

Пользуетесь ли Вы фильтрами для воды?	Уровень дохода			
	Малоимущие (до ПМ)	Малообеспеченные (от 1 до 2 ПМ)	Ниже среднего уровня (2 и выше ПМ)	Средний уровень и выше (60000 и выше)
Да	33,3	28,2	37,2	58,8
Нет	66,7	71,8	62,8	41,2

Использование фильтров для воды в зависимости от уровня дохода (в%)

Таблица 5

Предпочтения при покупке продуктов питания в зависимости от уровня дохода

Какие продукты питания Вы предпочитаете покупать?	Уровень дохода			
	Малоимущие (до ПМ)	Малообеспеченные (от 1 до 2 ПМ)	Ниже среднего уровня (2 и выше ПМ)	Средний уровень и выше (60000 и выше)
Экологически чистые	15,1	27,3	38,5	56,2
Те, которые дешевле	50,9	54,9	50,3	18,8
Употребляю в основном, то, что вырастил(а) на своем приусадебном участке (даче)	20,8	9,4	8,5	25,0
Другое	13,2	8,4	2,7	-

Изменения представлений о гендерных ролях мужчин и женщин сказывается в представлении о поведении, в том числе экологическом, «настоящих мужчин». Так, большинство опрошенных (70,9%)

не согласились с утверждением, что настоящий мужчина не должен заботиться об экологически здоровом питании (Таблица 6).

Таблица 6

Мнение мужчин и женщин о том, должен ли настоящий мужчина не должен заботиться об экологически здоровом питании

В какой степени вы согласны с тем, что настоящие мужчины не должны заботиться об экологически здоровом питании?	Мужчины	Женщины	Всего
Совершенно не согласен/ согласна	30,3	38,4	34,9
Скорее не согласен/ согласна	38,3	34,3	36,0
И да и нет	10,3	10,8	10,6
Скорее согласен/ согласна	8,7	9,3	9,0
Полностью согласен/ согласна	12,3	7,3	9,5

Однако, как видно из данных таблицы, довольно значительная часть опрошенных (пятая часть мужчин и 16,6% женщин) разделяют представление о «настоящем мужчине», как о брутальном самце, которому чужда забота об экологически

здоровом питании. При этом следует отметить, что на мнение о вреде используемой в быту химии традиционное представление о «настоящем мужчине» не распространяется (Таблица 7).

Таблица 7

Мнение мужчин и женщин о том, должен ли настоящий мужчина не должен переживать экологически здоровом питании

	Мужчины	Женщины	Всего
Совершенно не согласен/ согласна	34,7	40,9	38,2
Скорее не согласен/ согласна	32,6	30,5	31,4
И да и нет	19,5	15,6	17,3
Скорее согласен/согласна	8,7	7,5	8,0
Полностью согласен/согласна	4,4	5,5	5,0

Более ответственное экологическое поведение женщин подтверждается их самооценкой личного участия в экологических мероприятиях (Таблица 8).

Таблица 8

Оценка мужчинами и женщинами личного участия в экологических мероприятиях

Оценка	Мужчины	Женщины	Всего
Очень низко	9,2	8,9	9,0
Низко	25,6	19,4	22,1
Удовлетворительно	35,6	36,2	35,9
Хорошо	16,4	25,3	21,4
Отлично	13,1	10,3	11,5

Как показывают данные таблицы, более трети женщин оценили свое личное участие в мероприятиях по озеленению, уборке своего двора, зон отдыха и т.д. на «хорошо» и «отлично», тогда как среди мужчин, доля давших такую оценку личному участию меньше (29,5%). Обратная картина наблюдается в отношении отрицательной оценки личного участия в экологических мероприятиях. Более трети мужчин дали отрицательную оценку (низко и очень низко) своему личному участию в экологических мероприятиях, тогда как доля женщин, давших такую самооценку своей экологической активности ниже (28,3%).

Таким образом анализ данных по гендерной обусловленности повседневного экологического поведения населения Республики Карелия позволяет сделать следующие выводы:

- Рост эгалитарных убеждений не в полной мере воплощается в реальной практике семей;

- Высокая степень удовлетворенности мужчин и женщин сложившимся гендерным порядком тормозит развитие реальных эгалитарных гендерных отношений, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на экологической активности мужчин.

- Экологически активное поведение активнее формируется среди представителей более обеспеченных групп

- Сохраняющаяся гендерная асимметрия в распределении рутинной домашней работы препятствует более активному формированию экологически ответственного поведения мужчин.

- Расширение эгалитарных отношений в семье формирует основу для экологически ответственного поведения

Список литературы:

1 Доклад WWF «Живая планета 2018 Стремимся к большему». Краткое изложение. /Сайт wwf.ru (Дата обращения 1.03.2020)

Мясоедов А.И.

Бакалавр ИИЯСКУ ФГБОУ ВО

Московский государственный психолого-педагогический университет
Москва, Россия**ОТНОШЕНИЕ К ПЛАГИАТУ В РАЗНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ****Myasoedov A.I.**

Bachelor of IJASCU FSBEI of HE

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ATTITUDE TO PLAGIATE IN DIFFERENT EUROPEAN COUNTRIES**Аннотация**

Плагиат - это важный и часто обсуждаемый вопрос, который может иметь серьезные финансовые последствия для высших учебных заведений по всей Европе. Взгляд на плагиат отличается от страны к стране; взгляд студентов отличается от взгляда учителей. Студентам предлагается делать все больше заданий и проектов, которые вместе с онлайн-доступностью огромного количества ресурсов соблазняют студентов на плагиат. Однако в разных странах по-разному относятся к этой теме. Но каждое государство стремится обеспечить объективное измерение усилий студентов, позволяя им проводить часть своей учебы в разных институтах и даже в разных странах, наказания за плагиат и другие виды мошенничества могут быть различными. Даже определение плагиата может быть понято по-разному в отдельных европейских странах.. Цель статьи - представить результаты исследований, посвященных изучению отношения к плагиату в Великобритании, Чехии, Польше, Литве, Кипре и Болгарии. В этих странах был проведен анкетный опрос среди студентов и преподавателей. Полученные результаты интересны и вдохновляют и показывают огромные различия в отношении к плагиату между западными и посткоммунистическими странами, удивительно включающими Чехию в группу западных стран. В ходе исследования были выявлены некоторые различия между западными и восточными странами, а также некоторые различия в отношении студентов и преподавателей к проблеме плагиата. В нем содержатся полезные идеи и предложения о том, как уменьшить количество студенческого плагиата.

Abstract

Plagiarism is an important and frequently discussed issue that can have serious financial implications for higher education institutions across Europe. The view of plagiarism differs from country to country; the view of students differs from the view of teachers. Students are encouraged to do more and more tasks and projects, which together with the online availability of a huge number of resources tempt students to plagiarism. However, different countries have different attitudes to this topic. But each state strives to provide an objective measure of students' efforts by allowing them to spend part of their studies at different institutions and even in different countries. Penalties for plagiarism and other types of fraud may vary. Even the definition of plagiarism can be understood differently in individual European countries.. The purpose of the article is to present the results of research on the attitude to plagiarism in the United Kingdom, the Czech Republic, Poland, Lithuania, Cyprus and Bulgaria. In these countries, a questionnaire survey was conducted among students and teachers. The results are interesting and inspiring and show huge differences in attitudes towards plagiarism between Western and post-Communist countries, which surprisingly include the Czech Republic in the group of Western countries. The study found some differences between Western and Eastern countries, as well as some differences in the attitude of students and teachers to the problem of plagiarism. It contains useful ideas and suggestions on how to reduce the amount of student plagiarism.

Ключевые слова: плагиат, антиплагиат, образование, студенты, преподаватели.**Keywords:** Plagiarism, anti-Plagiarism, education, students, teachers.

Плагиат-один из часто обсуждаемых вопросов в высшем образовании, который обусловлен различными аспектами этой проблемы. Развитие информационных технологий облегчает не только поиск плагиата, но и его обнаружение.

Согласно [9], плагиат-это акт заимствования и использования чужих мыслей, произведений, изобретений, идей и т. д. как свой собственный. Чешская терминологическая база данных определяет плагиат как несанкционированное пиратство (точное или частичное) произведения искусства или

научной работы другого лица, который представлен как оригинал без упоминания первоисточника [1].

Сервер Plagiarism.org различают несколько видов плагиата:

- Источники либо не упоминаются, либо цитируются. Автор иногда пытается скрыть свой обман, меняя порядок слов, используя синонимы и т. д.

• Источники указаны правильно, но не цитируются в тексте. В некоторых случаях статья не содержит собственного авторского вклада.

В обоих случаях плагиат может быть, как преднамеренным, так и непреднамеренным. Преднамеренный плагиат включает в себя загрузку работы из интернета, копирование чужой работы без упоминания источника [7] или покупку работы у кого-то другого [4]. Непреднамеренный плагиат может быть вызван незнанием автором этики цитирования, рассматриванием чужих мыслей как своих собственных или рассматриванием чужих идей как общеизвестных. Даже это акты плагиата, но наказание в таких случаях не должно быть столь серьезным.

В эпоху Интернета плагиат становится намного проще. Например, число студентов, допустивших копирование из интернета, увеличилось с 13% в 2007 году до 41% в 2008 году [9]. Однако интернет не является универсальной причиной плагиата. Поскольку он помогает плагиаторам, он также помогает учителям выявлять плагиат своих учеников и становится полем битвы, где мошенники сражаются с привратниками этики. Тогда учителям, возможно, придется приложить больше усилий для выявления плагиата, а не для руководства, вдохновения студентов и обучения их чтению, письму и синтезу [8].

Студентов часто смущает разное отношение к плагиату в разных школах. Те, кто учится за рубежом, могут испытать более серьезный культурный шок, поскольку плагиат может иметь совершенно иное воздействие в конкретных странах. Серьезные различия между странами Юго-Восточной Азии и Австралией показаны в работе Brandejsová, J., Brandejš, M., Křipáč, M., и Kasprzak, J [1]. В то время как большинство австралийских студентов изучают этику цитирования в старших классах, студенты из Китая, Кореи или Камбоджи часто подвергаются плагиату своих работ. Когда эти студенты встречаются в австралийском университете и пишут свои эссе или диссертации, частота использования неосуществленных идей может быть удивительно высокой.

В этой статье представлены некоторые результаты проекта «влияние политики борьбы с плагиатом в высшем образовании по всей Европе» (IPRNEAE), изучается политика и процедуры, действующие в высших учебных заведениях по всей Европе, для выявления и предотвращения плагиата студентов, сравнив ситуацию внутри стран и между ними, а также выяснив, насколько эффективна данная практика [3].

Проект включает в себя в основном комплексное онлайн обследование европейских высших учебных заведений (ВУЗ) на трех различных уровнях: магистранты и магистранты, профессорско-преподавательский состав и высшее руководство

[12]. Данные, полученные в ходе опроса, должны помочь вузу найти оптимальный путь предотвращения плагиата и стимулировать разработку эффективной политики борьбы с плагиатом по всему Европейскому Союзу.

Хотя в последующие месяцы ожидается гораздо больше данных, некоторые исследования были проведены даже с частью этих данных, поскольку набор данных уже достаточно велик. Было получено более 1300 ответов из 6 различных европейских стран (Болгария, Соединенное Королевство, Чешская Республика, Польша, Кипр и Литва). Поскольку эти страны представляют собой типичные европейские регионы, исследовательская группа считает, что полученные данные можно обобщить. Необходимо указать, что ответов учителей из Литвы и Болгарии недостаточно, что может повлиять на точность результатов. Количество ответов студентов из каждой упомянутой страны достаточно велико. Ответы 300 студентов из Чехии, Польши и Кипра, и других стран. 100 ответов студентов из Великобритании, Литвы и Болгарии.

Анкеты были переведены на разные языки, всего их было четырнадцать, чтобы студенты и преподаватели могли понимать вопросы и отвечать на них своими собственными голосами.

Взгляд студентов на плагиат. В самом первом вопросе опроса студентам предлагалось определить плагиат одним предложением. Ответ на этот вопрос может сыграть решающую роль в интерпретации следующих данных, поскольку различное отношение к плагиату влияет на ответы на следующие вопросы [5].

Наиболее распространенными ответами чешских студентов были «копирование текста или мысли без ссылки на оригинального автора» или «нарушение авторских прав». Британские студенты отвечают «принимая чужую работу и как свою собственную» или «обманывая». Самый распространенный болгарский ответ – «кража чужих мыслей» и «копирование чужой интеллектуальной работы». Литовские студенты отвечают очень кратко, наиболее распространенными являются ответы типа «копия» или «копия работы». Польские студенты давали длинные ответы, в которых упоминались другие аспекты, включая копирование или кражу чужей работы, или интеллектуальной собственности. Почти все они упоминают «без упоминания оригинального автора», некоторые добавляют «незаконный», а некоторые пытаются количественно оценить уровень плагиата текста (более 50 %). Также кипрские студенты используют в большинстве случаев такие слова, как «копирование», «кража» или «воровство», и из их ответов вытекает, что определение термина плагиат им хорошо известно [6]. Единственное различие, которое видно, - это краткость литовских ответов, которая может быть вызвана ленью или некомпетентностью формулировать собственное мнение или незнанием термина.

«Когда я узнал о термине плагиат»

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
До получения степени бакалавра	60.2 %	70.0 %	37.8 %	72.6 %	72.3 %	28.6 %
Во время получения степени бакалавра	22.6 %	19.7 %	43.8 %	20.5 %	14.7 %	14.3 %
Во время обучения в магистратуре	6.5 %	6.7 %	4.0 %	0.9 %	6.8 %	54.8 %
Все еще не уверен	10.8 %	3.7 %	14.4 %	6.0 %	6.1 %	2.4 %

Второй вопрос касался времени, когда студенты узнают о плагиате. Результаты показаны в табл. 1.

Можно отметить сходство данных в Великобритании и Кипр, тогда как данные из всех других стран отличны. Это может быть вызвано тем, что Кипр является бывшей британской колонией, по-

этому система образования здесь аналогична. Другие страны имеют коммунистическую историю, что может объяснить сходство их данных.

Следующим интересным вопросом был вопрос о том, получают ли студенты обучение методам научного академического письма. Результаты показаны в табл. 2.

Таблица 2

«Студенты проходят обучение приемам научного академического письма?»**(ответы студентов)**

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Категорически не согласен	24.7 %	27.1 %	1.5 %	19.7 %	38.5 %	10.0 %
Не соглашаться	20.4 %	40.5 %	12.9 %	19.7 %	41.0 %	22.5 %
Не уверен	24.7 %	3.3 %	11.9 %	13.7 %	4.3 %	17.5 %
Соглашаться	17.2 %	21.4 %	45.5 %	25.6 %	9.4 %	35.0 %
Полностью согласен	8.6 %	7.0 %	22.8 %	16.2 %	4.7 %	15.0 %
Непригодный	4.3 %	0.7 %	5.4 %	5.1 %	2.2 %	0.0 %

Давайте объединим несогласные и согласные ответы, что позволит нам ближе рассмотреть ответы студентов, как показано на табл.3.

Таблица 3

«Студенты проходят обучение приемам научного академического письма?»**(объединенные ответы студентов)**

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Нет	45.1 %	67.6 %	14.4 %	39.4 %	79.5 %	32.5 %
Не уверен	24.7 %	3.3 %	11.9 %	13.7 %	4.3 %	17.5 %
Да	25.8 %	28.4 %	68.3 %	41.8 %	14.1 %	50.0 %

Как показано в таблице в основном студенты получают этот вид обучения в основном на Кипре и в Великобритании. В посткоммунистических странах ситуация лучше всего обстоит в Литве и хуже всего в Польше, где обучение получает лишь немногим более 14 % студентов. В Чехии только четверть студентов обучаются правильному академическому письму. Таким образом, в этих странах можно ожидать еще больше случаев непреднамеренного плагиата.

Давайте теперь перейдем к следующему вопросу, касающемуся существования политики и процедур, связанных с плагиатом в конкретном учебном заведении. Набор возможных ответов был одинаковым, поэтому можно сделать тот же анализ, есть также объединенные ответы «сильно согласен» + «согласен» и «сильно не согласен» + «не согласен» (табл. 4 и 5).

Таблица 4

«Это учреждение имеет политику и процедуры для борьбы с плагиатом?»**(ответы студентов)**

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Категорически не согласен	5.4 %	0.7 %	1.0 %	3.4 %	2.9 %	10.0 %
Не соглашаться	9.8 %	2.0 %	5.4 %	8.5 %	9.7 %	2.5 %
Не уверен	33.7 %	25.1 %	23.8 %	31.6 %	49.5 %	7.5 %
Соглашаться	29.3 %	44.1 %	37.1 %	35.9 %	27.8 %	27.5 %
Полностью согласен	20.7 %	28.1 %	27.7 %	10.3 %	8.3 %	52.5 %
Непригодный	1.1 %	0.0 %	5.0 %	10.3 %	1.8 %	0.0 %

Таблица 5

**«Это учреждение имеет политику и процедуры для борьбы с плагиатом?»
(объединенные ответы студентов)**

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Нет	15.2 %	2.7 %	6.4 %	11.9 %	12.6 %	12.5 %
Не уверен	33.7 %	25.1 %	23.8 %	31.6 %	49.5 %	7.5 %
Да	50.0 %	72.2 %	64.8 %	46.2 %	36.1 %	80.0 %

Как видно из таблицы 5, британские студенты больше всего убеждены в существовании политики и процедур, за которыми следуют чешские и кипрские. В Литве, Болгарии и Польше этот показатель не столь высок, но все же показывает, что большинство учреждений имеют свою политику и процедуры.

Сравнение предыдущего вопроса со следующим дает нам интересные результаты. Студенты должны были ответить, знают ли они, какие наказания будут применены к ним, если они совершат плагиат. Результаты отображены в таблицах 6 и 7.

Таблица 6

«Я знаю, какие штрафы применяются к студентам за различные формы плагиата и академической нечестности?» (ответы студентов)

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Категорически не согласен	11.0 %	0.3 %	4.0 %	2.6 %	10.5 %	9.8 %
Не соглашаться	14.3 %	1.7 %	19.0 %	5.2 %	39.0 %	12.2 %
Не уверен	40.7 %	26.5 %	44.5 %	22.4 %	19.9 %	19.5 %
Соглашаться	20.9 %	55.7 %	21.0 %	46.6 %	26.0 %	41.5 %
Полностью согласен	8.8 %	15.8 %	4.5 %	14.7 %	4.0 %	14.6 %
Непригодный	4.4 %	0.0 %	7.0 %	8.6 %	0.7 %	2.4 %

Таблица 7

«Я знаю, какие штрафы применяются к студентам за различные формы плагиата и академической нечестности?» (объединенные ответы студентов)

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Нет	25.3 %	2.0 %	23.0 %	7.8 %	49.5 %	22.0 %
Не уверен	40.7 %	26.5 %	44.5 %	22.4 %	19.9 %	19.5 %
Да	29.7 %	71.5 %	25.5 %	61.3 %	30.0 %	56.1 %

Так в Чехии эти показатели почти одинаковы, а это значит, что студенты, знающие о политике и процедурах, также знакомы с их содержанием. В некоторых странах (Болгария, Кипр, Великобритания) студенты знают о существовании политики, но многие из них не знают наказаний за плагиат. Самые низкие знания студентов о политике и наказаниях находятся в Польше, где только одна треть студентов говорит, что они имеют процедуры и еще меньше знают о наказании. Противоположным случаем является Литва, где процент студентов, которые не уверены в существовании политики (или даже заявляют, что она не существует), меньше,

чем процент студентов, которые не знают о наказании. Таким образом, могут существовать недокументированные режимы наказания студентов за плагиат, но это не прописано ни в одном формальном регламенте.

Наиболее практическим доказательством мнения студентов о плагиате являются ответы на следующий вопрос: «предполагая, что 40% материалов студента взяты из других источников и скопированы в работу студента, укажите свое мнение о плагиате ...» были подзадачи, уточняющие, как автор обращался с скопированным текстом.

Ответы на первый подзапрос («слово в слово без цитат») приведены в Табл. 8.

Таблица 8

**«40% студенческих работ, скопированных слово в слово без цитат?»
(ответы студентов)**

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Серьезный Плагиат	60.2 %	74.1 %	60.4 %	40.7 %	68.8 %	63.6 %
Плагиат	14.8 %	21.9 %	28.7 %	38.9 %	27.9 %	21.2 %
Не уверен	20.5 %	3.0 %	7.9 %	11.5 %	2.6 %	12.1 %
Определенно не плагиат	4.5 %	1.0 %	3.0 %	8.8 %	0.7 %	3.0 %

Самые сильные убеждения в отношении плагиата существуют в Чехии, за которой следуют Польша и Великобритания. Удивительно, но более 20% студентов в Болгарии не уверены, и почти 10%

литовских студентов убеждены, что это не случай плагиата. Ответы на второй подзапрос («некоторыми словами, измененными без цитат, ссылок или в текстовых цитатах») приведены в Табл. 9.

«40% студенческих работ, скопированных с некоторыми словами, были изменены без цитат, ссылок или текстовых цитат?» (ответов студентов)

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Серьезный Плагиат	14.1 %	31.3 %	22.4 %	15.9 %	10.1 %	21.2 %
Плагиат	11.8 %	46.1 %	45.8 %	27.4 %	38.2 %	45.5 %
Не уверен	47.1 %	16.7 %	23.9 %	39.8 %	41.9 %	33.3 %
Определенно не плагиат	27.1 %	6.1 %	8.0 %	16.8 %	9.7 %	0.0 %

Хотя студенты смогли определить плагиат, многие из них, очевидно, не в состоянии применить эти знания. Плагиат - это не только копирование текста, но и утверждение чужих идей как своих собственных. Многие респонденты не признали, что автор идеи все еще нуждается в признании, хотя некоторые слова могут быть изменены, поэтому нет никаких сомнений, что этот случай также является серьезным плагиатом. Количество положительных ответов было значительно ниже во всех исследованных странах [11]. В некоторых странах было больше отрицательных ответов (не уверен + определенно не плагиат), чем положительные. Самый значительный случай - это Болгария, но также Литва и Польша. В данном случае в очередной раз самым правильным ответом на вопрос о плагиате была Чехия, за которой следовали Кипр и Великобритания.

Самый последний вопрос, рассматриваемый в данной статье, касался повышения эффективности профилактики. Студентов спрашивали о «любых предложениях или идеях о том, как уменьшить количество студенческого плагиата».

Трудно отличить качество или тип предложений, поступающих из разных стран. Студенты отметили следующие пункты [10]:

- Повышение осведомленности о плагиате – например, специальный курс
- Уточните, что такое плагиат, а что нет
- Унификация правил цитирования
- Более строгие санкции и раскрытие информации для правонарушителей;
- Не повторяйте темы заданий / диссертаций
- Более тесное сотрудничество между преподавателями и студентами
- Программное обеспечение для обнаружения плагиата
- Больше времени для написания заданий/диссертаций.

Взгляд преподавателей на плагиат. Преподавателям также было предложено дать определение плагиату в первом вопросе. Их ответы более или менее эквивалентны ответам студентов, доказывающих, что учителя также знакомы с этим термином. Давайте перейдем к следующему вопросу, задавая учителям, получают ли их ученики обучение методам научного академического письма. Результаты показаны в табл. 10.

Таблица 10

«Студенты проходят обучение методам академического письма?» (ответы учителей)

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Категорически не согласен	0.0 %	7.3 %	0.0 %	0.0 %	19.2 %	0.0 %
Не соглашаться	16.7 %	36.5 %	18.2 %	0.0 %	34.6 %	4.5 %
Не уверен	50.0 %	10.1 %	9.1 %	0.0 %	19.2 %	13.6 %
Соглашаться	33.3 %	37.6 %	54.5 %	50.0 %	15.4 %	36.4 %
Полностью согласен	0.0 %	7.9 %	18.2 %	50.0 %	11.5 %	45.5 %
Непригодный	0.0 %	0.6 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %

Давайте объединим несогласные и согласующиеся ответы (как в случае со студентами), что позволит нам ближе рассмотреть ответы учителей, как показано на табл. 11.

Таблица 11

«Студенты проходят обучение методам академического письма?» (объединенные и нормализованные ответы учителей)

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Нет	16.7 %	43.8 %	18.2 %	0.0 %	53.8 %	4.5 %
Не уверен	50.0 %	10.1 %	9.1 %	0.0 %	19.2 %	13.6 %
Да	33.3 %	45.5 %	72.7 %	100.0%	26.9 %	81.9 %

Если сравнить ответы студентов и преподавателей, то обнаружим, что в Кипре, Польше и Великобритании эти ответы более или менее похожи, тогда как в Болгарии, Чехии и Литве ответы студентов и преподавателей различаются. Болгарские,

чешские и литовские преподаватели считают, что студенты получают этот вид обучения, однако их студенты считают, что они не получают такого обучения. То же самое сравнение было сделано и с вопросом о существовании политики и процедур

борьбы с плагиатом. Результаты находятся в табл. 12; объединенные ответы находятся в табл. 13.

Таблица 12

**«Это учреждение имеет политику и процедуры для борьбы с плагиатом?»
(ответы учителей)**

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Категорически не согласен	16.7 %	0.0 %	9.1 %	0.0 %	7.7 %	0.0 %
Не соглашаться	16.7 %	14.6 %	27.3 %	0.0 %	15.4 %	0.0 %
Не уверен	0.0 %	9.0 %	9.1 %	100.0%	38.5 %	4.5 %
Соглашаться	50.0 %	46.6 %	27.3 %	0.0 %	30.8 %	22.7 %
Полностью согласен	16.7 %	29.2 %	27.3 %	0.0 %	7.7 %	72.7 %
Непригодный	0.0 %	0.6 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %

Таблица 13

**«Это учреждение имеет политику и процедуры для борьбы с плагиатом?»
(объединенные ответы учителей)**

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Нет	33.4 %	14.6 %	36.4 %	0.0 %	23.1 %	9.3 %
Не уверен	0.0 %	9.0 %	9.1 %	100.0%	38.5 %	3.1 %
Да	66.7 %	75.8 %	54.6 %	0.00 %	38.5 %	87.5 %

Ответы из Литвы действительно интересны. Ни один из отвечающих преподавателей не знает, есть ли в его учебном заведении политика и процедуры, касающиеся плагиата. Высокая степень соответствия ответов студентов и преподавателей наблюдается в Болгарии, Чехии, Польше и Велико-

британии. Кипрские студенты гораздо более оптимистичны, чем их учителя. Давайте теперь разберемся с последним общим вопросом: Я знаю, какие наказания применяются к студентам за различные формы плагиата и академической нечестности. Ответы учителей отображаются в таблице 14 и 15.

Таблица 14

«Я знаю, какие штрафы применяются к студентам за различные формы плагиата и академическую нечестность» (ответы учителей)

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Категорически не согласен	16.7 %	3.4 %	9.1 %	0.0 %	11.5 %	0.0 %
Не соглашаться	0.0 %	8.5 %	27.3 %	25.0 %	34.6 %	4.5 %
Не уверен	66.7 %	24.9 %	9.1 %	50.0%	3.8 %	22.7 %
Соглашаться	0.0 %	50.3 %	36.4 %	25.0 %	42.3 %	36.4 %
Полностью согласен	0.0 %	12.4 %	18.2 %	0.0 %	7.7 %	36.4 %
Непригодный	16.7 %	0.6 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %

Таблица 15

«Я знаю, какие наказания применяются к студентам за различные формы плагиата и академической недобросовестности» (объединенные ответы преподавателей)

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Нет	16.7 %	11.9 %	36.4 %	25.0 %	46.1 %	4.5 %
Не уверен	66.7 %	24.9 %	9.1 %	50.0%	3.8 %	22.7 %
Да	0.0 %	62.7 %	54.6 %	25.0 %	50.0 %	72.8 %

В Чехии, Польше и Великобритании студенты и преподаватели имеют примерно одинаковые ожидания, ответы из других стран отличаются. В Болгарии и Литве студенты лучше знают о возможном наказании, чем их учителя, но на Кипре учителя считают себя более информированными, чем студенты.

Сосредоточившись на мнении учителей о представлении учеником 40 % скопированного текста, видно, что учителя получили такое же описание ситуации и попросили решить, был ли это случай плагиата или нет, и применять ли штраф. Сравним ответы учителей в разных странах и с ответами студентов.

В первую очередь, важно отметить, что ответы учителей совпадают с ответами учеников, учителя

относятся к этому несколько серьезнее. Рассмотрев ситуации, когда студент копирует 40% своего представления и меняет некоторые слова, видно, что большинство учителей во всех исследуемых странах видят в этом плагиат или серьезный плагиат. Самая большая разница между мнением студентов и преподавателей наблюдается на Кипре и в Литве; лучшее совпадение в ответах студентов и преподавателей наблюдается в Чехии. В то время как наиболее осведомленные студенты находятся в Чешской Республике, а затем на Кипре и в Великобритании, кипрские преподаватели наиболее осведомлены о том, что такое плагиат, а затем в Чешской Республике и Великобритании. Самый высокий уровень толерантности к плагиату наблюдается

в Болгарии (по мнению, как преподавателей, так и студентов).

Этот опрос содержит также одну интересную пару вопросов для учителей: я считаю, что один или несколько моих коллег могли использовать плагиат или неопубликованные материалы в классных записках, и я считаю, что я мог быть плагиатом (случайно или намеренно). Даже это не очевидно на

первый взгляд, эти вопросы задают почти одно и то же – единственная разница заключается в том, что субъект совершает возможный плагиат, – и поэтому ответы должны быть одинаковыми. Давайте посмотрим на реальность (табл. 18 и 19). Давайте объединим согласные и несогласные ответы на оба вопроса.

Таблица 16

**«40 % ответов студентов копировались слово в слово без цитат?»
(ответы преподавателей)**

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Серьезный Плагиат	83.6 %	71.9 %	72.7 %	50.0 %	80.8 %	90.9 %
Плагиат	16.7 %	23.6 %	27.3 %	50.0 %	15.4 %	4.5 %
Не уверен	0.0 %	3.9 %	0.0 %	0.0 %	3.8 %	4.5 %
Определенно не плагиат	0.0 %	0.6 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %

Таблица 17

«40 % представления студента скопированы с некоторыми словами, измененными без цитат, ссылок или цитат в тексте?» (ответы преподавателей)

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Серьезный Плагиат	16.7 %	31.2 %	60.0 %	25.0 %	15.4 %	27.3 %
Плагиат	33.3 %	45.5 %	40.0 %	50.0 %	57.7 %	63.6 %
Не уверен	33.3 %	12.5 %	0.0 %	25.0 %	23.1 %	9.1 %
Определенно не плагиат	16.7 %	1.7 %	0.0 %	0.0 %	3.8 %	0.0 %

Таблица 18

«Я полагаю, что один или несколько моих коллег могли использовать плагиат или неопубликованные материалы в своих работах»

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Категорически не согласен	0.0 %	5.1 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %	4.8 %
Не соглашаться	0.0 %	17.4 %	9.1 %	0.0 %	30.8 %	7.9 %
Не уверен	16.7 %	37.6 %	27.3 %	50.0 %	26.9 %	36.5 %
Соглашаться	66.7 %	30.3 %	54.5 %	50.0 %	42.3 %	28.6 %
Полностью согласен	16.7 %	8.4 %	9.1 %	0.0 %	0.0 %	22.2 %
Непригодный	0.0 %	1.1 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %

Таблица 19

«Я полагаю, что я мог использовать плагиат случайно или намеренно»

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Категорически не согласен	16.7 %	12.9 %	9.1 %	0.0 %	3.8 %	21.9 %
Не соглашаться	33.3 %	39.3 %	36.4 %	50.0 %	38.5 %	28.1 %
Не уверен	50.0 %	24.2 %	27.3 %	25.0 %	19.2 %	14.1 %
Соглашаться	0.0 %	23.6 %	9.1 %	25.0 %	38.5 %	23.4 %
Полностью согласен	0.0 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %	12.5 %
Непригодный	0.0 %	0.0 %	18.2 %	0.0 %	0.0 %	0.0 %

Таблица 20

«Я полагаю, что один или несколько моих коллег могли использовать плагиат или непроверенные материалы» (объединенные ответы)

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Нет	0.0 %	22.5 %	9.1 %	0.0 %	30.8 %	12.7 %
Не уверен	16.7 %	37.6 %	27.3 %	50.0 %	26.9 %	36.5 %
Да	83.3 %	38.7 %	63.6 %	50.0 %	42.3 %	50.8 %

**«Я полагаю, что я мог использовать плагиат случайно или намеренно»
(объединенные ответы)**

	Болгария	Чехия	Кипр	Литва	Польша	Великобритания
Нет	50.0 %	52.2 %	45.5 %	50.0 %	42.3 %	50.0 %
Не уверен	50.0 %	24.2 %	27.3 %	25.0 %	19.2 %	14.1 %
Да	0.0 %	23.6 %	9.1 %	25.0 %	38.5 %	23.4 %

Больше всего плагиаторов среди коллег находится в Болгарии, за ней следуют Кипр, Великобритания и Польша. Самый высокий уровень признания возможного плагиата респондентами наблюдается в Польше, за ней следуют Великобритания и Чехия. Существует заметный контраст между Болгарией и Польшей. В Болгарии почти все люди думают, что их коллеги могли использовать плагиат, но никто не признает, что он или она могли плагиатировать себя. Польские преподаватели гораздо менее подозрительно относятся к своим коллегам (почти треть убеждена, что ни один из их коллег не мог быть плагиатом – самое большое число среди обследованных стран) и гораздо более критично относятся к самим себе (возможное совершение плагиата допускают более трети респондентов – опять же самое большое число среди обследованных стран).

Важно оглянуться назад на ответы учителей на практический вопрос о том, что представляет собой студенческий плагиат. Поскольку большой процент опрошенных учителей в каждой стране отрицательно оценил значение второго явного случая серьезного плагиата среди студентов (таблица 16 и 17), маловероятно, что эти учителя смогли бы оценить, когда они сами или их коллеги могли бы заниматься плагиатом.

Преподавателям было предложено представить любые замечания, предложения или идеи, как предотвратить плагиат. Наиболее частыми предложениями были дополнительные объяснения, обучение студентов навыкам письма, наличие четких правил и наказания за их нарушение, а также создание уникальных оценок. В целом их ответы были такими же, как и ответы студентов [2].

Необходимо отметить разницу в причинах плагиата, и студенты, и преподаватели утверждают, что легкость копирования из Интернета является самой существенной причиной, но это единственное сходство. Тогда студенты заявляют в основном о своей неосведомленности о плагиате, тогда как преподаватели подозревают их в преднамеренном плагиате или мошенничестве. Это согласуется с ответами в таблице 3 и 9, где показано, что учителя думают, что студенты имеют больше информации о плагиате, чем студенты думают.

Учитель из Великобритании, который, очевидно, придерживался совершенно другой точки зрения, дал самый интересный ответ: способность писать зависит от способности читать. Большинство моих учеников не умеют читать, следовательно, они не умеют писать, и поэтому у них нет иного выбора, кроме как заниматься плагиатом. Однако это утверждение должно быть истолковано через понимание природы студенческого населения в британских университетах. Около 90% студентов

некоторых магистерских программ Великобритании - это иностранные студенты, для которых английский язык не является родным.

Ниже продемонстрированы различия в отношении к плагиату между вышеуказанными странами:

- В восточноевропейских (посткоммунистических) странах студенты знакомятся с термином "плагиат" еще до получения степени бакалавра, в то время как в западных странах они узнают о нем во время обучения в бакалавриате.

- В других странах опрошенные студенты чаще проходят обучение академическому научному письму. Однако преподаватели в странах Восточной Европы убеждены, что их ученики также получают такой вид обучения.

- Большинство студентов убеждены, что их учебные заведения имеют политику и процедуры борьбы с плагиатом во всех исследуемых странах. Однако в Болгарии, на Кипре и в Польше большинство студентов не знают, что такое штрафные санкции. В Литве студенты знают о штрафах, но многие из них отрицают существование какой-либо политики. Литовские (и отчасти кипрские) учителя также отрицают существование политики борьбы с плагиатом.

- Если 40% студенческих работ скопировано без каких-либо цитат или ссылок, то самый высокий уровень понимания плагиата наблюдается в Чешской Республике, Великобритании, Польше и Кипре, в то время как литовские и болгарские преподаватели и студенты более терпимы, особенно если некоторые слова изменены. Как и следовало ожидать, преподаватели во всех изучаемых странах ценят плагиат больше, чем студенты.

- Учителя из всех стран скорее признаются в том, что их коллеги могли заниматься плагиатом, чем в том, что они делают сами. Самая высокая разница - в Болгарии, самая низкая - в Польше.

Можно сделать вывод, что ведется большая работа в области информирования как студентов, так и преподавателей о проблеме плагиата, его видах и способах снижения. Некоторые исследования ведутся на институциональном, национальном и международном уровнях (определение того, что такое плагиат, а что нет, унификация правил цитирования, унификация штрафов), но есть много вопросов, которые могут быть решены любым преподавателем (расширение сотрудничества со студентами, повышение мотивации студентов, предоставление уникальных оценок, поощрение студентов к чтению и т. д.).

Список литературы.

1. Brandejsová, J., Brandejs, M., Křipač, M., Kasprzak, J.,: National register of university theses and system for uncovering Plagiarism. In: Čtenář. 2009. Roč. 61. c. 1.
2. Bruton S.V. Self-Plagiarism and Textual Recycling: Legitimate Forms of Research Misconduct. Accountability in Research. Policies and Quality Assurance, 2014. 21 (3), 176-197.
3. Curno, Mirjam. "Challenges to Ethical Publishing in the Digital Era." Information, Communication & Ethics in Society. 2016. 14 (1) , pp. 4-15
4. Desene L.H., Preventing Plagiarism: Tips and Techniques. Illinois: National Council of Teachers. 2007. p. 117
5. Fish R., & Hura G. Students' perceptions of Plagiarism. Journal of the Scholarship of Teaching and Learning, 2013. 13(5), 33-45.
6. Fisher E.R. & Partin K.M. The Challenges for Scientists in Avoiding Plagiarism. Accountability in Research. Policies and Quality Assurance, 2014. 21, 6, 353-365.
7. Gilmore B., Plagiarism: Why it happens, how to prevent it. Memphis. Tennessee: Hutchinson School. 2008. p. 139.
8. Howard R.M., 2007: Understanding „Internet Plagiarism“. Computers and Composition. Vol. 24; p. 3–15.
9. Sutherland-Smith W., Plagiarism, the Internet, and student learning: improving academic integrity. New York: Taylor and Francis. 2008. p. 240.
10. Whitley, Edgar A. Challenges to ethical publishing in the digital era: a journal editor's response to the limited mind reading skills of academic authors. Journal of Information, Communication & Ethics in Society, 2016. 14 (1). pp. 29-32
11. Williams K.M., Nathanson, C., & Paulus, D.L. (2010). Identifying and profiling scholastic cheaters: Their personality, cognitive ability and motivation. Journal of Experimental Psychology, Applied, 16 (3), p. 293-307,
12. Impact of Policies for Plagiarism in Higher Education Across Europe. Available online at <http://Plagiarism.cz/ippheae/>

PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК: 821(73)

Степанова Т.М.доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы и массовых коммуникаций**Аутлева Ф.А.**кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Адыгейский Государственный Университет,
г. Майкоп, Россия.[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11666](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11666)**КОМИКСОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОРМ И АРХЕТИПОВ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ, И
МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В ПРОЗЕ В. ИРВИНГА.****Stepanova T.M.,****Autleva F.A.**

Adyghe State University

**COMIC INTERPRETATION OF FORMS AND ARCHETYPES of FOLK CULTURE AND MASS
CONSCIOUSNESS IN V. IRVING' PROSE.****Аннотация**

В данной статье рассматриваются особенности авторской интерпретации форм и архетипов традиционной народной культуры и массового сознания на материале прозы В.Ирвинга, оценивается диалектическое сочетание в ней романтического мировосприятия и реалистического отображения действительности, анализируется ироническое и комическое осмысление В.Ирвингом романтических лейтмотивов, стереотипов и мифологем, делается вывод об актуальности данной проблематики в настоящее время.

Abstract

This article discusses the features of the author's interpretation of the forms and archetypes of traditional folk culture and mass consciousness on the material of V. Irving's prose, evaluates the dialectical combination of romantic worldview and realistic reflection of reality in it, analyzes the ironic and comic interpretation of romantic leitmotifs, stereotypes and mythologies by V. Irving, concludes about the relevance of this problem at present time.

Ключевые слова: романтическое мировосприятие, реалистическое отображение действительности, мифологема, архетип, массовое сознание, мифотворчество, легенда, суеверие.

Key words: romantic perception of the world, realistic representation of reality, mythologism, archetype, mass consciousness, mythmaking, legend, superstition.

Одним из интересных примеров сочетания романтического мировосприятия и реалистического отображения действительности является книга В. Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине». Одна из мифологем, разрабатываемых в этом тексте, - это мифологема народной музыки и танца, народного исполнительства: «Но вот звуки музыки из общей комнаты послужили приглашением к танцам. Обязанности музыканта исполнял старый седоволосый негр, уже более полувека представлявший в своем лице бродячий оркестр округи. Его инструмент был так же стар и так же разбит, как он сам. По большей части он пиликал, пользуясь двумя или тремя струнами, но зато каждый взмах смычка сопровождал движением головы, наклоняясь почти до самого пола и отбивая ногой такт всякий раз, когда к танцевавшим присоединялась новая пара» [1]. Характерно, что автор здесь одновременно рассматривает, иронически осмысливая, и феномен массовой культуры.

Столь же комично выглядит и описание как собственно танца главного героя, так и сопутствующих этому эмоций самого танцора и его зрителей: «Икабод в такой же мере гордился умением танцевать, как и своими общепризнанными певческими талантами. Ни один мускул, ни одна его жилка не оставались при этом без дела; наблюдая его вихляющуюся в вихре движений фигуру, его ноги, топчущие из конца в конец по всей комнате, вы могли бы подумать, что перед вами — сам святой Витт, благословенный покровитель пляски и пляшущих. Он приводил в восторг многочисленных негров всех возрастов и размеров, сбежавшихся с фермы и из окрестностей; они стояли, составив пирамиду из блестящих, сияющих лиц у каждого окна и у каждой двери и с восхищением глазели на эту сцену веселья» [1].

Мифологема музыки и танца, их комическая интерпретация в этом повествовании служат, с одной стороны, цели создания мифологема праздника и веселья, с другой – его ироническому переосмыслению как пародия на попытки персонажа и

окружающего его социума создать ощущение «светскости». Следующий эпизод текста ставит целью выразить отношение автора к устной истории, передаваемой от одного рассказчика к другому и одновременно творимой ими в духе новейшего мифотворчества, обрастающей массой легенд и суеверий: «...Во времена, о которых идет речь в нашем повествовании, эта округа была одним из тех благословенных углов, где кишмя кишели великие люди и хроники минувших событий. В дни войны британские и американские укрепленные линии проходили невдалеке отсюда, так что область эта сделалась ареною мародерства и всевозможных бесчинств, творимых дезертирами, ковбоями и пограничными рыцарями всякого рода» [1].

Автор сознательно устанавливает некую меру соотношения реальной истории и устной народной традиции, акцентируя внимание на такой особенности массового сознания (и коллективного бессознательного), как различного рода предрассудки и суеверия: «С той поры протекло как раз столько времени, сколько необходимо, чтобы всякий рассказчик мог облечь свой рассказ соответствующей долей вымысла и в подернутых дымкой тумана воспоминаниях произвести самого себя в герои, приписав себе всевозможные подвиги» [1]. После изложения ряда колоритных народных преданий автор делает следующее заключение об особенностях создания и дальнейшего бытования подобного рода фольклорных текстов: «Но все это было ничто по сравнению с последовавшими затем рассказами о духах и привидениях. Эта местность, как я указывал раньше, изобилует сказочными сокровищами подобного рода. Ведь местные легенды и суеверия лучше всего разрастаются и расцветают в таких зачолустных, давно заселенных укромных углах и, напротив, бывают затоптаны ногами вечно снующих и кочующих толп, составляющих большинство сельского населения нашей страны» [1].

Вслед за этим автор делает акцент на своеобразной ауре, исходящей из основного хронотопа произведения, указывая на прямую связь его художественного пространства с активным функционированием в этих местах легенд и преданий, порожденных либо человеческим воображением, либо сном и сновидениями: «Однако непосредственная причина отмечаемого в этих местах преобладания сверхъестественных рассказов кроется, несомненно, в близости Сонной Лощины. Ее влияние разносится как бы вместе с воздухом, притекающим из этой зачарованной стороны; он распространяет вокруг атмосферу грез и видений, заражающую окрестности. Несколько обитателей Сонной Лощины... не замедлили, по обыкновению, угостить присутствующих жуткими и повергающими в безмерное изумление легендами. Было рассказано немало страшных историй о похоронных процессах и душераздирающих воплях у большого дерева, близ которого был схвачен несчастный майор Андре. Не была забыта и женщина в белом, которую не раз видели в мрачном овраге у Вороньей Скалы (здесь она когда-то погибла в снегу) и чьи

крики и стоны доносились оттуда в зимние ночи перед непогодой» [1].

Далее появляется новый объект внимания автора – мифический персонаж, развивающий уже намеченный в произведении выше архетип всадника и коня: «Основная масса рассказов была посвящена, однако, излюбленному призраку Сонной Лощины — Всаднику без головы, — которому полюбилось рыскать тут позднею ночью и который, как утверждали, привязывал на ночь коня на церковном погосте между могилами» [1].

Здесь писатель также «разрабатывает характерный для фольклора мотив пути, который служит основой для создания новых сюжетных линий, приключений и событий. Автор, как он это нередко делает в своих произведениях, в качестве реминисценций ссылается на народные легенды и предания, фольклорные истории про оборотней и злых духов» [2, с.147].

Здесь же намечается и находит развитие еще один фольклорный лейтмотив произведения, связанный с церковью и погостом, где происходит «перевернутое» толкование назначения церкви по отношению к «неуставным» духам: «Церковь, благодаря своему уединенному положению, уже давно превратилась в излюбленное пристанище мятущихся духов. Она стоит на невысоком холме, окруженном акациями и могучими вязами; ее опрятно выбеленные стены, выделяясь на темном, пустынном фоне, сияют той скромною чистотой, которая заставляет вспомнить о христианском смирении и целомудрии. ...Всякий решил бы, что пред ним — надежнейшее убежище и что здесь мертвые веки пребудут в мире и тишине» [1].

Следующие далее истории нагнетают эффекты, свойственные «книгам ужасов», в завершение же они полностью укладываются в стилистику и семантику *hellowena*: «Кто-то рассказал историю, приключившуюся со старым упрямым Броувером, начисто отрицавшим существование духов; и все же ему пришлось столкнуться как-то с призрачным всадником, возвращавшимся после ночной вылазки к себе на погост, и он вынужден был сесть на коня за спиной гессенца: они помчались, не обращая внимания на кусты и на заросли, по холмам и болотам, пока не долетели до моста, и тут Всадник без головы обернулся внезапно скелетом, сбросил старого Броувера в ревущий поток и, сопровождаемый гулом громовых раскатов, вихрем понесся по верхушкам деревьев и в мгновение ока бесследно исчез» [1].

В каждой из рассказанных историй преобладающим по-прежнему является мотив мифического всадника, погони, преследования, спасения бегством, жутких превращений, что адресует нас к одному из архетипических сюжетов и образов, запечатленных, в частности, в балладе И.В. Гете «Лесной царь». Автор специально подчеркивает, что это были «истории, рассказанные приглушенным голосом, каким обычно беседуют в темноте», он отмечает также, что «лица слушателей, время от времени освещаемые внезапно вспыхивающим огоньком трубки, глубоко запечатлелись в душе

Икабода». Таким образом, Вашингтон Ирвинг в своей прозе комедийно и иронически осмысливает целый ряд явлений и форм традиционной народной культуры, и массового сознания.

Список литературы

1. Ирвинг В. Легенда о Сонной Лощине.
URL: http://modernlib.ru/books/irving_washington/legenda_o_sonnoy_loschine/

УДК – 82.035

2. Степанова Т.М. Аутлева Ф.А. Пародийное переосмысление романтических и фольклорных жанров, и мотивов (средневековая баллада, готическая повесть) в новеллистике В. Ирвинга. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2015. С.147.

Степанова Т.М.

доктор филологических наук,

профессор кафедры литературы и массовых коммуникаций

Аутлева Ф.А.

кандидат филологических наук,

доцент кафедры иностранных языков

Адыгейский Государственный Университет,

г.Майкоп, Россия.

[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11667](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11667)

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ПЕРЕПИСКЕ К.И. ЧУКОВСКОГО С АМЕРИКАНСКИМ СЛАВИСТОМ Э.СИММОНСОМ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Stepanova T.M.,

Autleva F.A.

Adyge State University,

GENERAL ISSUES OF LITERARY TRANSLATION IN CORRESPONDENCE OF K. I. CHUKOVSKY WITH AMERICAN SLAVIST E. SIMMONS IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Аннотация

В данной статье рассматриваются общие вопросы художественного перевода, нашедшие отражение в переписке К.И. Чуковского с американским славистом профессором Э.Симмонсом в 1960-е годы, оценивается освещение проблем теории и практики перевода в контексте межкультурной коммуникации, анализируется содержание и стилистика эпистолярного наследия, отражается мониторинг переводов на английский язык произведений русской классики – И.А.Крылова, М.Ю.Лермонтова, Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова, характеризуется актуальность данной проблематики в настоящее время.

Abstract

The article discusses general issues of literary translation, as reflected in the correspondence of K. I. Chukovsky with american slavist, Professor E. Simmons in the 1960-ies, estimates coverage of the problems of the theory and practice of translation in the context of intercultural communication, analyzes the content and style of the epistolary heritage, reflects the monitoring of translations into English of the works of Russian classics – I.Krylov, M. Lermontov, N. Gogol, I.Turgenev, F. Dostoevsky, A.Chekhov. The relevance of this problem at present time is characterized.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, переписка, диалог, язык, этнопсихология, национальная ментальность, кросскультурное общение.

Key words: epistolary heritage, correspondence, dialogue, language, ethnopsychology, national mentality, cross-cultural communication.

Уникальное по объему и составу эпистолярное наследие К.И.Чуковского (1882 -1969) – выдающегося отечественного прозаика, детского поэта, переводчика, публициста, литературного критика, меуариста, доктора филологических наук, почетного доктора литературы Оксфордского университета – складывалось на протяжении семи десятилетий. Среди его корреспондентов – выдающиеся писатели, ученые, деятели культуры и искусства нескольких поколений.

Переписка К.И. Чуковского с американским славистом Э. Симмонсом, относящаяся к последним годам жизни русского литератора, чрезвычайно интересна тем, что она представляет собой диалог двух профессионалов высокой пробы, отличающихся блестящими познаниями в области в равной степени великих русской и англоязычных национальных литератур. При этом естественно, что у каждого из участников этого общения доминирует все же их собственное, глубоко индивиду-

альное и неповторимое чувство родного языка, связанное с особенностями этнопсихологии, национальной ментальности. И в то же время авторы переписки – это люди, зачастую понимающие друг друга с полуслова, говорящие на «одном языке».

Одновременно их диалог отличается остроумием, наблюдательностью, смелостью и оригинальностью мышления, активностью кросскультурного общения. Круг проблем, затрагиваемых Э. Симмонсом в его письмах К.И. Чуковскому, свидетельствует о его совершенном знании русского языка, глубокой компетентности в области русской литературы и хорошей осведомленности о ее переводах на английский язык.

В начале своего письма от 2 апреля 1965 года Э. Симмонс благодарит К.И. Чуковского за подаренное ему издание окончательного варианта его многолетнего труда, посвященного искусству перевода. Автор письма проникательно замечает, демонстрируя глубокое знание и русской литературы, что, несмотря на скромные заявления автора в начале книги, К.И. Чуковский в ней выступает «как самый настоящий ученый, но полагающий, как и я, что ученый труд не обязательно должен быть скучным. Многие ученые – это несостоявшиеся литераторы, а некоторые литераторы – несостоявшиеся ученые, как Гоголь, например, когда он пытается писать и преподавать историю. В Вас же ученость и писательское искусство сочетаются в счастливом союзе талантов» [1].

Э. Симмонс признается в глубоком созвучии многих положений труда К. Чуковского его собственной литературно-переводческой концепции, в том, что он поражен познаниям отечественного поэта и переводчика в английской лингвистике и «той полнейшей свободе, с какой Вы ориентируетесь в нескольких литературах, особенно в английской, первые познания в которой я получил под руководством видного шекспироведа Дж. Л. Киттреджа в Гарварде». Одним из главных достижений книги К. Чуковского он считает обилие «иллюстративного материала», от забавнейших «поймать краба» и «черной Марии» в начале книги до множества поучительных примеров «неточной точности», бедного и богатого словаря, стиля, слуха, ритма, синтаксиса, интонации и т.д. в основной ее части.

Э. Симмонс полностью разделил «расправу» К. Чуковского с современным переводчиком Б. Г. Герни, «которая окажется полной неожиданностью для его здешних почитателей. Жаль, что у Вас не было под рукой его перевода «Мертвых душ», недавно переизданного, «коренным образом переработанного» и «горячо встреченного», – думаю, что Вы бы нашли там материал для критики, аналогичной Вашим замечаниям по поводу его «Ревизора».

Хотя существует и иное мнение современного российского лингвиста о том, что перевод «Мертвых душ», принадлежащий Б. Г. Герни, является более точным и адекватным, чем перевод Д. Дж. Хогарта: в частности, «это объясняется тем, что переводчик обращает внимание на целый ряд факторов, в том числе на антропонимы, которые играют

столь важную роль в художественном пространстве в прозе Гоголя». Мырина Д. Ф., Антропонимы Н. В. Гоголя: структурно-семантический и переводческий аспекты. Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. I. С. 147-150.

Далее Э. Симмонс одобряет глубокие наблюдения К. Чуковского над переводами басен Крылова работы сэра Бернарда Пэйрса, подтверждая, что «очарование его в общем-то искусных переложений, в которых ему часто удавалось уловить дух оригинала, нарушают «невыносимые англицизмы», вместе с тем ссылаясь на положительный опыт Гая Дэниелса, «одного немного сумасбродного молодого человека, мечтающий издать томик своих переводов басен Крылова». Э. Симмонс позитивно оценивает его работу, добавляя: «он только что выпустил томик Лермонтова, стихи и прозу, много такого, что раньше на английский не переводилось. Вас позабавило бы его воинствующее предисловие, в котором большое место уделено проблемам перевода» [1].

Э. Симмонс высказывает также глубокие и точные суждения по поводу переводов на английский язык произведений русской литературной классики, принадлежащих Констансу Гарнет. Его оценка этой работы весьма объективна, он присоединяется к похвалам в ее адрес К. Чуковского: «буквально миллионы американских и английских читателей впервые приобщились к сокровищам русской классической прозы благодаря трудам этой героической женщины» [1].

Вместе с тем о самих ее переводах американский профессор по сути судит строже, чем его русский собрат – писатель и переводчик: «Она не только не воспринимала различий в стиле – у нее Гоголь, Достоевский, Тургенев, Чехов и др. – все они пишут стилем Констанса Гарнет», подчеркивая большую степень переводческой стилистической унификации, иронически добавляя, что «это некий средневикторианский стиль, в котором слышатся академические предсмертные хрипы. Что еще хуже, ее давнишнее появление на сцене и популярность ее переводов мешали издателям искать новых переводчиков – ведь снова и снова переиздавать ее переводы обходится дешевле» [1].

Причину этого Э. Симмонс, как и К.И. Чуковский, видит в том, что на «первых стадиях ее работы не нашлось компетентного критика, который указал бы ей на ее ошибки и многому мог бы ее научить... в те времена – да и теперь – в Америке и Англии трудно найти критика, который интересовался бы вопросами перевода и знал бы русский достаточно, чтобы обнаружить ошибки. А если такие и были, наши крупные отделы рецензий едва ли пожелады бы именно им поручать рецензирование переводов» [1].

Э. Симмонс признает «неимоверно низкое» качество большинства переводов, особенно в поэзии, добавляя, что оно напоминает «то ремесленничество», которое К.И. Чуковский в своей книге описывает как типичное для России XIX века. Э. Симмонс справедливо констатирует, что ни в Европе, ни в

Америке не существует «школы перевода», подобной той замечательной школе, которая создана в Советском Союзе. За очень немногими исключениями, перевод, особенно с живых языков, никогда не считался у нас «высоким искусством». И не содался у нас тип переводчика – художника и ученого» [1].

Главную причину этого Э.Симмонс видит в «коммерческом подходе наших издателей, которые не разделяют даже убеждения Пушкина, что переводчики – «почтовые лошади просвещения». «Проблески возрождающегося интереса к этому искусству» Э. Симмонс усматривает «в недавних демаршах некоторых наших ведущих поэтов – Одена, Лоуэлла, Уилбура, но и они, по Вашим понятиям, едва ли годятся в переводчики русской поэзии» [1].

Э. Симмонс уверен в необходимости англоязычной «научной литературы по теории и критике перевода, которая установила бы высокие художественные требования», как это делает К.Чуковский в своих трудах по теории и практике художественного перевода, что способствовало бы повышению уровня всей англоязычной переводческой практики до «уровня искусства». Э.Симмонс выражает желание «увидеть Ваше великолепное «Высокое искусство» в переводе на английский – книга помогла бы

некоторым нашим переводчикам осознать, что они работают в искусстве, а не просто заняты делом, которое приносит им немножко денег». Одновременно он прекрасно понимает, что книгу К.И.Чуковского, «в которой, естественно, главное внимание уделено переводам на русский язык, особенно трудно как следует перевести на английский» [1].

В ответном письме профессору Э.Симмонсу от 15 апреля 1965 г. К. Чуковский выражает желание подробно узнать о создании National Translation Center (Национального центра переводов), о том, каковы ее функции, «достаточно ли она авторитетна», «Примет ли она к сердцу качество переводов с русского?». В заключение К.И.Чуковский сообщает о подготовке нового издания «Высокого искусства» и просит у профессора Симмонса позволения процитировать там два абзаца из его письма – «относительно Гарнет и о положении переводческого искусства в США» [1].

Список литературы

1. Из переписки К.И. Чуковского с американскими славистами. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/chukovskiy_korney/visokoe_iskusstvo.html

УДК 81'25

**Бармина Е.А.,
Рябова С.А.**

Севастопольский государственный университет
DOI: [10.24411/2520-6990-2020-11668](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11668)

ТРАНСКРЕАЦИЯ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

**Barmina E.A.,
Ryabova S.A.**

Sevastopol State University

ADVERTISING SLOGAN TRANSCREATION: LINGUOCULTURAL ASPECT

Аннотация

Статья посвящена изучению культурно-специфических элементов в контексте русскоязычных, англоязычных и франкоязычных рекламных текстов. Обращение к национально-прецедентному стилю в рекламе актуализирует ряд проблем, прежде всего – отражение национально-культурных характеристик в рамках перевода рекламных слоганов. Транскреация рассматривается как оптимальная стратегия сохранения прагматической функции рекламного слогана с учетом лингвокультурных особенностей реципиентов из разных стран.

Abstract

The article deals with national and cultural patterns within the framework of Russian, English and French advertising texts. National style of advertising text production highlights a number of issues such as national characteristics rendering in the process of advertising slogan transcreation. The transcreational strategy is regarded as the optimal approach to save the advertising slogan pragmatic function taking into account linguistic and national characteristics of foreign recipients.

Ключевые слова: транскреация, рекламный слоган, рекламный текст, национальная реклама, прагматическая функция

Key words: transcreation, advertising slogan, advertising text, national advertising, pragmatic function

С началом интенсивного развития мирового рынка, требующего серьезного подхода к маркетинговым инструментам продвижения продукции,

возрос интерес к исследованию стратегий сохранения в переводе прагматической функции рекламного слогана.

На сегодняшний день в рамках переводоведения транскреационный подход к переводу рекламных слоганов представляется наиболее оптимальным. Данная стратегия позволяет передать коммерческий текст с одного языка на другой с учетом всех лингвокультурных особенностей реципиентов.

Реклама как «целенаправленное информативное воздействие неличного характера на потребителя для продвижения товаров на рынке сбыта» [3, с. 9] «является одним из основных механизмов формирования образа и стиля жизни, устанавливает ценности и стандарты жизни, мораль, этические нормы» [5, с. 5].

Одним из самых эффективных способов рекламы является слоган – лингво-семиотическая единица, предназначенная для активации цепи, а иногда сети когнитивно-ассоциативных связей с целью всесторонней и предельно позитивной презентации объекта рекламы [4, с. 50].

Для того чтобы придумать по-настоящему креативную и привлекательную рекламу, при ее создании необходимо опираться на лингвокультурные особенности конечного потребителя рекламируемого продукта.

Одной из переводческих стратегий, направленных на качественный перевод рекламных слоганов, является транскреация. Цель данной стратегии – сохранить маркетинговую ценность текста, но учесть все лингвокультурные специфические элементы той аудитории, для которой слоган переводится.

Используя транскреацию, переводчик меняет различные элементы культурного, визуального, аудиального и других кодов, чтобы глубже интегрировать исходный текст в матрицу культурного поля стороны, принимающей переведенный текст [6].

Транскреация – это особый вид перевода, который преследует маркетинговые цели и формирует у реципиента те же ассоциации, что возникают и у носителя исходного языка при знакомстве с данным рекламным слоганом [1].

В связи с вышеизложенным, обратимся к понятию национальной рекламы, которая подразумевает определенную рекламную кампанию, нацеленную на широкий круг потребителей в рамках конкретного государства. В отличие от международной рекламы, национальная реклама создается с учетом специфических историко-культурных особенностей одной страны либо местности и может быть не принята аудиторией в другом государстве [2].

Данная реклама отражает черты национального менталитета и это подтверждается тем, что в каждой стране имеется оригинальный рекламный «почерк». Проанализируем несколько примеров национальной французской, английской и русской рекламы пищевых продуктов.

Рассмотрим слоган рекламной кампании шоколадного батончика KitKat (от Unilever). На американской версии сайта слоган звучит как “Have a break, have KitKat”, а на русский язык передано как

«Есть перерыв – есть KitKat». В англоязычном примере мы можем наблюдать призыв к действию, что характерно для американской культуры. Побудительные конструкции – самое распространенное явление в рекламных текстах, нацеленных на потребителей из США. В русскоязычном слогане призыв к действию передается в имплицитной форме за счет игры слов. Слово «есть» раскрыто в омонимичном ракурсе, в первом случае употребления – как факт существования предмета, а во втором – как процесс употребления пищи. Во французской версии мы также наблюдаем прием переводческой компенсации “Craquez pour un break, gourmand”, т. к. хотя в этом примере и не употребляется призыв к действию (что и не характерно для французской рекламы), добавлено обращение к реципиенту «gourmand». Французы – поистине гурманы: они ценят вкусную еду, вино, им свойственно стремление к гедонизму, поэтому такое обращение является вполне удачным и взывает к главным ценностям французов.

Освежающие драже, выпускаемые компанией Ferrero SpA, tic tac, успешно продается в США под слоганом «Two hours of tic tac freshness in less than two calories». Хотя слоган и не является коротким (относительно среднестатистической длины), однако он раскрывает очень важную составляющую продукта: для американцев остро стоит проблема ожирения, особенно среди молодого населения, а упоминание низкокалорийных свойств продукта – прекрасный коммерческий ход в США. В России данный слоган интерпретирован следующим образом: «Свежесть всего в двух калориях!». Российские копирайтеры сохранили акцент на низкой калорийности продукта, т. к. для российского населения, особенно женской половины, также важно следить за состоянием здоровья и фигуры. Однако они опустили деталь с «2-часовой свежестью» в целях сокращения слогана, что довольно характерно для российского рекламного дискурса. Во французском слогане наблюдается удачный лексический подбор созвучных слов «tac» и «craque»: «tic tac tu craque».

Далее в качестве примера возьмем шоколадно-ореховую пасту, выпускаемую компанией Ferrero, SpA с 1964 года, Nutella. Примечательно, что состав этой пасты варьируется в зависимости от страны-импортера: в некоторых странах (Россия, США, Канада) в составе можно найти пальмовое масло, а, например, в ее итальянской версии содержание сахара меньше, чем во французской. Также дело обстоит и с рекламными слоганами данного продукта в различных странах. В США и англоязычных регионах мира слоган следующий: «The best Hazelnut spread in the world». В данном слогане отражается стремление американцев к максимализму, их чувство исключительности и превосходства. «The best in the world» – частотное выражение, характерное для американского коммерческого дискурса. Для французских реципиентов слоган звучит так: «Chaque jour c'est du bonheur à tartiner». Формулировка «chaque jour» («каждый день») акцентирует

внимание на постоянстве, традиционности употребления данного продукта, что так важно для французов. На российском рынке паста Nutella представлена слоганом «Утро начинается с Nutella». Такая формула («утро начинается с...») довольно распространена в русскоязычном рекламном дискурсе. В данном контексте она подразумевает некую традиционность, вызывает определенные ассоциации между утренним приемом пищи и конкретным продуктом.

Таким образом, цель креативного перевода, или транскреации, – сохранить как маркетинговую, так и художественную ценность рекламного слогана. При этом необходимо учитывать, что маркетинговая информация в рекламном тексте должна оставаться в нетронутым виде, а вот смелые решения в отношении художественной формы – не только разрешены, но и необходимы копирайтеру.

Проанализировав ряд примеров, можем утверждать, что транскреационный подход при адаптации рекламных слоганов является оптимальным решением. Он помогает сохранить важные характеристики рекламного слогана и при этом адаптировать его к принимающей среде с учетом всех ее лингвокультурных особенностей.

Список литературы

1. Мощанская Е. Ю. Современные проблемы перевода: «Homo Loquens. Вопросы лингвистики и транслятологии» / Е. Ю. Мощанская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-perevoda-homo-loquens-voprosy->

lingvistiki-i-translyatologii-rets-na-kn-homo-loquens-tekst-voprosy-lingvistiki-i

2. Осипов Д. В. Отражение американских ценностей в популярных фильмах [Электронный ресурс] / Д. В. Осипов // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 1 (33). – с. 84. – Режим доступа: https://vk.com/doc165021853_499713132?hash=b90e457ac0fb3b46a3&dl=caa029bfb3cecee687

3. Синяева И. М. Основы рекламы: учебник для СПО / И. М. Синяева, О. Н. Жильцова, Д. А. Жильцов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biblio-online.ru/viewer/osnovy-reklamy-395700#page/1>

4. Турбина О. А., Салтыкова М. С. Принципы организации рекламного слогана [Электронный ресурс] // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2012. №2 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-organizatsii-reklamnogo-slogana>

5. Чабанюк Т. А. Теория и практика рекламы: учеб. пособие [Электронный ресурс] / Т.А. Чабанюк. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2013. – Режим доступа: https://knastu.ru/media/files/posobiya_files/_i_praktik_a_reklamy_UJoyGv.pdf

6. Malenova E. Creative Practices in Translation of Transmedia Projects [Электронный ресурс] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 5 (2018 11) 775-786 – Режим доступа: <http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/71369/Malenova.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

Булатбаева Кулжанат Нурымжановна

*доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранной филологии,
Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева,
г. Нур-Султан, Казахстан*

Ережепова Айдана Талгатқызы

*студентка Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева,
г. Нур-Султан, Казахстан*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КАЗАХСКОГО И АНГЛИЙСКОГО НАРОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)

Bulatbaeva Kulzhanat Nurymzhanovna

*Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Foreign Philology,
Eurasian National University named after L.N. Gumileva,
Nur-Sultan, Kazakhstan*

Erezhepova Aidana Talgatzyzy

*student Eurasian National University. L.N.Gumileva,
Nur-Sultan, Kazakhstan*

ENVIRONMENTAL VIEWS KAZAKH AND ENGLISH PEOPLES (ON THE MATERIAL OF ANALYSIS OF PAREMIOLOGICAL UNITS)

Аңдатпа

Мақалада мақал-мәтелдер жүйесі арқылы ағылшын халқының қазақ айнасындағы лингвистикалық көрінісіндегі табиғат және экологиялық проблемалар тақырыбы қарастырылған. Түсіндіру және салыстыру әдістері осы паремнологиялық бірліктерде табиғаттың, адам мен табиғи әлемнің арасындағы параллельдер туралы екі халықтың басым құндылықтары мен мәдени маңызды идеяларын анықтауға мүмкіндік берді.

Аннотация

В статье рассмотрена тема природы и проблемы экологии в языковой картине английского народа в зеркале казахской через систему пословиц и поговорок. Методы интерпретации и сопоставления позволили выявить в этих паремiologicalических единицах сложившиеся ценностно и культурно значимые представления каждого из народов о природе, о параллелях, существующих между миром человека и миром природы.

Abstract

The article considers the theme of nature and environmental problems in the linguistic picture of the English people in the mirror of the Kazakh through a system of proverbs and sayings. The methods of interpretation and comparison allowed us to identify in these paremiological units the established value and culturally significant ideas of each of the nations about nature, about the parallels that exist between the human world and the natural world.

Кілтмі сөздер: табиғат, экологиялық проблемалар, семантикалық өріс, нақыл сөздер, адамгершілік, халық санасы.

Ключевые слова: природа, экологические проблемы, семантическое поле, пословица, поговорка, человеческая нравственность, народное сознание.

Keywords: nature, environmental problems, semantic field, proverb, saying, human morality, national consciousness.

Язык является главным инструментом познания и освоения внешнего мира. Он также выступает основным средством общения людей. В равной мере язык является источником и носителем национально-культурной информации. Каждый носитель языка является одновременно носителем культуры.

Любой естественный этнический язык имеет особую картину мира, т.е. отражает определенный способ восприятия и организации мира. Поскольку в большинстве случаев человек имеет дело не с самим миром, а с его репрезентациями, с когнитивными картинками и моделями, то мир предстает сквозь призму культуры и языка народа, который видит этот мир. Языковая личность организует содержание высказывания в соответствии с языковой картинкой мира, и в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке. Языковые картины мира, рисуемые разными языками, в чем-то могут частично совпадать с аналогичным явлением у других народов, а также могут иметь национальные различия, поэтому носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. Менталитет лингвокультурного сообщества обусловлен в значительной степени его концептосферой, в которой отражены мировидение и миропонимание его членов. Ученые различают концептуальную и языковую картины мира (Р.И.Павиленис [1], Ю.Н.Караулов[2], В.И.Постовалова[3], Б.А.Серебренников[4], В.Н.Телия[5] и др.).

Языковая картина мира проявляется прежде всего в рамках семантического пространства языка, или в семантических полях, где четко выявляются общечеловеческое универсальное и национально специфическое видение объекта или явления. Лексика разных языков и ее функционирование в выражениях в виде необычных сочетаний обычно анализируется в рамках двух подходов. Весь словарный состав в свободном его функционировании является объектом рассмотрения структурной лингвистики. Семантическая лингвистика сегодня

позволяет нам в рамках семантических полей рассмотреть философские воззрения народа относительно конкретного фрагмента объективного мира, что отражается прежде всего в языке. Главным методом исследования языковой картины мира является полевое сопоставление объективных реалий. Результатами таких сопоставлений являются выявленные специфические отношения каждого народа к действительности. Различия между языковыми картинками обнаруживают себя разноаспектно: в этнической непередаваемой лексике, в новых лексико-семантических вариантах многозначного слова, в необычных узуальных сочетаниях, в новых смыслах миропонимания, отражаемых в суждениях. Кроме того, “в пословично-поговорочном фонде языка находят эксплицитное выражение предпочтения, связанные с ценностной доминантой культуры” [6]. Сопоставительное лингвокультурологическое исследование пословичных фондов двух типологически несхожих языков дает возможность выявить универсальное и культурно-национальное в семантике и структуре пословиц, охарактеризовать национальный менталитет и особенности в восприятии мира народа. Сравнение паремий неродственных языков помогает выявить оптимальные возможности их перевода, что имеет большое значение в межкультурной коммуникации.

В данной статье языковая картина мира выявляется на основе устойчивых выражений и крылатых высказываний, то есть квинтэссенции народной мудрости, в которой отражено мирозерцание и миропонимание многих поколений. Изучение паремий позволяет выявить, во-первых, аксиологические аспекты этнической культуры и, во-вторых, рассмотреть причины сделанных умозаключений относительно того или иного явления. Являясь отражением этнического мировоззрения, паремiologicalические единицы имеют глубокие связи с общей философией отношения человека с окружающим миром.

Рассмотрим этнические взгляды на природу и проблемы экологии на примере устойчивых выра-

жений, проявление национального мышления англичан в сравнении с казахским представлением данного концепта.

Современное английское общество обеспокоено сегодняшним состоянием природы, особенно отношением человека к природе. Наряду с заботой о природе, нельзя не обратить внимания на те умозаключения, которые заставляют задуматься читателя. Они таковы: «In nature there are neither rewards or punishments - there are consequences. Robert Green (В природе не существует ни награды, ни наказания - есть последствия. Роберт Грин)». Глубинная семантическая структура высказывания заключается в предупреждении общества о том, что природа-мать, которая не способна наказывать, а любая катастрофа – это следствие действий самих людей.

Англичане готовы также призвать всех землян к единению в общем вопросе – сохранению природы для всего человечества: «Like music and art, love of nature is a common language that can transcend political or social boundaries. Jimmy Carter (Как музыка и искусство, любовь к природе является общим языком, который может превзойти политические или социальные границы. Джимми Картер)». В данном выражении отражена объединяющая сила природы, что все страны едины в сохранении планеты как источника вдохновения и ощущения красоты жизни.

Английский народ признает тесную связь человека с природой, связывает экологию природы с экологией человека: «Adopt the pace of nature: her secret is patience. Ralph Waldo Emerson (Примите темп природы: ее секрет — это терпение. Ральф Уолдо Эмерсон)». Здесь нельзя не отметить призыв к спокойствию, терпению. Импульсивность и повышенное выражение эмоций не характерны для английского народа. Общество испокон веков учит свое поколение не отражать всякие эмоциональные «взрывы» собеседника подобным действием. В этом отношении и казахи этот алгоритм действия передает поговоркой «Сабыр түбі –сары алтын» (буквально: «дно терпения - золото», смысл: спокойствие приведет к желаемому результату, человек останется в выигрыше). Человек – дитя природы,

Природа – это лучшее лекарство для человека, что отражается в высказываниях типа «Nature always wears the colors of the spirit. Ralph Waldo Emerson (Природа всегда носит цвет воодушевления. Ральф Уолдо Эмерсон)». Положительное психологическое воздействие природы на человека является универсальным выводом человечества, поэтому англичане не являются исключением. Национальная специфика заключается в метафоре, которая представляет узуальное английское сочетание: цвет воодушевления.

Вечность природы и ее способность восстанавливаться описаны в следующем выражении: «You can drive out nature with a pitchfork but she keeps on coming back. Horace (Quintus Horatius Flaccus) (Вы можете изгонять природу вилами, но она будет продолжать возвращаться. Гораций (Квинт Гораций Флакк))», образное восприятие которого связано с

осенним периодом, когда вилами собираются остатки увядших растений, а также ожиданием следующей весны, когда снова начинает цвести земля. Английский народ отметил великую силу природы восстанавливаться. Это более древнее суждение, сейчас человечество такой вывод вряд ли сделает, а больше беспокоится о невозобновляемости природных ресурсов, что соответствует сегодняшней действительности.

В то же время необходимость бережного отношения к природе англичане доходчиво объясняют тем, что все, что делает человек с природой, несомненно находит отражение в жизни человека: «What we are doing to the forests of the world is but a mirror reflection of what we are doing to ourselves and to one another. Chris Maser (То, что мы делаем с лесами мира является зеркальным отражением того, что мы делаем для себя и друг для друга. Крис Мазер)». Англичане имеют в виду содержание в чистоте и порядке лесов. Но невольно можно провести параллель с сегодняшней ситуацией в Казахстане: никому не секрет, что на территории некоторых регионов как случаются, так и «устраиваются» пожары, так как после пожара списывается много леса, вполне пригодного в том числе. В народе не зря появилось слово «лесокрад». Английская поговорка проводит параллель между безжалостным отношением к лесу и безжалостным отношением людей друг к другу, таким образом мы видим два скрытых императива: «Любите лес!», «Любите окружающих людей!». Лаконичность заключается в том, чтобы человек реально представил, как бывает больно от негативных человеческих отношений, так больно бывает и лесу. Также таится мысль, что уничтожая лес, превращая оазисы в пустыни, человек передает свое отношение к будущему поколению. В этом отношении уместно привести следующее выражение, которое сказано в результате неразумных действий человека: «Man is Nature's sole mistake. W.S. Gilbert (Человек является единственной ошибкой природы. В.С. Гилберт)». В этом выражении человек представлен как ненужный природе элемент, приносящий ей страдания.

Для решения экологических проблем нужно всегда помнить, что в мире все упорядочено и нужно общаться с природой соответственно законам духовной нравственности: «I love to think of nature as an unlimited broadcasting station, through which God speaks to us every hour, if we only tune in. Carver (Мне нравится думать о природе как о безграничной радиовещательной станции, по которой каждый час общается с нами Господь, если только мы сумели настроиться на нужную волну. Карвер)».

Сравним:

Тюрки всегда ценили природу, которая считается для них неким творением Аллаха. Верования в казахском народном сознании сформировали целый набор образов и явлений. Народная педагогика казахов близка к природе и человеку. Опыт взаимодействия с природой включал как практику (личные наблюдения), так и познавательный процесс

(устную информацию, получаемую в процессе семейного и соседского общения). Народные знания о природе накапливались и закреплялись в традиционных ритуалах, обычаях, произведениях, материальной культуры и поэтического творчества (сказки, легенды, былины, пословицы, поговорки, народные песни и др.). Поговорками «не руби одинокое дерево» и «не разрушай птичье гнездо», они не только воспитывают в детях любовь к природе, но и показывают образность казахского языка и традиции народа.

Так, через пословицы и поговорки передавалась подрастающему поколению масса разносторонних знаний, в том числе и экологического характера: о повадках зверей, о различных явлениях в неживой природе. Они воспитывали в детях доброту, трудолюбие, чувство ответственности, знакомили с правилами поведения в природе, передавали весь тот народный опыт, без которого было трудно выжить среди дикой природы; в них отражен весь спектр взаимосвязей между миром природы и миром человека. Самой важной особенностью традиционной культуры казахов является ее обращенность на связь человека и природы. Природа служила для человека неиссякаемым источником и гарантом жизни. Об этом свидетельствует множество поэтических произведений и фрагментов описания природы в прозаических произведениях казахской литературы (Сборник стихов «Красная книга» К.Мырзалиева и др.). Испокон веков народ бережно относился к водным источникам, считал величайшим злом их загрязнение («Когда арыки чисты — пашня воду пьет, когда засорены — яд пьет», «Не плый в колодец, из которого воду пил»).

Яркой особенностью восприятия природы тюрками следует считать объяснение природных явлений с позиции тенгрианства (Тенгри – небо-отец; Умай – мать-земля; люди – дети Тенгри и Умай). Так, у казахов до сих пор сохранились сочетания и слова «көк шөп», «көкөніс»: это приближение всего окружающего к Тенгри, имеющего синий цвет. «Казахи придерживались преимущественно шаманских религиозных верований, шаманизм у казахов синкретичен в своей основе. Большое место в нем занимает культ природы и поклонение животным. Вместе с тем шаманизм органически связан с верой в духов. Особенно сильно в нем выражен культ предков» [7]. В 18-20в.в. казахи природе воспринимали с позиции развития скотоводства как важного условия существования (не зря в этикетной формуле «Мал-жан аман ба?» на первом месте стоит живность), поэтому ценность природы имеет достаточно обоснованную материальную почву. Так, описывает осень и зиму Абай глазами бедного народа. Важнейшим средством приобщения подрастающего поколения к знаниям природо-ведческого характера являются жанры устного народного творчества казахов - пословицы и поговорки, в которых отражены народные приметы и знания сложных явлений окружающего мира. Например “Мәуелі ағаш майысқак. (Плодоносное дерево легко гнётся)”, “Жер — семіз, от — арық (Земля одаряет, огонь все пожирает)”, “Құр ағашқа

құс қонар (Мертвое дерево лишь для птиц пригоден)”. Казахский народ на основе этих знаний планировали свою сезонную работу так, чтобы не нанести урон окружающей среде. На основе данного воспитания современное казахстанское общество сильно обеспокоено вопросами экологии, вопросами сохранения нашей планеты.

Таким образом, устойчивые выражения и крылатые высказывания представляют определенный интерес для языковой картины мира, поскольку дает возможность познания главных лингвокультурных концептов и специфику мышления народов. Значительная часть паремий направлены к человеческой нравственности. Когнитивная направленность актуальных лингвистических исследований стимулирует исследование паремии языков как источника информации о менталитете народа и особенностях его культуры. В ходе исследования устойчивых выражений по вышеназванному семантическому полю нами были сделаны следующие выводы: Английский народ бережно относится к природе, сохранению природных богатств, он старается сохранить их для последующих поколений. Англичане в своих выражениях отражают, что человек глубоко связан с природой неразрывными узами, потому как сам является частью природы и окружающего мира. Они считают, что окружающая среда будет сохранена человечеством при условии осознания каждой личностью своего гражданского долга, ответственности за судьбу своего общего дома. Также нельзя не отметить и то, что англичане, помимо сохранения природы, много писали и о ее красоте.

Из вышеизложенного мы можем утверждать, что забота о природе и экологические проблемы являются одинаково значимыми для обоих народов, однако оно отражает основные стереотипы народного сознания, существующие стандарты и нормы поведения и идеалы, характерные для английской и казахской культур.

Исследование ценностей двух народов демонстрирует, что казахские и английские пословицы и поговорки являются значительным средством приобщения молодого поколения к бережному отношению к богатствам природы. Вдобавок они являются лаконичным средством экологического воспитания и является своеобразной системой знаний о природе и ее явлениях.

При сопоставительном анализе английских и казахских устойчивых выражений был использован метод интерпретации, который позволил нам выявить типизированные схемы умозаключений коллективного характера. При этом пословицы и поговорки являются коллективным феноменом. Когда человек использует пословицы и поговорки, то отражает субъективный образ объективного мира, но эти единицы уже преломлены через коллективные сведения о мире, в частности о природе, которые уже «пропущены» через язык и являются достойным народа и отражают его ценности [8; 9].

Использованная литература

1. Павиленис Р.И. Философия языка: проблема смысла // Вопросы философии. – 1976. - №3
2. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., 1976
3. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999
4. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. – М., 1983
5. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов // Славянское языкознание. – М., 1992
6. Бабаева Е.В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда: межвузов. сб. науч. тр. - Воронеж, 2002. -

Вып.2. - 25-35с.

7. Кожахметова К.Ж. Халықтық педагогиканы зерттеудің кейбір ғылыми және теориялық мәселелері / Алматы: Білім министрлігінің баспасы, 1993-17с.
8. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2009. - №1. - С.5-12
9. Болдырев Н.Н. Структурирование опыта и интегрирование смысла в высказывании // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы: сборник научных трудов. - М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина – 2013. - С.18-29

УДК 8

Лемов Аркадий Владимирович

*Доктор филологических наук, профессор,
«Национальный исследовательский «Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарёва», РФ, г. Саранск*

РОЛЬ МЕТОНИМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В АДАПТАЦИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Lemov Arkadii

*Doctor of Philology, professor of the Russian Language Department
National Research Mordovian State University named N.P.Ogarev, Russia, Saransk*

THE ROLE OF METONYMIC PROCESSES IN THE ADAPTATION OF LOAN WORDS

Аннотация

Статья посвящена проблеме изменения семантических характеристик заимствованных слов в процессе их функционирования в русском языке. Перспективы их существования в новой языковой системе зависят от адаптационной способности этих лексем и от востребованности подобных трансформаций в русском языке. В частности, анализируется семантическая структура лексем, претерпевших метонимический перенос значения. Метонимический перенос и его разновидность – синекдоха – рассматриваются как один из способов адаптации иноязычной лексики к лексической системе русского языка.

Abstract

The article is devoted to the problem of changing the semantic characteristics of loan words in the process of their functioning in the Russian language. The prospects for their existence in the new language system depend on the adaptive ability of these lexemes and on the demand for such transformations in the Russian language. In particular, the semantic structure of lexemes that undergo a metonymic transfer of meaning is analyzed. The metonymic transference and its variant - the synecdoche - are considered as one of the ways of adapting foreign vocabulary to the lexical system of the Russian language.

Ключевые слова: *заимствованное слово; адаптация заимствованного слова; семантическая адаптация; дополнительное значение; метонимия; синекдоха.*

Key words: *loan word; adaptation of loan word; semantic adaptation; additional meaning; metonymy; synecdoche.*

Перспективы существования иноязычных слов в новой языковой системе во многом зависят от адаптационной способности этих лексем. Под адаптацией (ассимиляцией) понимается усвоение, или освоение, заимствованной лексической единицы системой языка-реципиента.

Слово, как правило, заимствуется вместе со своим денотатом и соответствующим этому денотату лексическим значением. Однако в процессе функционирования лексемы ее значение может изменяться. Изменения происходят по общезыковым законам семантических переходов, при этом

исходное значение лексемы, характерное для ее прототипа в языке-источнике, довольно может забываться. В таком случае следует говорить о наличии *семантической адаптации*. В этом состоит один из продуктивных способов образования не только новых значений, но и новых слов, см. [2]. Безусловно, в данной ситуации также проявляется стремление к приспособлению, адаптации иносистемной лексики. Важным отличием семантической адаптации от остальных видов освоения заимствованных слов является то, что начало этого

усвоения тесно связано с моментом вхождения иноязычного материала в речь. Лингвисты считают, при семантической адаптации заимствованного слова происходит приспособление его семантической структуры к системе заимствующего языка, при котором «лексическое значение заимствованного слова формируется, уточняется, отшлифовывается по мере того, как слово включается в синтагматические и парадигматические связи со словами принимающего языка» [1, с. 14]. Одним из видов семантической адаптации является появление у иноязычных лексем вторичных значений на основе метонимических переносов.

Весьма частотным является перенос названия предмета на его свойство. В данном случае ключевая особенность предмета (запах, цвет и под.) становится основой для появления в русском языке новых значений. Так, слово амбре «благонив, приятный запах» восходит к французскому *ambré* «сорт духов, имеющих запах амбры» (этимологические характеристики слов приводятся по [4]). Лексема бордо переживает метонимию дважды. Сначала во французском языке название города *Bordeaux* дало обозначение производимому там вину, затем – уже на русской почве – произошел перенос с названия вина на его цвет – темно-красный (значение слов на русской почве приводятся по [3]).

Нередко встречается и обратный процесс – перенос со свойства на предмет. В данном случае определенный признак предмета не заимствует у него обозначение, а, напротив, дает ему название в языке-реципиенте. Например, слово ассорти «специально подобранная смесь чего-нибудь, набор» восходит к французской лексеме *assorti*, имеющей значение «хорошо подобранное». Лексема *гиря*, имеющая в русском языке значения «металлический груз определенного веса, служащий мерой при взвешивании, а также для упражнений в тяжелой атлетике» и «подвесной груз, регулирующий или приводящий в движение механизм», восходит к персидскому *girān* «тяжелый».

Кроме того, метонимизация в заимствованных словах происходит по другим моделям. Перенос с материала на изделие. Слово *бляха* имеет в русском языке значение «жесткая пластинка как опознавательный знак или как украшение (с выдавленным рисунком, надписью, номером)» и восходит к польскому *blacha* «жест». Др.-рус. алтынъ «монета в шесть денег, 3 копейки» восходит к татарскому ал-

тын «золото». Перенос с явления на документ, фиксирующий данное явление. Лексема *вексель* происходит от немецкого слова *Wechsel* со значением «обмен».

Одной из разновидностей метонимии является синекдоха. Образование вторичных значений по типу синекдохи также весьма характерно для заимствованных слов. Так, достаточно продуктивным процессом является перенос с целого на часть (акт, виноград, ворвань). Французское по происхождению слово *акт* (театральное действие) первоначально имело значение «пьеса».

Устаревшая лексема *ворвань* «вытопленный жир морских животных и некоторых рыб» восходит к шведскому слову *parval*, имеющему значение «кит».

Обратный процесс – перенос с части на целое – также встречается в заимствованных словах весьма часто. Так, например, один из ингредиентов может дать название всему блюду. Примером данного процесса становятся лексемы *баланда* и *винегрет*. Слово *баланда* «разг. Жидкая невкусная похлебка» происходит от литовского *balánda* «лебеда». Лексема *винегрет* восходит к французскому слову *vinaigrette* со значением «соус из уксуса, масла, соли».

Таким образом, классификация основных видов данных процессов в целом соответствует классификации подобных явлений, характерных для исконных слов. Основной причиной метонимизации значений заимствованных слов в языке-реципиенте следует признать необходимость обозначения предмета, связанного по принципу смежности с исходным денотатом, но не имеющего собственного наименования.

Список литературы:

1. Барышникова С. В. Словари иностранных слов XIX века и отражение в них семантической адаптации иноязычной лексики: автореф. дисс. ... к.ф.н. Южно-Сахалинск, 2010. 24 с.
2. Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 296 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А Темп, 2006. 944 с.
4. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1963–1982. Вып. 1–8.

УДК 8

Лемов Аркадий Владимирович
 доктор филологических наук, профессор,
 «Национальный исследовательский «Мордовский государственный
 университет им. Н.П.Огарёва», РФ, г. Саранск

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ЛЕКСИКИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Lemov Arkadii
 Doctor of Philology, professor of the Russian Language Department
 National Research Mordovian State University named N.P.Ogarev, Russia, Saransk

SEMANTIC METHOD OF LEGAL VOCABULARY FORMATION IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация

В статье рассматриваются процессы использования исконно русской лексики для становления юридической терминологии в древнерусской юриспруденции. Определяется роль метонимических процессов в создании основного корпуса правоведческих лексических единиц, указываются основные метонимические формулы перехода общенародных лексем в специальные единицы официальных юридических документов и текстов. Делается вывод о том, что использованию исконно русской лексики способствовала языковая ситуация, при которой западные иноязычные заимствования были чрезвычайно редки.

Abstract

The article considers the processes of using native Russian vocabulary for the formation of legal terminology in ancient Russian jurisprudence. The role of metonymic processes in the creation of the main body of legal lexical units is defined. The main metonymic formulas for the transition of national lexemes into special units of official legal documents and texts are specified. The author concludes that the use of native Russian vocabulary was facilitated by the language situation, in which Western foreign-language borrowings were extremely rare.

Ключевые слова: юридическая терминология; древнерусский язык; метонимическая формула, метонимическая модель; языковая ситуация.

Key words: legal terminology; the ancient language, the formula is metonymic, metonymical model; the language situation.

Становление терминологической лексики в правовой системе древнерусского государства прошло через длительный период терминологизации общенародной лексики, то есть использования её в качестве специальных лексических средств в разнообразных юридических актах и правовых действиях [См.: 1; 3; 4; 5]. Естественно, что такой способ словообразования строится прежде всего на метафоре. Однако гораздо продуктивнее метафорического переноса значений метонимический перевод слова из одной лексической системы в другую. Эта продуктивность подтверждается исследованием путей образования древнерусской юридической терминологии. Как показал анализ словника «Толкового словаря древнерусских юридических терминов» [2], содержащего более 500 слов и выражений, свыше 20 процентов из них (115 единиц) представляют собой переносы по основным метонимическим моделям. Рассмотрим пути метонимизации в различных тематических группах.

В группе названий записей и документов выделяется типичная метонимическая формула «материал или предмет изображение на этом предмете или материале»: *лист* – полисемическая цепочка: *лист растения* - метафора: *лист бумаги* метоним *письмо*; *грамота* синекдоха: сборник законода-

тельных постановлений; *доска* - деревянная плоскость письменный акт: договор, соглашение и подобное.

В группе названий уголовно наказуемых действий практически все примеры представляют собой перенос названия какого-либо действия или процесса на юридическую классификацию этого процесса. Здесь выделяется несколько глаголов с приставкой *пере-* с общим значением «что-либо переделать либо уничтожить». Во всех случаях противоправные действия связаны с уничтожением или переделкой знаков собственности какой-либо территории: *перекосить*, *переорати*, *перетесати*, *перетынити*.

В группе названий процессуальных действий и событий интересны процессуальные действия, которые характеризуются как «суд божий». Метонимическая модель «средство, выбранное судом» испытание этим средством» проявляется в таких случаях: *вода* – соответствующая жидкость» испытание водой (у южных славян *котел*) испытание кипятком); *железо* – металл» испытание раскаленным железом.

При обозначении названия наказаний выделяется метонимическая модель «преступление вид наказания»: *вина* – умысел преступления» штраф за

умысел преступления; *грабёж* – насильственное завладение чужим имуществом> вид наказания – отдача имущества на поток.

В семантическом поле названий сословий, должностей, званий, титулов наиболее общая метонимическая модель состоит в переносе названий каких-либо характеристических примет человека на обозначение его положения в социуме, обычно с сужением содержания нового понятия-названия: *дозорщик* – надзирающий вообще > обозначение разнообразных чиновников (следователь, чиновник пограничной стражи; дьяк – служитель вообще > должностное лицо в московских приказах; *сябр* – сосед > компаньон, товарищ по предприятию; *речник* – оратор > адвокат.

В группе названий, средств и форм оплаты, денег реализуется семантический переход по формуле «название животного, служащего эквивалентом при торговле/обмене товарами название денежной единицы»: *векша* – белка> средство оплаты, равное 1/125-ой гривны; *куна* – куница> 1/50-ая часть гривны> деньги вообще; *скот* – домашние животные> имущество вообще> деньги. Не удивительно при этом, что в древнерусском языке слово *скотница* приобрело значение «казна».

Таим образом, при отсутствии определенных условий для использования заимствованной лексики (незначительный объем контактирования языков в сфере действия общественных институтов) в случае необходимости расширения лексического

состава, обеспечивающего функционирование государственных служб, язык находит собственные ресурсы и средства пополнения официальной лексики. Одним из таких средств и являются метонимические переносы значения.

Список литературы:

1. Георгиевский Э.В. К вопросу об этимологии некоторых терминов древнерусского уголовного права // Юридическая лексика русского языка 11 – 17 веков. Вып. 2. - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. С. 30 – 42.
2. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. - М.: Спарк, 2001. 119 с.
3. Носов И. С. лексические средства реализации значения «убить» в древнерусском языке // Юридическая лексика русского языка 11 – 17 веков. Вып. 2. - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. С. 42 – 52.
4. Попова Л. В. Юридический термин “уложение” в истории русского законодательства // Юридическая лексика русского языка 11 – 17 веков. Вып. 2. - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. С. 53 – 60.
5. Чащина Е. А. К вопросу о судебном иммунитете и его отражении в памятниках русской деловой письменности 15 – 17 веков // Юридическая лексика русского языка 11 – 17 веков. Вып. 2. - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. С. 61 – 73.

УДК 81

Лемов Аркадий Владимирович
доктор филологических наук, профессор,
«Национальный исследовательский «Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва», РФ, г. Саранск

ОБ ОДНОМ ТИПЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЗНАКОВОЙ СИТУАЦИИ

Lemov Arkadii
Doctor of Philology, professor of the Russian Language Department
National Research Mordovian State University named N. P. Ogarev, Russia, Saransk

ABOUT ONE TYPE OF TERMINOLOGICAL SIGN SITUATION

Аннотация

В докладе рассматривается вопрос об этапах становления и фиксации лингвистических терминов. Утверждается, что знаковая ситуация, проходит в своем развитии три этапа: обнаружение ранее неизвестного денотата, раскрытие его понятийных характеристик и создание вербального обозначения для денотата и понятия – экспонента термина. Каждый такой этап – это точка на пути от незнания к знанию. Анализируются примеры развития знаковой ситуации подобного типа.

Abstract

The report examines the stages of formation and fixation of linguistic terms. It is stated that the sign situation goes through three stages in its development: the discovery of a previously unknown denotation, the disclosure of its conceptual characteristics, and the creation of a verbal designation for the denotation and the concept - exponent of the term. Each such stage is a point on the path from ignorance to knowledge. Examples of the development of a sign situation of this type are analyzed.

Ключевые слова: языкознание; лингвистический термин; знаковая ситуация; экспонент; денотат; понятие.

Key words: linguistics; linguistic term; sign situation; exponent; denotation; concept.

Терминологическая знаковая ситуация предполагает объективное наличие денотата, актуального для данного объекта и предмета исследования, и в явном или потенциальном виде понятия об этом денотате и связывающего их экспонента – материальной сущности знака. Таким образом, знаковая ситуация, или семиозис, как бы проходит в своем развитии три этапа, завершаясь объективацией всех трех компонентов термина (экспонент, денотат, понятие). В этом случае мы говорим о собственно функционировании термина. С этого момента, следовательно, термин получает и лексическое значение. Предшествует завершающему этапу потенциальное функционирование термина, когда знаковая ситуация характеризуется обнаружением денотата и формированием определенного понятия о нем. Но еще не предложен экспонент. В свою очередь потенциальному функционированию термина предшествует начальный этап, который проходят все нуждающиеся в осознании единицы научного описания, когда денотат существует, но не обнаружен и не познан. Знаковая ситуация при этом требует своей реализации. Термин находится] в предэвристическом состоянии.

Все, что мы знаем о языке и языкознании, и все, что предстоит узнать, проходит через этап предэвристического состояния. Это точка на пути от незнания к знанию. Процесс перехода от предэвристического состояния к эвристическому в науке непрерывен. Все так называемые вечные истины когда-то необходимо было установить. Многие, как теперь кажется, лежащие на поверхности явления далеко не всегда были таковыми. Как известно, даже колесо необходимо было изобрести.

Таковыми лингвистическими «колесами» можно считать, например, выделение древними учеными частей речи. Платон обнаруживает лишь две части речи (имя и глагол); индийцы – четыре (имя, глагол, предлог и частицы); стоики – пять (имя собственное, имя нарицательное, число, союз, член); Дионисий – уже восемь. Но римские грамматисты не причисляют к частям речи член (артикл), а греческие – междометие. Споры ведутся о частеречной принадлежности того, что называют числительными, местоимениями, причастиями, деепричастиями, категорией состояния. Единицы и категории языка стали получать освещение в первых восточнославянских грамматических трудах: «Словенска грамматика» (Вильно, 1586), «Адельфотис» (1591), «Грамматика Словенская... Л. Зизания (1596), «Грамматика славянская... М. Смотрицкого (1619). Подражание греческим и латинским грамматистам, стремление следовать только тем категориям, которые были свойственны классическим языкам, затрудняло на первых порах подлинно научное описание русского языка. Поэтому в указанных работах отсутствуют многие научные понятия и, следовательно, термины, которые со временем находили себе место. Так до М. Смотрицкого не было ни понятия, ни термина местный (предложный) падеж. М. Смотрицкий обнаружил его и назвал сказательным. Современный термин при-

надлежит М. В. Ломоносову. До Л. Зизания отсутствовало представление о творительном падеже. Смотрицкий также обнаружил и обозначил термин новую категорию, которой не было в старославянском языке, но которая характерна для современного русского, а также для других восточнославянских языков – деепричастие. В «Адельфотисе» выделены отглагольные имена. М. Ломоносов добавляет термин отыменные глаголы. Он же обнаружил глаголы правильные, неправильные, полные, неполные, избыточные, постоянные; залого взаимные и возвратные.

А. Х. Востоков ввел в грамматику понятие о вспомогательном глаголе. Ф. И. Буслаева указал на различие между глаголами, требующими после себя прямого дополнения и не требующими его, и обозначил терминами переходящие и непереходящие. А.М. Пешковский увидел различие между сильным и слабым управлением. Л. В. Щерба подметил такие особые качества группы слов в русском языке, которые дали возможность выделить эти слова в отдельную часть речи – категорию состояния.

Конец 19 века ознаменовался великим открытием, изменившим и определившим наши представления о системе и механизме функционирования языка. Открытие И. А. Бодуэном де Куртенэ абстрактной единицы языка, реализующей в конкретном звучании, привело не только к созданию термина фонема, но и к появлению всего ряда эмических терминов вслед за осознанием соответствующих понятий. Часть таких названий принадлежит самому Бодуэну де Куртенэ: морфема, кинема, кинакема, графема и др. Затем по аналогии появились: лексема, семема, силлабема, тагмема, глоссема, фразема, синтагмема, синтаксема и под. Родовой термин для всех подобных случаев предложил Л. Ельмслев: таксема (лингвистическая единица, полностью независимая от своих материально-субстантных реализаций и представляющая собой точку пересечения сети функций).

Развитие языкознания 20 и 21 веков предполагало открытие новых аспектов изучения ее предмета: структурная лингвистика и её классические школы, диалектология, семасиология [4, с. 11]. Из методик обучения языкам выделился раздел науки, «вообще до сих пор остававшийся незамеченным и не нашедший отражения ни в одной из многообразных и разнообразных старых и новых лингвистик» [1, с. 45]. Речь идет о «лингвистике» терминологическое обозначение которой пока не получило единого экспонента, но предэвристический порог семиозиса уже можно считать преодоленным: прагматическая лингвистика, прагмалингвистика, лингвистическая прагматика, дидактолингвистика, лингводидактика.

Обнаружение влияния экономического положения в обществе на состояние и развитие языка позволяет некоторым лингвистам вычлени в рамках социолингвистики отдельный предмет исследования: эконолингвистику [5]. На пересечении интересов культуры речи и социолингвистики возникло

еще одно направление в языкознании: лингвистическая экология, или эколингвистика, задачами которой стала забота о чистоте речевой среды обитания человека и всего народа, обнаружение факторов, загрязняющих канал общения, препятствующих пониманию между людьми, устранение помех, затрудняющих общение [6].

Большие перспективы открывает перед исследователями различных языков мира корпусная лингвистика, которая оперирует с помощью машинных баз данных огромными корпусами текстов [2].

Безусловно, открытию новых аспектов объекта изучения нет предела, но не всем из этих аспектов суждено стать во главе методологически новых путей науки, обеспечивающих пути её развития на много лет, то есть ставших действительно направлениями. Возможно, в настоящее время проходит этап становления когнитивная лингвистика. Она возникла на основе признания того факта, что процесс освоения мира и деятельность человека невозможны без участия языка [3]. Осознание этого и

привело предэвристическое состояние знаковой ситуации в эвристическую (функциональную) с появлением экспонента термина, репрезентирующего данную ситуацию.

Список литературы:

1. Ахманова О. С., Магидова И. М. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика // ВЯ. 1878. № 3. С 44 – 47.
2. Захаров В. П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика. - СПб: СПбУ. 2013. -148 с.
3. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ. 1994. № 4. С. 34 – 39.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. - М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
5. Потапов В. В. К современному состоянию проблемы вымирающих языков в некоторых регионах мира // ВЯ. 1997. № 5. С. 3-8.
6. Сковородников А. П. Лингвистическая экология: проблемы становления // ФН. 1996. № 2. С. 42 – 46.

УДК 811.111

Лучникова Алёна Вячеславовна

*Старший преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Пермь*

МЕТОДЫ И ПРИЁМЫ ПРОДУКТИВНОГО И РЕПРОДУКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Luchnikova A.V.

*Senior Lecturer, English for Professional Purposes Department
Perm State University*

METHODS AND TECHNIQUES OF PRODUCTIVE AND REPRODUCTIVE TEACHING THE ENGLISH LANGUAGE TO NON-LINGUISTIC STUDENTS

В статье рассматривается необходимость применения репродуктивных и продуктивных методов в обучении иностранному языку. Автор затрагивает классификацию методов обучения, основанную на типе познавательной деятельности обучающегося, подчёркивая особую значимость репродуктивного и продуктивного методов в обучении. Отдельное внимание в работе отводится необходимости сочетать указанных методов с постепенным превалированием последнего. Кроме того, в работе приводятся примеры каждого метода и возможности их внедрения.

The article is devoted to the importance to use productive and reproductive techniques when teaching English. The author gives the classification of methods of teaching on the basis of the cognitive activity type of a student. Particular attention is paid to reproductive and productive methods. The author stresses the importance to combine both methods when teaching English for non-linguists. Besides, the examples of the methods and the ways to use them at a lesson are given in the article.

Ключевые слова: методика преподавания, английский язык, продуктивный метод, репродуктивный метод, коммуникативная компетенция, продуктивно-деятельностная компетентность.

Key words: teaching techniques, the English language, productive method, reproductive method, communication competence, productive-activity competence.

Иностранный язык (ИЯ) играет значительную роль в жизни человека из современного общества. Это не подвергается сомнению, так как: во-первых, изучение иностранного языка напрямую связано с развитием культурного уровня, совершенствованием человека как личности; во-вторых, владение

иностранном языком – это один из ключевых компонентов успешной профессиональной деятельности современного, конкурентоспособного, востребованного на рынке труда специалиста для эффективного решения профессиональных задач в условиях динамично меняющихся требований к профессиональной деятельности.

Вместе с тем, опыт преподавателей иностранных языков свидетельствует о том, что дисциплина «Иностранный язык» воспринимается многими студентами лингвистических специальностей как общеобразовательный предмет, который лишен связи с будущей профессиональной деятельностью. Столь неоднозначное и слабо мотивированное отношение к предмету обусловлено и тем фактом, что уровень владения иностранным языком у средне-статистического абитуриента неязыковой специальности, согласно Общеввропейской компетенции владения иностранным языком (CEFR) соответствует уровню A1, максимум A2 [Общеввропейские компетенции владения иностранным языком].

Цель работы - актуализировать необходимость применения методов и приёмов репродуктивного и продуктивного обучения на занятиях иностранного языка у студентов неязыковых специальностей с последовательным формированием у обучающихся продуктивно-деятельностной компетенции в области ИЯ.

Кроме того, актуальность данного исследования обусловлена превалированием коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку, формирование которой предполагает, в том числе, и языковое речетворчество, которое невозможно без применения продуктивного метода обучения.

По характеру познавательной деятельности методы и приёмы обучения классифицируются на продуктивные и репродуктивные. Под репродуктивными методами понимается способ организации деятельности учащихся по неоднократному воспроизведению сообщённых им знаний и показанных способов действий, иными словами восприятие фактов и явлений с последующим их осмыслением, т.е. от понимания и осмысления их применению [Бим-Бад, 2008, с. 239]. Продуктивный метод, в отличие от репродуктивного, содержит ряд новых элементов. Это активный [Торгун, 2007, с.14], проблемно-деятельностный метод овладения ИЯ. При репродуктивном обучении иностранному языку студент либо просто воспроизводит когда-либо заученные образцы и формы, либо конструирует новые по аналогии, но это конструирование по аналогии не носит творческого, самостоятельного характера. Более того, данная языкотворческая самостоятельность не предусмотрена на уровне A1, A2, которым, как уже было отмечено выше, владеет подавляющее большинство абитуриентов и бакалавров неязыковых специальностей. Тем не менее, задача любого образовательного процесса заключается в эволюции, в развитии, в способности выйти на качественно новый этап развития компетенции, что предполагает, на наш взгляд, не только репродуктивное, но и постепенный переход к продуктивному владению иностранным языком, которое уже предусмотрено следующими уровнями европейской компетенции владения иностранным языком B1 и B2.

Более того, на наш взгляд, совместное применение продуктивного и репродуктивного подходов в обучении ИЯ на сегодняшний день представляет

собой целостную методологическую основу обновления, как технологических, так и методических аспектов содержания обучения иностранному языку в высшей школе. При этом компетентностная идея продуктивного подхода ориентирует главные цели и содержание учебно-воспитательного процесса в вузе.

Способность студента к самостоятельному управлению учебно-познавательным процессом изучения ИЯ, являющаяся его иноязычной продуктивно-деятельностной компетентностью, включает следующие основные опции:

- целеполагание (студент может самостоятельно поставить цель, выбрать средства, принять решение, спрогнозировать результат и т.д.);

- выполнение (это технический компонент, относящийся к выбору методов и адаптации их к ситуации и т.д.);

- самооценку (студент сам оценивает свой иноязычный образовательный продукт).

То есть, говоря о овладении ИЯ, иноязычная продуктивно-деятельностная компетентность должна быть определена как способность студента самостоятельно поставить соответствующую учебную задачу, оценить и сопоставить её с собственными потребностями и личными интересами в сфере изучения ИЯ, выбрать необходимые лингводидактические средства для её решения, сориентировать будущий учебный результат с решением учебной задачи, наметить выбор стратегий и приёмов изучения ИЯ адекватных учебной задаче в соответствии со своим личным стилем обучения; контролировать результат решения учебной задачи (то есть адекватно оценивать объекты контроля и учиться приемам и формам самоконтроля); анализировать пути решения данной учебной задачи, имея в виду эффективности применяемых стратегий и приёмов продуктивной иноязычной образовательной деятельности; быть способным проводить коррекцию результата решения учебной задачи, прогнозировать следующую подобную учебную деятельность и самостоятельно поддерживать достигнутый уровень владения ИЯ и свой личностный учебно-познавательный опыт.

Формирование необходимых компетенций, стратегий и приёмов овладения ИЯ обеспечивается реализацией продуктивной иноязычной образовательной деятельностью студента, что в целом означает то, что он уже сам способен один оценивать решение учебной задачи с точки зрения продуктивности использования ИЯ, а также в одиночку реально осознавать свой уровень владения ИЯ и оценивать личный учебный опыт. Очень важно, что в процессе самоуправления продуктивной иноязычной образовательной деятельностью человек выступает для себя и как объект, и как субъект управления.

Последовательность и логика формирования иноязычной продуктивно-деятельностной компетентности обучаемого напрямую связаны с процессом становления его личности. Значит, иноязычная продуктивно-деятельностная компетентность мо-

жет определяться как собственно показатель степени создания личностного опыта овладения иноязычными знаниями самостоятельно, а также чужой культурой и умениями этой продуктивной иноязычной образовательной деятельности, что подразумевает основные компетенции, стратегии и умения овладения ИЯ. То есть, обучаемый приобретает конкретные умения создания персонального иноязычного речевого продукта, умения межкультурного взаимодействия, приобретая своё иноязычный речевой опыт, что, в свою очередь, является необходимой составляющей, обеспечивающей условия формирования иноязычной коммуникативной компетенции [Рубцова, 2016, с. 46].

В качестве методов, помогающих создать благоприятные условия для самостоятельной работы по овладению иностранным языком, педагогами называются следующие:

1. Осознание необходимости овладения иностранным языком как реального и активного процесса получения знаний.
2. Создание в ходе такого процесса условий, которые ставят человека перед необходимостью самостоятельно выбирать что и как сказать.
3. Выделение учащемуся в определённый момент его учебного процесса того времени, которое ему для этого необходимо.
4. Использование приёмов педагогики сотрудничества как активной платформы деятельности.

Содержание лингвокоммуникативной составляющей самостоятельной компетенции в принципе может быть достаточно традиционным: а) языковой и речевой материал учебной программы, осваиваемый самостоятельно; б) письменные материалы учебного характера, на основе которых организуется самостоятельная деятельность студентов; в) аутентичные тексты по их специальности (деловые письма, контракты, газетные и журнальные научные статьи); г) аудиоматериал для самостоятельного прослушивания; д) видеоматериалы с набором заданий для самообразования; е) компьютерные программы, рассчитанные на самостоятельное программированное обучение.

Касаемо вопроса методических техник формирования самостоятельной компетенции система может выглядеть следующим набором обучающих действий:

- а) приобретение умения словарной работы, активного использования справочной литературой;
- б) рационализация выполнения домашних заданий;
- в) «индивидуальное» чтение с самостоятельными заданиями;
- г) анализ и работу с журнально-газетным материалом;
- д) овладение технологиями использования аудио- и видеоматериалов;
- е) приобретение системы перспективных заданий с отсроченным контролем:
 - система проектирования (курсовых, выпускных и т.п.);
 - подготовка и организация и участие в ролевых, деловых играх;

- личная переписка в режиме SS-T;
- конкурс сценариев для олимпиад, фестивалей, конкурсов;
- создание клипов, рекламы, видеофрагментов;
- активные контакты с носителями языка на основе совместных творческих проектов;
- факультативная работа в форме клубов, круглых столов;

Полностью обеспечить все требования в учебном процессе по иностранному языку и в самостоятельной работе учащегося может, как справедливо полагают ведущие методисты, использование лично ориентированных технологий продуктивного обучения, которые реально создают условия для самостоятельного управления учебно-познавательным процессом со стороны студента и реализации его креативных способностей.

Отдельное внимание, по нашему мнению, следует уделить использованию продуктивного метода в обучении говорению на ИЯ студентов неязыковых специальностей. Такое смещение акцента в процессе обучения позволит увеличить мотивацию к освоению ИЯ и будет способствовать реализации бакалавра в его будущей профессиональной деятельности. Говорение, будучи продуктивным видом речевой деятельности, посредством которого (вместе с аудированием) осуществляется устное общение, лежит в основе коммуникативного подхода в обучении.

Речевые упражнения по формированию компетенции в области говорения можно поделить на следующие виды:

1. Задания репродуктивного типа, где используются формальные опоры (примерный вид таких заданий – составление текста с помощью набора логически связанных предложений; письменное предсказание содержания текста с опорой на заголовок и план).

2. Задания репродуктивного типа на смысл текста с опорой на текст (виды заданий – письменные вопросы к тексту; составление плана; добавление к тексту информации или компрессия его, переработка диалога в монолог и др.).

3. Задания продуктивного типа с опорой на рисунок (предполагаемые упражнения – письменное описание картины, видео; написание изложения или сочинения с опорой на изображение.).

4. Задания продуктивного типа с опорой на речевой и жизненный опыт (возможные примеры – составление текста личного и делового письма, сочинения на заданную тему, написание эссе, рецензий, аннотаций и др.).

Понятно, что репродуктивные и продуктивные упражнения идут в строгой последовательности друг за другом во времени. Естественно, что в одном и том же учебнике задействованы оба вида упражнений – как репродуктивного, так и продуктивного характера. На начальной ступени обучения иностранному языку больший интерес представляют собой репродуктивные упражнения, а затем этот вид заданий постепенно уступает место продуктивным. Репродуктивные упражнения являются

значимым этапом в усвоении материала: в нем обязательно сочетаются формальные упражнения, ориентированные на создание стереотипов формы, с условно-речевыми, приближающими обучаемых к выражению собственных мыслей в связи с поставленными задачами общения.

Можно в результате сказать, что иноязычная продуктивно-деятельностная компетентность является собой умение самостоятельного управления собственной учебно-познавательной деятельностью в области овладения ИЯ. Осознанное, а значит, и продуктивное изучение ИЯ обеспечивает его активное усвоение, формирование способности к учебной самостоятельности, креативности и дает возможность формировать готовность студента к непрерывному иноязычному образованию в течение его жизни. Именно на этом основании следует рассматривать иноязычную продуктивно-деятельностную компетентность как конкретную цель в области обучения ИЯ в вузе. Продуктивная самостоятельная учебная деятельность наших студентов является основой образовательного процесса на наших занятиях. Мы, преподаватели, рассматриваем её одновременно как цель и как средство продуктивного развивающего языкового образования. Самостоятельная продуктивная учебная деятельность обеспечивает полную реализацию личностного творческого потенциала студентов, накопленные ими эффективного индивидуального опыта освоения и использования иностранного языка и

условия для их самоопределения, самореализации и развития в языковой и образовательной среде.

Список литературы

1. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; Перевод выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. — М.: Изд-во МГЛУ, 2003.
2. Б. М. Бим-Бад Педагогический энциклопедический словарь. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. – 528 с.
3. Рубцова А.В. Компетентностная составляющая продуктивного подхода к обучению иностранному языку в высшей школе. // III Международная научно-практическая конференция «Вопросы современной педагогики и психологии: свежий взгляд и новые решения» (г. Екатеринбург). Вопросы современной педагогики и психологии: свежий взгляд и новые решения. / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г. Екатеринбург. – 2016. – С. 46-48.
4. Торгун С.Н. Методы продуктивного обучения. – Среднее профессиональное образование. – 2007. – № 12. – С. 14-15.

Содикова Т.А.

*Старший преподаватель кафедры иностранных языков
Политехнического института Таджикского Технического
Университета имени М.С.Осими в г. Худжанде*

МЕТОДЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КАЧЕСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ ПИСЬМА И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

Sodikova T.A.

*Senior Lecturer, Department of Foreign Languages
Polytechnic Institute of Tajik Technical
University named after M.S. Osimi in Khujand*

METHODS INFLUENCING THE QUALITY OF FORMATION OF LETTERS AND LETTERS OF SPEECH IN ENGLISH LANGUAGE LESSONS IN NON-LANGUAGE HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Аннотация

Статья рассказывает о методах и упражнениях по обучению письму и письменной речи на уроках английского языка и практического опыта обучения.

Обучая студентов иностранному языку, мы, преподаватели стараемся познакомить их со структурой изучаемого иностранного языка, а это способствует развитию мышления студентов выражать мысли на этом языке как в устной, так и в письменной формах. За последние годы большое внимание уделяется на развитие навыков устной речи и умения читать. Но для подготовки грамотного специалиста необходимо также научить студентов письменной речи.

Abstract

The article describes methods and exercises for teaching writing and writing in English lessons and practical learning experience.

When teaching students a foreign language, we, the teachers, try to acquaint them with the structure of the foreign language being studied, and this contributes to the development of students' thinking to Express thoughts in this language both orally and in writing. In recent years, much attention has been paid to the development of oral speech and reading skills. But to train a competent specialist, it is also necessary to teach students writing.

Ключевые слова: метод, каллиграфия, орфография, письмо, письменная речь, качество, нестандартные диктанты

Key words: method, calligraphy, orthography, writing, quality, non-standard dictations

Обучая студентов иностранному языку, мы, преподаватели стараемся познакомить их со структурой изучаемого иностранного языка, а это способствует развитию мышления студентов выражать мысли на этом языке как в устной, так и в письменной формах. За последние годы большое внимание уделяется на развитие навыков устной речи и умения читать. Но для подготовки грамотного специалиста необходимо также научить студентов письменной речи. В условиях перехода государства Таджикистан на новый этап социально – экономического развития, в период быстро развивающегося научно – технического прогресса, овладение иностранными языками, как средством информационного обмена между странами и народами становится наиболее актуальным и это не раз подчеркивалось в положениях Закона Государства Таджикистан «Об образовании» – 1993 г, и в постановлении Правительства Таджикистан «Об утверждении Государственной программы совершенствования и улучшения качества преподавания и изучения русского и английского языков на 2003-2013 годы».

В условиях ограниченного количества часов, отведенных на изучение английского языка в техническом ВУЗЕ возникает необходимость выбора оптимальных форм и методов, которые помогают студентам правильно воспринимать учебный материал. Так как в нашем институте занятия проводятся по циклам, большое значение в этом случае имеет логическая последовательность прохождения тем по фонетике, грамматике, чтению, письму.

Чтение и письмо тесно взаимосвязаны между собой

Мильруд Р. подчеркивает, что при обучении письменной речи необходимо объяснить, что письмо - это вид речевой деятельности и является сложным процессом, потому что через письмо излагаются и передаются мысли, которые фиксируются в виде графических знаков, орфографической системы изучаемого языка, а под письменной речью понимается умение излагать мысли в письменной форме. Письмо как запись - это навыки! [1, 89]

Письменная речь - это умение логически правильно излагать свои мысли на английском языке. Письменная речь является средством для усвоения приобретаемых знаний и навыков устной речи, и чтения. Чтобы у студентов 1 курса качественно и правильно формировались навыки письма на уроках английского языка мы стараемся обратить внимание на каллиграфию письма, так как у нас цикловые занятия, мы можем предоставить такую возможность им.

Используем:

а) каллиграфические упражнения: (красивое письмо, красиво написать).

Спишите текст на английском языке, обращая внимание на правильность написания букв. Напишите буквосочетания и переведите на родной язык.

Напишите новые слова с транскрипцией. Допишите предложения. Ответьте письменно на вопросы.

б) графические: (перекодирование звукового кода в графический, овладение звуко - буквенными соответствиями). Главное внимание при обучении технике письма должно уделяться четкости, нормативности.

в) орфографические упражнения: Правильно напишите слова! Так как бывают разные значения слов, но произношение одинаковое, например:

see [si:] видеть, sea [si:] море
deer [diə] олень, dear [diə] дорогая
here [hiə] здесь, hear [diə] слышать

Наиболее успешным методом обучения письменной речи на уроках английского языка являются диктанты. Именно диктанты сильно влияют на качество письменной речи. С помощью диктантов мы проверяем и контролируем грамотность студентов. Диктанты учат студентов воспринимать слово, текст на слух. Диктанты формируют орфографические навыки, навыки письма и слушания, пополняют словарный запас студентов, улучшают знания грамматики [2, 227].

Диктант – это самая простая форма обучения и контроля. Он предполагает чтение текста вслух преподавателем, а студенты должны записать прочитанный текст дословно, затем студентам дается время на проверку текста и исправление ошибок [3, 88]. Этот метод простой, обычный и мы старались проводить диктанты, как на занятиях по английскому языку, так и на уроках кружка по английскому языку, стараясь достигнуть поставленную цель: научить качественно письменной стороне речи студентов. Старались применять разные виды диктантов (словарные и текстовые). Эти диктанты улучшили правописания, способствовали развитию навыков языковой догадки, студенты лучше стали усваивать грамматических правила, научились слушать, увеличился лексического запас студентов, а самое главное повысился интерес к обучению [4, 216].

Для диктантов, учителями нашей кафедры, были подобраны тексты в соответствии учебной программе. Диктанты провели в группах с разным уровнем владения английским языком.

С целью развития лексических и грамматических навыков:

1) Диктант (текст с пропусками). Студенты вписывает слова в пропуски, используя лексику и грамматику урока.

2) Диктанты грамматические, т.е. студенты пишут диктант, связанный с грамматической темой урока. (Present Simple, Present Continuous, Past Simple, Past Perfect ...)

3) Образование множественного числа имен существительных, образование степеней сравнения имен прилагательных или образования порядковых числительных от количественных. Диктуем слово в

единственном числе, а студенты пишут во множественном, пишут числительные под диктовку [5, 11].

4) Диктант на исправление ошибок. Цель диктанта заключается в закреплении грамматических навыков. Текст диктанта **дается с ошибками** на какую-либо определенную изученную тему или несколько тем сразу. Студенты же, прослушав предложение один раз, должны услышать ошибку и записать предложение с исправлениями:

Our country is Tajikistan. It situated in the Central Asia. Its population are about 9-million people. The capital is of Tajikistan Dushanbe. Tajikistan a mountains country. Tajikistan haven't got gold, silver, building materials. There are many plant and forest in Tajikistan. The climates of Tajikistan is hot in winter. (the text with mistakes!)

Опираясь на методику обучения диктантов на своих занятиях, мы успешно используем первые четыре вида нестандартных диктантов.

7) Полудиктанты, когда диктуем группе начало предложения, а студенты должны самостоятельно придумать окончание предложения. Этот вид диктанта на закрепление грамматики, повторение лексического материала.

8) Dictation – translation. Диктуем предложения на русском языке, студенты же записывают их на иностранном.

9) Диктант – описать картину. Преподаватель заранее готовит картину.

10) Диктант «вперемешку» нацелен на развитие навыков диалогической и монологической речи студентов.

Выводы. Студенты лучше усвоили грамматический и лексический материал. Студенты тренировали устную и письменную речь и повысили лексические и грамматические навыки, появилась заинтересованность студентов в изучении иностранного языка. Диктанты приучают студентов писать услышанное и являются формой контроля правильности написанного, проверки грамматических навыков, это хороший способ повышения навыков лексики и

грамматики, они учат применять грамматические правила на практике, и студенты допускают меньше ошибок в устной и письменной речи. Диктанты — это надежным методом ведения урока только на иностранном языке, развивают монологическую, устную и письменную речь. Диктанты являются наиболее эффективным средством контроля знаний студентов и нужным, важным методом, влияющий на качество обучения письменной речи.

Список литературы

1. Каплич Л.В. Начало обучения преподавания письменной речи в лингвистическом вузе: Дис. канд. пед. наук. М., 1996. - 235 с.

2. Максудов У.О. Аудирование - один из важных элементов в процессе обучения английскому языку. Вестник Таджикского национального университета. 2019. № 5-1. С. 226-231.

3. Максудов У.О. Несколько слов относительно английских аббревиатур (на тадж. яз.). Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. №4. С. 87-92.

4. Максудов У.О. Современные методы и приемы обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов. Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 47. С. 215-219.

5. Медведева Т.В. Обучение письменной речи на иностранном языке: Дис. канд. пед. наук. -М., 1965. -189 с.

6. Мильруд Р. Методика обучения иностранной письменной речи.

7. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иностранному общению. М.: Русск. яз., 1989. - 276 с.

8. Пассов Е. Основы методики обучения иностранным языкам. М., 1977.

9. Щербакова И.В., Волченков Е.А. К вопросу о роли диктантов в обучении иностранному языку в неязыковом ВУЗе // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 3.

УДК 811.111'25

*Скидан О.Г.,
Гущина Д.А.*

Севастопольский государственный университет
[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11664](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11664)

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ

*Skidan O.G.,
Gushchina D.A.*
Sevastopol State University

THE ENGLISH LEGAL TEXT: THE PROBLEM OF TRANSLATABILITY

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме переводимости англоязычных юридических текстов. Описаны основные способы перевода безэквивалентных элементов на русский язык. Примеры переводческих решений приводятся на материале Уголовного кодекса штата Техас и судебных решений Международного уголовного суда.

Abstract

The article is devoted to the translatability problem of the English legal texts. The main difficulties of interpretation of non-equivalent lexis and possible ways of their transfer from English into Russian are described. The fragments with non-equivalent elements from such legal documents as the Texas Penal Code and decisions of the International Criminal Court, as well as interpreter's solutions are represented.

Ключевые слова: проблема переводимости, безэквивалентная лексика, юридический текст, интерпретация, перевод, приемы передачи, контекст.

Key words: translatability problem, non-equivalent lexis, legal text, interpretation, translation, ways of transfer, context.

Юридические тексты, как представители официально-делового стиля, играют большую роль в современном обществе и являются важным элементом его правовой и языковой культуры. Юридические тексты отличаются жанровым разнообразием и характерными языковыми особенностями.

В связи с изменениями, происходящими в современном мире в области экономических, политических и культурных международных отношений, феномен юридического перевода вызывает все больший интерес. В последнее время как в нашей стране, так и за рубежом появилось большое количество исследований различных аспектов юридических текстов, посвященных изучению языка права (Р.Н. Комарова, Г.С. Бояринцева и др.), стилистических характеристик правовых текстов (О.А. Прохорова, М.П. Брандес и др.), а также их видов (Т.Ю. Виноградов, О.В. Гребнева и др.).

Целью статьи является анализ способов перевода безэквивалентных лексических единиц англоязычных юридических текстов на русский язык. Материалом для сопоставительно-переводческого анализа послужили англоязычные тексты Уголовного кодекса штата Техас и судебных решений Международного уголовного суда, а также их переводы на русский язык.

Основную трудность для перевода представляют специально-юридические термины, адекватная интерпретация которых потребует специальных знаний в области права. Перевод терминов данного типа напрямую будет зависеть от того, существуют ли их эквиваленты в языке перевода или нет.

Одним из основных приемов перевода юридических терминов является транскрибирование с элементами транслитерации: *solicitor* – солиситор, *misdemeanor* – мисдиминор. Не менее распространен способ передачи с помощью калькирования и описательный перевод.

Одним из приемов перевода безэквивалентной юридической лексики является добавление. Добавление может быть формального характера, когда добавленное слово не несет смысловой нагрузки и способствует только грамотному изложению информации, а также содержательного характера, когда добавленное слово видоизменяет структуру и лексически расширяет основные значения. Например:

The Chamber also observes that the forces involved, time, location and context of the crimes indicate that the requisite nexus with the armed conflict exists [4, с. 14].

Палата также отмечает, что информация об участвовавших силах, времени, месте и контексте преступлений указывает на наличие необходимой связи с вооруженным конфликтом [1, с. 16].

Опущение используется при наличии в тексте оригинала синонимов.

Sec. 12.31. CAPITAL FELONY. (a) An individual ... shall be punished by imprisonment in the Texas Department of Criminal Justice for life without parole or by death [6, с. 41].

Статья 12.31. Фелония, караемая смертной казнью. (a) Индивидуум ... наказывается пожизненным лишением свободы, отбываемым в институциональном учреждении, или смертной казнью [3, с. 120].

Опущение в переводе на русский язык словосочетания *without parole*, означающего «без права на условно-досрочное освобождение», позволяет избежать избыточности в речи. Это обосновано тем, что применение данного основания освобождения от наказания рассматривается теоретиками и практиками как исключение из общего правила. И в российской судебной практике еще не было случаев освобождения пожизненно заключенных по УДО.

Компенсация объединяет в себе приемы добавления и опущения. Слово исходного языка заменяется эквивалентным ему словом языка перевода, либо опускается, а необходимые элементы значения восполняются другими средствами переводного языка. К примеру:

Sec. 12.32. FIRST DEGREE FELONY PUNISHMENT. (a) An individual adjudged guilty of a felony of the first degree shall be punished by imprisonment in the Texas Department of Criminal Justice for life or for any term of not more than 99 years or less than 5 years [6, с. 42].

Статья 12.32. Наказание за совершение фелонии первой степени. (a) Индивидуум, признанный виновным в совершении фелонии первой степени, карается наказанием, отбываемым в институциональном учреждении, в виде пожизненного лишения свободы или лишения свободы на срок от пяти до 99 лет [3, с. 121].

Вся фраза была преобразована и приведена к более подходящему для русскоязычной юридической документации высказыванию «лишения свободы на срок от пяти до 99 лет».

Смысловое развитие также выполняет замену одного понятия на другое по принципу их логической близости или смежности, не изменяя при этом главную идею высказывания. Например:

This was on the basis that Mr Yillah had resigned recently as trial lawyer from the Office of the Prosecutor (hereinafter: "ОТР") and that his assignment to the defense team would create a conflict of interest [5, с. 3].

Это было вызвано тем, что г-н Иллах недавно уволился с должности адвоката обвинения в Канцелярии Прокурора (далее «КП») и что его назначение в группу защиты привело бы к возникновению коллизии интересов [2 с. 3].

При переводе словосочетания trial lawyer на русский язык был использован прием смыслового развития – адвокат обвинения. Дословно данную должность можно было перевести, как «адвокат суда», но, как известно, суд зачастую выступает в роли обвинения, поэтому более логично использовать понятие «обвинение» для противопоставления понятию «защита».

Широкое применение при переводе текста англоязычного юридического документа находит прием конкретизации, так как, известно, что английский язык более абстрактный, а русский – более конкретный. Данный прием означает замену слова или словосочетания языка оригинала, имеющего широкое значение, на соответствующее слово или словосочетание языка перевода с более узким значением. Таким же способом могут быть преобразованы целые предложения. Реже происходит генерализация, то есть замена слова или словосочетания языка оригинала с узким значением на слово или словосочетание, имеющее более широкое значение. Например:

Sec. 12.31. CAPITAL FELONY. (a) An individual ... shall be punished by imprisonment in the Texas Department of Criminal Justice for life without parole or by death [6, с. 41].

Статья 12.31. Фелония, караемая смертной казнью. (а) Индивидуум ... наказывается пожизненным лишением свободы, отбываемым в институциональном учреждении, или смертной казнью [3, с. 120].

Texas Department of Criminal Justice, которое является реалией штата Техас и не имеет эквивалента в русском языке, переведено как институциональное учреждение по принципу генерализации. При переводе слова death была произведена лексическая замена слова синонимичным словосочетанием, уточнившем вид наказания, – смертная казнь, т. е. применен метод конкретизации.

При антонимическом переводе какое-либо понятие исходного языка заменяется противоположным ему в переводном языке, при этом происходит трансформация всего высказывания. Данный прием позволяет учитывать традиционные формы высказываний и различные стилистические аспекты при переводе юридических текстов. Например:

...it is unnecessary and inappropriate for the Chamber to go beyond the submissions in the request

in an attempt to correct any possible error on the part of the Prosecutor [4, с. 16].

...со стороны Палаты было бы излишне и нецелесообразно не ограничиться представленными в Просьбе документами и пытаться исправить какую-либо возможную ошибку Прокурора [1, с. 19].

Таким образом, перевод безэквивалентной лексики представляет особую трудность при переводе текстов юридической направленности в основном из-за терминов, относящихся к правовой системе определенной страны. Для адекватного перевода необходимы конкретные знания в этой сфере и понимание национально-культурных особенностей. Чаще всего при переводе безэквивалентной лексики применяется прием лексической замены, при котором понятие или термин заменяются словами и словосочетаниями наиболее близкими по смыслу. Также часто используется прием добавления, позволяющий переводчику объяснять смысл терминов, реалий, иноязычных заимствований, сокращений или аббревиатур. Очень важным при переводе юридических терминов является переводческий комментарий, который помогает читателю, незнакомому со специфической юридической лексикой, понять смысл документа.

Список литературы

1. Решение в отношении просьбы Прокурора о предоставлении санкции на возбуждение расследования [Электронный ресурс] // МУС. – 2016. – 31 с. – Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2016_01811.PDF
2. Решение по апелляции Прокурора в отношении решения Судебной палаты IV от 30 июня 2011 года, озаглавленного «Решение по просьбе обвинения о признании недействительным назначения адвоката защиты» [Электронный ресурс] // МУС. – 2011. – 16 с. – Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2011_20664.PDF
3. Уголовный кодекс штата Техас / Научное редактирование и предисловие канд. юрид. наук, проф. И.Д. Козочкина. Перевод с английского Д.Г. Осипова, И.Д. Козочкина. – СПб. Изд-во Р.Асланова «Юридический центр пресс», 2006. – 576 с.
4. Decision on the Prosecutor's request for authorization of an investigation [Электронный ресурс] // ICC. – 2016. – 26 р. – Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2016_00608.PDF
5. Judgment on the appeal of the Prosecutor against the decision of Trial Chamber IV of 30 June 2011 entitled "Decision on the Prosecution's Request to Invalidate the Appointment of Counsel to the Defence" [Электронный ресурс] // ICC. – 2011. – 13 р. – Режим доступа: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2011_18736.PDF
6. Texas Penal Code [Электронный ресурс] // Texas Constitution and Statutes. – 2017. – 427 р. – Режим доступа: <http://www.statutes.legis.state.tx.us/Download.aspx>

Тохилова М.Х.

старший преподаватель кафедры иностранных языков
инженерно-технологического факультета Политехнического Института
Технического университета Таджикистана имени академика М.С. Осими.

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА (на материале английского и таджикского языков)

Tokhirova M.Kh.

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages
Engineering Faculty of Technology of the Polytechnic Institute
Technical University of Tajikistan named after academician M.S. Osimi.

LOAN WORDS IN LEXICAL SYSTEM OF LANGUAGE

В данной статье мы попытаемся выяснить причину заимствования слов и их необходимость, обогащение языка, путём заимствования делая его более гибким и при этом сохранив основной словарь языка, присущий данному языку грамматический строй, не нарушая внутренние законы языкового развития.

The given article deals with distinguishing a loanword from a calque, which is a word or phrase whose meaning or idiom is adopted from another language by word-for-word translation into existing words or word-forming roots of the recipient language. The study of the origin of the words and their function and context within the language can illuminate some important aspects and characteristics of the language, and it can reveal insights on the phenomenon of lexical borrowing in linguistics as a method of enriching a language.

Ключевые слова: заимствование, язык, слово, словообразование, лексика, лингвист, влияние, значение.

Key words: loan words, language, word, word formation, vocabulary, linguist, influence, meaning.

Каждый народ живет среди других народов. Обычно он поддерживает с ними многообразные связи: торговые, промышленно-экономические, культурные. Следствие этих связей – влияние народов и их языков друг на друга. Языки контактирующих народов испытывают взаимное влияние, ведь они – главное средство межгосударственного и межличностного общения. Основная форма языкового влияния одного народа на другой – заимствование иноязычных слов. А.А. Реформатский в книге «Введение в языковедение» писал: «Нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами. В каждом языке имеются и слова заимствованные, иноязычные.

Заимствование обогащает язык, делает его более гибким и обычно не ущемляет его самобытности, так как при этом сохраняется основной словарь языка, присущий данному языку грамматический строй, не нарушаются внутренние законы языкового развития. Причиной заимствования слов стала необходимость в том, чтобы заполнить брешу в собственной лексике. Когда саксонцы заимствовали латинские слова для масла, сливы, изюма и свеклы ("butter", "plum", "beet"), они делали это потому, что в их лексике просто отсутствовали слова, называвшие данные предметы. По некоторым причинам слова "potato" и "tomato" пришли в английский язык из испанского, когда эти овощи впервые попали в Англию вместе с испанцами. Но также большое количество слов было заимствовано по другой причине. Могло существовать слово, а то и несколько, обозначающих какое-либо понятие. В таких случаях, слова заимствовались потому что

они (вроде бы схожие слова из других языков) имели новые значения и оттенки, имели другую эмоциональную окраску, хотя эти слова и означали одно понятие. Этот тип заимствований обогатил группы синонимов. Таким путём латинское "cordial" было добавлено к родному "friendly", **investment, contract, credit, financial, standards** французское "desire" к уже имеющемуся "wish", латинское "admire" и французское "adore" к "like" и "love".

Доля заимствований в современном английском языке довольно значительна. Заимствованные приблизительно из 50 языков мира, лексические единицы составляют почти 75% словарного состава английского языка и включают пласты лексики, заимствованные в различные исторические эпохи и под влиянием различных условий развития и существования. **investment, contract, credit, financial, standards** Среди них - исторические, географические, социальные, экономические, культурные и прочие условия. [2; 118 с.] Значительное число заимствований английского языка (e.g. 'rural' ('сельский') - от латинского **investment, contract, credit, financial, standards** 'ruralis', 'rus', 'ruris' ('деревня', 'пашня', 'поле'); 'cardiac' ('сердечный') - от греческого 'kardiakos', 'kardia' ('сердце') и т.п.) оказываются в языке-источнике генетически производными и характеризуются структурно-семантической зависимостью и выводимостью. [1; 14 с.] При условии заимствования обоих членов таких словообразовательных пар деривационные отношения между ними сохраняются и в заимствующем их языке. E.g., gloss - 'глосса', 'заметка на полях', 'толкование'; glossary - 'глоссарий', 'словарь'; the

duties of a financial manager is to increase ... and to pay less number of dynasty - `династия`, dynastic - `династический` и т.д. [1; 18 с.] При групповом характере заимствований в английском языке имеет место не только пополнение подсистемы простых и производных слов. Возникает значительное число морфологически членимых единиц, чья комплексность хорошо ощущается носителями английского языка. В итоге происходит формирование новых словообразовательных моделей. Таким образом, существенно расширяются как сам состав морфем английского языка, так и его словообразовательные (деривационные) возможности. Например, для скандинавских и ранних латинских заимствований типа get 'получать', skill 'умение', sky 'небо', skirt 'юбка', skin 'кожа', they 'они'; street 'улица', school 'школа', gall 'ссадина, натертое место', mat 'мат, ковер, циновка' и др. ends; tundra - treeless plain characteristic of arctic and subarctic regions.

Таджикский язык – один из языков иранской группы. Происходит из персидского (фарси), язык таджиков – основного населения Таджикистана; он является государственным языком Республики Таджикистан; число говорящих – 3,5 млн. человек. Таджикский восходит к языку классической персидско-таджикской литературы 9 – 15 вв. и относится к юго-западной группе иранских языков.

Общеизвестно, что после завоевания арабами территорий Ирана, Хорезма и Мавераннахра изменилось не только географическое и политическое положение этих регионов, но также подверглась изменению лингвистическая карта языков. Арабское влияние, которое продолжалось несколько столетий, не могло не оказать влияние на структуру и функционирование таджикского языка, особенно его лексики и отчасти грамматики. Языковые контакты таджикского языка с арабским прослеживаются, начиная с VIII и до сегодняшнего дня, и различаются по своему характеру. Таджикская лексика арабского происхождения занимает одно из ведущих мест среди других слов восточного и западного происхождения в силу широкого и глубокого проникновения её в словарный состав таджикского языка, и без тщательного и всестороннего лингвистического анализа трудно отделить её от исконно таджикских слов.

В результате сопоставительного анализа были обнаружены такие группы заимствований:

1. Заимствованная лексика, связанная с религией и религиозными вопросами: 'ака'ид, закат, зикр, кур'ан, рух, му'мин, мала'ика, муфтий, рамадан, и т. д.

2. Заимствованная лексика, связанная с процессом обучения и образования: мактаб, ма'ариф, синф, талаба, та'лим, харита, 'адаб, тарбийат и т.д.

3. Заимствованная лексика, связанная с языком и литературой: джумла, 'ибара, 'алифба, 'асар, газал, тахаллус, ша'ир, тарджума, назм, т.д.

4. Заимствованная лексика, обозначающая временные понятия: 'абай, ваqt, 'аср, дайка, заман, лахза, маусим, са'ат, субх, хадир. 5. Заимствованная лексика, обозначающая части тела человека: 'асаб, бадан, джисм, башара, кадам, калб, ми'да, джусса,

халк, и т.д. 6. Заимствованная лексика, связанная с культурой и музыкальными инструментами: да'ира, рубаб, накар, раккас, сан'ат, нагма, танбур и т.д. 7. Заимствованная лексика, обозначающая драгоценные камни и ювелирные изделия: ма 'дан, садаф, фируза, ладжууард, зумрад, марджан и т.д. 8. Названия блюд и сладостей: шараб, хамйр, фатйр, шурба, та'ам, гиза' и т.д.

Однако если литературный язык арабизуется или иранизируется, то разговорная речь находится в процессе русификации. Несмотря на то, что в Таджикистане русский язык продолжает функционировать как язык межнационального общения, в последние десятилетия слова русского происхождения в таджикском языке все более активно сменяются заимствованиями из фарси и арабского языка. В последние 15 лет русский язык потерял свои позиции и статус второго родного языка, государственного языка в республиках постсоветского пространства. Рассмотрим основные тенденции, сопровождающие активное контактирование рассматриваемых нами языков на территории Таджикистана. Большинство русских заимствований в таджикском языке составляют существительные, например: электричество, лампочка, машина, театр, автобус, троллейбус, стол, сумка. Иногда русские слова обрастают таджикскими окончаниями или приставками, например: почтаи электронй иногда остаются неизменными кино, поезд. Имя существительное мороженое широко используется вместо таджикского существительного яхмос. Здесь же следует отметить и имена прилагательные обычный, простой вместо таджикского прилагательного оддй; серьезный вместо таджикского прилагательного чиддй. Как показало исследование, проведенное в нетаджикоязычных школах Таджикистана Общественным Фондом "Панорама" при поддержке Таджикского филиала института "Открытое общество", среди учащихся русской национальности государственным языком владеют около 12 процентов, среди узбеков - 30 процентов, других некоренных национальностей – 8 процентов.

Кропотливая работа таджикских лингвистов по сближению таджикского литературного языка и разговорной речи никоим образом не подразумевает уничтожение русских заимствованных элементов, которые так сильно обогатили лексику таджикского языка. Ими ведется работа, направленная на сближение литературного языка с разговорной речью, но несомненно, что этот трудоемкий процесс займет много времени, и сменится несколько поколений, прежде чем разломившийся на две половины язык вновь обретет цельность.

Использованная литература:

1. История проникновения арабских заимствований в персидско-таджикский язык (исторический аспект) (на тадж. яз.) Н Вестн. Тадж. нац. ун-та. Сер. Филология, - Душанбе. - 2010. - №1 (57). - С. 270-274. (На тадж. яз.).

2. Семантические изменения арабских заимствований в современном таджикском языке (на

тадж. яз.) // Вестн. Тадж. нац. ун-та. Сер. Филология. - Душанбе. - 2009. - №8 (56). - С. 39-43. (На тадж. яз.).

3. Жестков А.С. Арабские заимствования в лексическом составе современного персидского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1988.

4. Убайдуллоев А.И. Исторические связи русского и таджикского языков. Душанбе, - "Инсоф", 2005 г.

5. Собиров Э. Судьбы русизмов в таджикском языке постсоветского периода. - М., 2007.

6. Иброхимов Р.М. Русские заимствования в таджикском языков эпоху СССР. Душанбе, «Ирфон», 2001.

Караева З.К.

*Доктор филол. Наук, профессор
Международный университет Кыргызстана
Бишкек, Кыргызстан*

Уметалиева Н.Ш.

*Старший преподаватель
Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына
Бишкек, Кыргызстан*

[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11665](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11665)

СКАЗКИ, ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ КАК ИСТОЧНИК ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-ЗООНИМОВ (КИТАЙСКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ)

Karaeva Z.K.

*Doctor of Philology, Professor
International University of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan*

Umetalieva N.Sh.

*Senior Lecturer
Kyrgyz National University named after J. Balasagyn
Bishkek, Kyrgyzstan*

FAIRY TALES, LEGENDS AND MYTHS AS A SOURCE OF PHRASEOLOGICAL UNITS-ZOONIMS (CHINESE AND ENGLISH LANGUAGES)

Аннотация

Сказки и мифы являются источником возникновения фразеологизмов-зоонимов. В данной статье мы рассмотрели фразеологизмы – зоонимы на материале китайского и английского языков, возникшие из различных мифов и легенд Древней Греции и Древнего Китая. Эти фразеологизмы – зоонимы не потеряли свою актуальность до настоящего времени.

Abstract

Tales and myths are the source of idioms-zoonyms. In this article, we have observed phraseological units-zoonyms based on the material of Chinese and English languages, which arose from various myths and legends of Ancient Greece and Ancient China. These idioms – zoonyms has not lost its relevance up to the present time.

Ключевые слова: фразеологические единицы, иностранные языки, мифы, сказки, легенды, интернациональная лексика.

Key words: phraseological units, foreign languages, myths, fairy tales, legends, international lexis.

Овладение иноязычной культурой и усвоение мировых духовных ценностей рассматриваются в современном мире как овладение иностранным языком. Овладение иностранным языком, в свою очередь, не ограничивается изучением конкретного объема культурологических знаний, но и включает формирование, как способности, так и готовности понимать и принимать культуру носителей языков. Среди национально-специфических компонентов культуры язык занимает ведущее место, и если язык, как писал В. Гумбольдт – душа народа, то фразеология – душа языка. Национально-культурные особенности языковой системы наиболее ярко и своеобразно проявляются именно на фразеологическом уровне.

Источники происхождения фразеологических единиц весьма разнообразны. Основным источником возникновения фразеологических единиц являются сказки и мифы. Именно в сказках и мифах особенно ярко проявляется национальная специфика фразеологизмов – зоонимов. В данных фразеологизмах отражаются самобытная культура каждого народа, их традиции, обычаи и поверья народов, различные реалии и факты истории. Фразеологизмы в большинстве своем имеют литературное происхождение. Важнейшим источником заимствованных фразеологизмов становятся литературные произведения, такие как Библия, античная мифология и литература. Например, фразеологизм «метать бисер перед свиньями» передается в китайском языке через оборот с зоонимом «бык» - 对牛弹

琴duiniuganqin (играть на цитре перед быком) и имеет библейское происхождение. Также как, например, «беречь как зеницу ока», - «всему своё время», - «земля обетованная» и многие другие. Также одним из источников заимствованных фразеологизмов являются сказки различных народов и авторов.

Как отмечает английский исследователь Л.П. Смит, основным источником возникновения идиом служит жизнь и деятельность людей: «в большинстве образные и идиоматические выражения создавались народом и тесно связаны с интересами и повседневными занятиями простых людей. Новые слова и идиоматические выражения являются, как правило, результатом языкового творчества неграмотных людей; наши лучшие идиомы, наиболее яркие образные выражения возникли не в библиотеках и гостиных, а в мастерской, на кухне или в погребе» [1].

Что же такое миф? Вообще мифотворчество рассматривается как важнейшее явление в культурной истории человечества. Миф выражал мироощущение и миропонимание эпохи его создания, а мифология представляла основной способ понимания мира в первобытном обществе. Миф как первоначальная форма духовной культуры человечества представляет природу и сами общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией [1].

«В китайской культуре мифология играла и играет до сих пор ключевую роль. В отсутствии фантазии китайского народа упрекнуть нельзя, в том плане, что традиционная культура Китая богата самыми разнообразными материалами, связанными с названиями животных, в том числе мифических. Культурный код животных в китайской языковой картине мира представлен не только группой концептов зоонимов, но и мифологическими животными.» Ср.: 凤 (fèng) - феникс, 麒麟(qílín) - мифологическое животное с рогом, покрытое чешуйчатым панцирем составляют с 龙 (lóng) – драконом, 龟 (guī) – черепахой - четыре духа/божества, это символы счастья и богатства, долголетия [5, 193; 11, 447]. Эти мифические образы выражаются в семантике фразеологизма 凤毛麟角 (fèngmáolínjiǎo) - редкостный, уникальный.

凤 (fèng) - феникс и 龙 (lóng) – супружеское счастье и радость ассоциируется с образом дракона. 鸾 (luán) - птица рода фениксов и 凤(fèng) - феникс - с счастьем, покорностью и послушанием [11, 125]. Также есть мифическая птица, переносящая на себе небожителей, символ долголетия - 鹤 (hè) - журавль. Мы не можем обойти вниманием главного мифологического животного в китайских мифах – дракона. Дракон - это фантастическое мудрое существо, ему присваивается множество заслуг, к примеру, считалось что Драконы, управляли дождем, а также является - символом императора — Сына Не-

бес. Дракон для китайцев, является тотемом и считается животным-предком китайской нации, хотя никто не может сказать, обитал ли дракон на Земле когда-либо в прошлом. Согласно древней легенде Китая, Желтый Драконом – символ центра всего мироздания. Это начало всех начал. Желтый Дракон считался символом ставшего первопредком китайского этноса Хуан-ди, императора, возглавившего пантеон первых пяти правителей Древнего Китая. В Древнем Китае культ драконов был весьма разнообразным и красочным.

До сих пор Дракон для китайцев является священным животным. По-китайски дракон называется Лун (long), его образ сложился в Китае в древности. Начертание иероглифа Лун (long), представляющее собой пиктограмму, изображающую животное с длинным телом и головой, увенчанной рогами, обнаружено уже в надписях на гадательных костях эпохи Инь (с 14 в. до н. э.). Несмотря на столь ужасный вид, Лун (long) — доброе существо, его появление рассматривается как благоприятный знак в Китае. В легендах о поедании мяса можно увидеть образ дракона, о разведении и кормлении драконов подобно домашним животным при дворах некоторых легендарных правителей. Также существуют и многочисленные предания о рождении мифических первопредков и государей от связи женщины с драконом. «Есть немало фольклорных текстов где подробно описывается появление дракона в небе над домом, в котором должен был родиться герой. Была и драконова мета (лун янь) на челе древних государей (в средневековом Китае, Лун — символ императора, его изображали на троне, на халате государя).» Проведя сплошную выборку из фразеологических словарей китайского языка, мы вывели то, что наименование мифического животного 龙 - lóng дракон организует в китайском языке 26 фразеологизмов-зоонимов.

Например: 1) 生龙活虎—Shenglonghuohu (букв. Родиться драконом и жить как тигр) в русс.; Как сыр в масле, в кырг.; Май көл, сүткөлжашоо

2) 龙飞凤舞—Longfeifengwu (букв. Танец летящего дракона) в русс.; Почерк курица лапой.

3) 画龙点睛—Hualongdianqing (букв. Нарисовать дракону глаз и нанести завершающий штрих) т.е. поставить точку и т.д.

Происхождение в английском языке фразеологических оборотов с зоонимами, связано в основном с мифами и баснями Древней Греции. Существует ряд фразеологических оборотов, этимология которых связана именно с баснями Эзопа. К примеру, с басней «Человек и змея» связано выражение «a viperinone'sbosom» (пригреть змею на груди), в котором излагается история про человека, который решил отогреть замерзшую змею и положил к себе под одежду, где она отогрелась и укусила его. Оборот употребляется в значении «быть преданным тем, кого ты пожалел, кому доверял».

Выражение «killthegoosethatlaid (lays) thegoldeneggs» переводится как «убить гусыню, не-

сущую золотые яйца». Эквивалентом данного фразеологизма в русском языке являются следующие пословицы: «убить курицу, несущую золотые яйца» и синоним «рубить сук, на котором сидишь». По басне «Курица и золотые яйца», человек почитал Гермеса и получил от него курицу (гусыню), несущую золотые яйца. Но из-за корысти, не дождав-шись пока курица, не снесет ему достаточно яиц, он разрубил ее, считая, что ее нутро тоже золотое, но был разочарован, т.к. она оказалась совершенно обычной.

Фразеологизм «**lion'sshare**» (львиная доля) связан с басней Эзопа «Лев, Лисица и Орел». Пойманый олень совместными усилиями был разделен на четыре части, но лев, пользуясь своей силой, несправедливо забрал все себе. Таким образом, выражение «**lion'sshare**» имело значение большей, лучшей, несправедливо полученной части чего-либо. Сегодня это выражение употребляется в значении просто большей, лучшей части (Гурова, 2015).

Выражение «**anassin a lion'sskin**» (**осел в львиной шкуре**) восходит к одноименной басне Эзопа. Надевший на себя львиную шкуру, осел стал пугать людей, но когда подул ветер, шкурка отлетела от осла, тем самым раскрыв его обман. За это он был наказан и побит. Синонимом данного фразеологизма в русском языке служит следующий фразеологизм – «ворона в павлиньих перьях».

«**Anassin a lion'sskin**» имеет значение «попытка приукрасить себя, показаться более важным, значительным».

Фразеологический оборот «**crywolftooften**» («**crywolf**»), что значит «поднимать ложную тревогу», восходит к басне про пастуха-шутника, который любил разыгрывать крестьянами, крича «**Волк! Волк!**», в то время как никакой опасности не было. После нескольких таких попыток розыгрыша, крестьяне разозлились и когда на стадо действительно, напал волк, а пастух начал звать их на помощь, они проигнорировали, так как думали, что он их снова обманывает. Еще одно значение данного фразеологизма – «*подорвать доверие к себе ложными призывами о помощи*».

Примеров фразеологизмов – зоонимов, источником возникновения, которых, являются мифы, легенды и сказки еще много, в данной статье мы рассмотрели лишь некоторые из них, делая акцент на мифах Древнего Китая и Древней Греции. В английском языке путем сплошной выборки были взяты фразеологические обороты из великих и известных произведений таких как «Одиссея» и «Илиада» Гомера и басни Эзопа. Эти фразеологические обороты являются притчей в языках до настоящего времени, хотя во многих случаях их используют, даже не зная их этимологию и не задумываясь, каково было первоначальное значение этих слов, какая история, какие события стоят за ними. В нашей статье мы предприняли попытку не просто дать толкование

и разъяснение этих фразеологизмов, но и выявить их этимологию, понять, почему же именно это значение придается тому или иному фразеологизму.

Интернациональный характер данных фразеологических единиц облегчает их понимание.

Проанализировав несколько примеров, мы можем сказать, что именно фразеологический фонд является показателем национального мышления. Легенды, сказки и мифы Древнего Китая отличаются от античной культуры. В китайских фразеологизмах животные больше одушевлены, чем в английском языке. Фразеология – интересная и сложная область изучения языка, приобщившись к которой, ты становишься еще чуточку ближе к культуре народа.

Список литературы:

1. Аверина, М. А. Компонент - зооним в составе фразеологизмов русского и английского языков [Текст] / М.А. Аверина // Филология и литературоведение. – 2014. – № 9 (36). – С. 13-16.
2. Маркс К., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 12, стр. 737
3. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. - СПб: Кристалл. - 2000г.
4. Кукарин М.А. «Словарь китайской мифологии» М.: ЗАО 2011г. 216стр.
5. Уильямс Ч. Китайская культура: мифы, герои, символы М.: ЗАО 2011г. 478 стр.

УДК 8

*Эверстов Максим Сергеевич**Студент магистратуры,**Северо-Восточный федеральный университет им М.К.Аммосова**РФ, г. Якутск***АНТИУТОПИЧЕСКИЙ МОТИВ ЕДИНОВЛАСТЬЯ В ПОВЕСТИ «ЛЮБИМОВ» А. ТЕРЦА***Everstov Maxim Sergeevich**Master's degree student**North-Eastern federal university named after M.K.Ammosov,**Russia, Yakutsk***DYSTOPIAN MOTIVE OF MONOCRACY IN A SHORT NOVEL 'LUBIMOV' BY A. TERTZ****Аннотация**

Среди антиутопических мотивов одним из главных является мотив единовластия, раскрывающийся в образе правителя тоталитарного режима. Во второй половине XX века происходят изменения в антиутопическом жанре, перестраивается роль антагониста. В повести А. Терца «Любимов» Главнокомандующий сохраняет часть классических черт лидера в антиутопии, в то же время соответствует новому периоду развития жанра и разрушает канонические модели.

Abstract

The motive of monocracy appears to be one of the main dystopian motives, disclosing in the image of the ruler in a totalitarian state. In the second half of the XX century the role of adversary is reinterpreted as the dystopian genre undergoes some changes. We try to understand the way how Commander-in-chief in 'Lubimov' by A. Tertz partly preserves the classical features of a dystopian leader, at the same time consorting to the new period of development of the genre and breaking the canonical models.

Ключевые слова: антиутопия, мотив, Терц, Любимов.

Keywords: anti-utopia, motive, Tertz, Lubimov.

В антиутопических романах первой половины XX века образ правителя изображен не менее монументально и объемно, чем главный герой. Это связано со значением лидера для идейной и социальной составляющей антиутопии, и дихотомией главного героя-бунтаря и власти [5]. В каноническом романе Е. Замятина «Мы» появляется Благодетель, воплотивший черты властного, изобретательного, но одновременно слабого и недалекого лидера тоталитарного порядка. Влияние Замятина на последующие антиутопии не подвергается сомнению. В 1932 году выходит роман «О, дивный новый мир» О. Хаксли, где появляется Главноуправитель, в 1945 году Дж. Оруэлл пишет «Скотный двор», а три года спустя создает Большого Брата в романе «1984».

Во второй половине XX века мотив единовластия ослабевает в антиутопических романах. Это можно связать с социальными и политическими факторами, новым взглядом на общество потребления, а также с влиянием набирающего популярность постмодернизма. В этот период характер «главноуправителей» противоречив, некоторые авторы вовсе не изображают их. К таковым относятся изданный в 1953 году роман «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбэри и повесть «Хищные вещи века» (1964) А. и Б. Стругацких. В то же время трансформируется и моделируется образ нового правителя в других антиутопиях: например, в «Обитаемом острове» Стругацких (1967) и романе «Зияющие пу-

стоты» А. Зиновьева (1974). Особняком стоит повесть А. Терца «Любимов» (1957), в которой главным героем является и диктатором, и бунтарем.

В названной повести Терца антиутопические мотивы и конструкты жанра связаны с фантастическим допущением в тексте: герой, который решает вырваться из системы Советского Союза и борется с ней, использует гипноз, чтобы построить новый тоталитарный порядок. Привычный для антиутопических романов мотив научного знания (лазер в «Мы», генная инженерия и сома в «Дивном Новом мире») здесь заменяется на полумифический образ Проферансова, который наделяет Леонида способностью гипнотизировать людей. И тогда Леонид – велосипедный механик – становится Главнокомандующим, правителем города. Из заурядного горожанина он превращается в могущественного и всевластного лидера.

Однако это не единственная особенность образа правителя в повести Терца. Попытаемся определить общее и новое в образе Главнокомандующего по сравнению с властителями в тоталитарных государствах классических антиутопий. Сначала назовем признаки, которые позволяют сопоставить Леонида с Благодетелем и Большим Братом, а затем выделим отличия и выявим их природу.

Образ правителя вместе с мотивом навязанного счастья и негативными тенденциями в социуме составляют ядро антиутопии, его константу. Поэтому в подавляющем большинстве примеров данного жанра тот, кто стоит у власти, должен соответствовать масштабам изображенного мира, а

также заключать в себе суть идеологии правления. В повести «Любимов» Леонид получает власть нетипичным способом: он не наделен полномочиями, как Главноуправитель, не окружен последователями, как Благодетель, однако неожиданно обретает силу гипнотизировать. Терц описывает правителя как всемогущего: «Глаза его, устремленные вдаль, за городскую черту, казалось, посылали в пространство грозные синеватые вспышки. Если было бы темно, они бы, верно, горели, как горяч зрачки диких зверей во мраке ночи» [3: 92].

Однако в то же время Леонид выглядит слабым, уставшим, когда часто использует свою силу, это замечает его помощник Проферансов: «в его глазницах пролегли палевые тени усталости», «чело, увитое струйками пота», «худощавые челюсти», «на лбу выступили две жилки», «косые глаза» [3]. Это вполне характерно для антиутопии, где образ лидера разоблачается и подвергается осмеянию (в отличие от утопии). Можно вспомнить описание Благодетеля в романе «Мы» глазами Д-503 до инициации, когда он восторгался «строгими очертаниями», и после: «Передо мной сидел лысый, сократовски лысый человек, и на лысине — мелкие капельки пота» [1]. Десакрализация и низвержение авторитета властелина становится такой же частью антиутопии, как изолированность изображенного государства. Леонид — лидер заурядный, как Наполеон из «Скотного двора» Оруэлла, который захватил власть силой и жестокостью. Всё, чего добился герой «Любимова» до получения силы, это умение чинить велосипеды. Он не оратор и не политический деятель: чтобы его слушались, Терц внушает «магнетизмом» лояльность и страх гражданам.

Именно страх является важнейшим мотивом в антиутопии и окружает образ правителя. Большого Брата боятся и враги, и жители Океании, а Благодетель своими Хранителями внушает трепет всем в Едином Государстве и за пределами его. В Любимове страх охватывает всё население (кроме призрака Проферансова). Близок Главнокомандующий правителям канонических антиутопий и своим агрессивным поведением по отношению к другим государствам. Леонид объявляет войну СССР и Америке и готов защищать свой режим от врагов. Кроме того, как Главноуправитель из «Дивного нового мира», герой Терца, несмотря на положение в обществе, одинок и никому не доверяет свои сокровенные мысли: «Что он им сделал? Чем не угодил? Ради них пожертвовал жизнью...» [3: 189].

Несмотря на то, что Главнокомандующий не обладает верными и целеустремленными сторонниками (кроме Проферансова и Виктора), не имеет военной и научной поддержки, однако он действует по модели поведения правителей многих литературных антиутопий. Герой создает свою идеологию (не сильно отличную от прежней), закрывает границы города, жестоко подавляет инакомыслие, а также пытается внушить правильность своей политики: «Отныне у нас в городе не должно быть голых, больных, печальных» [3: 85].

В то же время в повести наблюдается расхождение образа правителя с каноническими текстами.

Во-первых, Леонид нарративно выступает в одно время героев-бунтарем и лидером тоталитарного государства. После получения «магнетизма» от Проферансова герой бросает вызов всему несправедливому, но спустя какое-то время начинает править Любимовым железной рукой. Это чрезвычайно редкое явление жанра, когда оба полюса антиутопии — один герой.

Во-вторых, повесть «Любимов» описывает все этапы зарождения нового порядка, построенного единовластным лидером: становление, расцвет, столкновение с врагами (внешними и внутренними) и крах — это так же нетрадиционное разворачивание жанровых контуров. Типично положение, при котором порядок существует продолжительное время до начала повествования и автор может показать победу героя над ним.

Наконец, уникальными для антиутопических произведений можно назвать два аспекта: отказ от своих грандиозных идей героем-правителем («Бремя власти, муки о будущем, память о прошлом — все отваливалось») и его близость к фольклорному началу (сравнение с Ильей Муромцем и множество параллелей с Иваном-Дураком). Для творчества Абрама Терца тема юродивого и шута знаковая, смеховая культура в его рассказах и повестях может рассматриваться с точки зрения постмодернизма [4].

Резюмируем, что образ единовластного правителя в антиутопической повести «Любимов» А. Терца во многом соответствует каноническому образу, близок к описанию Благодетеля и других лидеров литературных антиутопий, в то же время Терц усложняет и делает неоднозначным своего героя. Леонид Тихомиров, который жалеет людей и мечтает о счастье для всех, не считает их способными к рациональному выбору. Он отказывается от роли благородного героя и становится лидером, но не в силах претворить в жизнь свои смелые планы. Правитель капитулирует и рад тому, что вновь становится второстепенным героем: «Но его судьба — он был уверен — сложится и образуется сама собою...» [3: 203].

Список литературы:

1. Антиутопии XX века. Евгений Замятин, Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл / вступ. ст. Э. Геворкян. — М.: Кн. палата, 1989. — 352 с.
2. Ковтун, Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века: Учеб. Пособие. — М.: Высш. шк., 2008. — 406 с.
3. Терц А. Пхенц и другие. — М.: Аграф, 2003. — 336 с.
4. Шоманова Г. Шутовство и юродство в рассказах А. Терца. Смеховая культура русского постмодернизма [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shutovstvo-i-yurodstvo-v-rasskazah-a-tertsa-smehovaya-kultura-russkogo-postmodernizma> (дата обращения 10. 03. 2020)
5. Эверстов М.С. Трансформация мотива единовластия в романе «Обитаемый остров» А. и Б. Стругацких // Языкознание и литературоведение. — Самара: «Вестник СамГУ», 2015. — с. 82-87.

Челебджанов Сулейман Бахтиярович

Студент - магистр

2 курс, «Филологический факультет»

ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова

Научный руководитель: **Макеева Людмила Николаевна**

Кандидат филологических наук,

Доцент, заведующая кафедрой английской филологии.

Россия, Крым, г. Симферополь

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Chelebdzhanov Suleyman Bakhtiyarovich

master student

2 year, Faculty of English department

Crimean Engineering and Pedagogical University

Scientific adviser: **Kiselev Andrey Vladimirovich**

Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor Department of English Philology

Russia, Crimea, Simferopol

POLITICAL VOCABULARY OF RUSSIAN AND ENGLISH

Аннотация

В данной статье речь идет о системе политической лексики русского и английского языков. Автором рассматриваются вопросы взаимодействия двух языков в политической коммуникации. Описаны особенности языка политической коммуникации, краткие лексические характеристики русского и английского языков, основные исторические периоды формирования политической лексики. В статье особое внимание уделяется процессу взаимодействия русского и английского языков как ведущих средств межгосударственного общения. Автор подчеркивает важность построения успешной коммуникации в процессе межгосударственного общения в связи с тем, что язык и политика – это глубоко взаимосвязанные явления. В статье приводятся и анализируются мнения о проблеме соотношения языка и политики. Делается вывод о том, какое влияние на лексическую структуру языка оказывает политическое взаимодействие. Кроме того, в данной статье обуславливается историческая связь русского и английского языков в связи с их родовой принадлежностью.

Abstract

The article is devoted to the system of political vocabulary of Russian and English languages. The author studies the interaction of Russian and English languages in political communication. The article studies the features of the language of political communication, the lexical characteristics of the Russian and English languages, the main historical periods of the formation of political vocabulary. The article focuses on the interaction of the Russian and English languages as the main means of interstate communication. The author emphasizes the importance of building successful communication in the process of interstate communication due to the fact that language and politics are deeply interrelated phenomena. The article presents and analyzes opinions on the problem of the correlation of language and politics. It is concluded that political interaction influences the lexical structure of the language. In addition, this article explains the historical connection between the Russian and English languages.

Ключевые слова: английская лексика, русская лексика, язык, языковое взаимодействие, политическая лексика, язык и политика.

Keywords: English vocabulary, Russian vocabulary, language, language interaction, political vocabulary, language and politics

Осуществляемая политическая власть во многом зависит от того, насколько профессионально при ее реализации используются языковые средства, потому что язык является масштабным и всеобъемлющим средством, ее главным инструментом. Субъектам политической коммуникации необходимо уметь интерпретировать слова и выражения, чтобы донести до адресата свои мысли, свою политическую позицию. Так, если говорить о языке международного общения, то следует в первую очередь обратиться к английскому языку,

что обусловлено рядом объективных факторов распространения и развития коммуникации именно на этом языковом коде. Это и распространение сети Интернет, и особенности национальной колониальной политики Англии, и современная политическая ситуация в мире. Можно предположить наличие предпосылок появления единого языка международного общения, анализируя объективные обстоятельства, при которых те или иные языки получают преимущество. При этом можно говорить об искус-

ственных языках, созданных для языкового общения, однако на этом этапе преимущество отдается именно естественным языкам. Недостатки и ограниченность применения искусственных языков в сравнении с естественными, среди которых в силу объективных причин в приоритетном положении к настоящему времени оказался английский язык, дают повод говорить о его общемировом распространении [Чумаков, А. Н. Язык как средство..., с. 5-14].

Исследователь Дэвид Кристал, говоря об английском языке как языке международного общения, предполагает, что именно он в настоящее время реализует эту функцию для всего мирового сообщества [Кристал, Д. Английский как глобальный...]. Следует подчеркнуть универсальность и динамичность английского языка в условиях современного глобального мирового развития. В этой связи следует сказать об изменениях, которым суждено подвергнуться английскому языку при реализации функции языка международного общения (как, ранее, эсперанто или латинскому языку). Это, в свою очередь, может привести к изменениям непосредственно в самой лексической структуре английского языка и его особенностям. Так, он будет иметь ряд существенных отличий от языка английского, который распространен среди носителей языка в английской языковой среде. Это, в свою очередь, обусловлено изменениями, которые происходят с английским языковым строем при соприкосновении с иными языковыми семьями.

В целом, вопрос влияния иностранного языка в условиях каких-либо разновидностей языковых коммуникаций актуализирует проблему установления структурно-типологических сходств при изучении английского языка [Цавкаева, А. Ш. Интерференция родного..., с. 87-90]. В свете мировой политической системы огромная роль принадлежит также русскому языку. Он является одним из самых распространённых языков мира, что обусловлено большой численностью говорящих на нём и владеющих им как родным. Следует отметить, что на различных этапах функционирования языка в свете ряда различных языковых политик, применяемых в Российской Федерации, нельзя не подчеркивать важность исторического фона, отношения между языком и обществом, продвижение языка как общественно-политического инструмента и фактора для обеспечения мирного и сбалансированного языкового разнообразия [Leprière M. Language Policy in the Russian...]. Русский язык рассматривается как один из основных инструментов для формирования самоидентификации важнейший элемент в построении культурной и этнической идентичности [Клюева, А. Building the Russian...]. В последние годы русский язык перенял огромное количество новых английских слов (например, такие существительные как «marketing», «broker», «trader», «agent», «Internet», «online»).

Исторически все языки мира развиваются в двух направлениях: дифференциации, или территориального деления языка и интеграции (проявляется в объединении языков и диалектов). В отличие

от исконно унаследованной общности, то есть ветви или семьи языков, исторически сложившаяся общность называется языковым союзом [Маслов, Ю. С. Вопросы теории и истории..., с. 232]. В лингвистике понятие «заимствование» соотносится с процессом усвоения одним языком элемента другого языка (слова, выражения или значения), а результат этого процесса – само заимствованное слово. С развитием информационных технологий словарный состав русского языка начал пополняться реалиями иноязычной лексики. Изменения в языке в настоящее время наблюдаются повсеместно [Ter-Minasova, S. Changes in the Russian World..., с. 42-45].

Заимствованные слова проходят сложный процесс освоения на всех уровнях (фонетическом, морфологическом, семантическом), что становится процессом ассимиляции. И. В. Арнольд дает следующее определение этому процессу: «Ассимиляцией заимствованных слов называется приспособление их в фонетическом, грамматическом, семантическом и графическом отношении к системе принимающего их языка» [Арнольд, И. В. Лексикология современного..., с. 247]. Степень усвоения иностранных слов различна, в связи с различным временем появления этих слов, способом передачи и употребительностью. На этапе ассимиляции возникает ряд грамматических и словообразовательных вопросов в отношении англоязычных заимствований в современном русском языке. Также существуют способы количественной оценки влияния англицизмов на лексический состав русского языка с учетом экстралингвистических аспектов решения проблемы заимствований [Стрельцов, А. А. Некоторые аспекты ассимиляции..., с. 64-70].

Исходя из этого, цель статьи состоит в анализе основных тенденций взаимодействия русского и английского языков в системе политической лексики.

Родство между русским и английским языками имеет очевидные основания и уходит корнями в древние времена, в эпоху существования праязыкового сообщества. Существуют определенные различия в структуре этих двух языков, но многие грамматические особенности, типичные для русского языка, сохранились в английском языке, по крайней мере, как изолированные. Сходство грамматических и лексических свойств русского и английского языков определяется их общей принадлежностью к индоевропейской языковой семье и проявляется в наличии общих грамматических значений, категорий и функций. Таким образом, во многих словах обоих языков есть корни их общего древнего праязыка. Эти слова не были заимствованы, они изначально распространены. Часто приходится задаться вопросом, какие изначально русские слова также встречаются в английском языке. Русские и английские слова иногда могут иметь сходную форму, отличаясь только специфическим произношением в каждом из языков. Однако при совпадении по форме русские и английские слова не всегда одинаковы по смыслу. Похожие по форме слова русского и английского происходят из одного

корня (то есть являются этимологическими дублетами) или случайно совпадают по форме. В большинстве случаев слова с греческими и латинскими корнями встречаются на многих языках, то есть это – так называемые международные слова.

Проблема отношений и связей между языком и политикой имеет долгую историю. Даже в относительно стабильные периоды общественной жизни социально-политический словарь постоянно развивается и обновляется. Несмотря на то, что общественно-политической лексике посвящено большое количество научных исследований, единых критериев ее определения до сих пор не разработано. Определить состав общественно-политической лексики можно путем перечисления тематических групп, включенных в эту подсистему; также можно выявить общие семантические черты, характеризующие лексические единицы, включенные в общественно-политическое поле, и тем самым определить границы этой подсистемы [Али Абдульмунир Хади. Корреляция и взаимоотношение..., с. 21-28]. В качестве компонентов, наличие которых в структуре значения той или иной лексической единицы служит основанием для отношения ее к общественно-политической лексике, обычно перечисляются следующие: «политические», «социальные», «связанные с властью». Однако такой подход позволяет идентифицировать только центральную часть общественно-политической лексики, но определение ее периферии обычно осуществляется путем перечисления тематических групп. Политическая лексика отличается тем, что она чрезвычайно тесно связана с социальной жизнью носителей языка, а также с таким явлением, как идеология (*ideology*). Следует, однако, отметить, что элементы, принадлежащие к различным подсистемам политической лексики, имеют различные отношения. Конечно, нельзя утверждать, что эти названия непосредственно отражают идеологические взгляды носителей языка. Но они обозначают важные для общественной жизни реалии, часто представляют особенную социальную структуру, присущую различным социально-экономическим формациям, поэтому некоторые из этих названий могут быть идеологически значимыми и будут оцениваться неравномерно сторонниками разных идеологических взглядов. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что, меняя социальную структуру, а то и лишь некоторые политические установки государства, многие социальные инстанции и институты, функции которых по существу остаются неизменными, поскольку существуют в любой общественной системе, могут быть подвергнуты переименованию. Социально-политическая лексика стилистически разнообразна (*state, Constitution, laws* и др.). Она имеет свой особый словарный запас, поэтому документальные и коммерческие материалы характеризуются большим количеством клише, особой терминологией, а информационные и описательные материалы связаны с репортажами о текущих событиях, соответственно, содержат множество терминов, исторических реалий, собственных имен и т. д.

Соответственно, следует отметить, что при сопоставлении политической лексики на двух языках очень важно выявить и передать соответствующий смысл, а также выразительные особенности текста. Принадлежность к ядру политической лексики можно определить следующим образом: если ценностная структура лексической единицы включает в себя «политическую» или «социальную» составляющую, то ее можно рассматривать как составляющую ядра политической лексики (существует и соответствующая помета в словаре). Основной смысловой особенностью политической лексики является наличие политической семантической составляющей в структуре значения лексических единиц, что определяется словарными определениями [Трофимова, С. В. Общественно-политический..., с. 11-13]. Определение состава периферии политической лексики очень многогранно и соотносится с понятиями «политический», «общественный». Вот почему лингвисты начинают анализ политической лексики, определяя значения компонентов этого термина. Так, Л. А. Мурадова широко характеризует состав периферии, включает в ее состав те сферы экономики, дипломатии, культуры, которые характеризуют политику государства (*state policy*) в той или иной области. Государственная политика может быть отнесена к большому количеству сфер общественной жизни, так как затрагивает все области человеческой деятельности [Мурадова, Л. А. Семантико-функциональная характеристика..., с. 14].

Политическая лексика быстро реагирует на изменения, происходящие в мире. В ее переводе используется не только традиционная грамматика, но и большое количество клише, так как политическая лексика составляет лексический слой журналистско-публицистического стиля (стиль газет и журналов, рекламы и новостей). В связи с тем, что политическая лексика определяется как группа слов, характерная для периодической печати и публицистического функционального стиля, характеризующаяся краткостью, ясностью, употреблением нейтральных слов наряду со стилистическими красками (метафорами, идиомами), необходимо выделить составляющие общественно-политического текста и рассмотреть некоторые из них [Уразова, Е. А. О национально-культурных..., с. 136-141].

Особое место в языке занимают так называемые лозунговые слова. Это чисто функциональные слова; они являются неотъемлемой частью общественного дискурса в сфере формирования мнений и их изменения («демократия» (*«democracy»*), «прогресс» (*«progress»*), «солидарность» (*«solidarity»*) и т. д.). В языке пропаганды можно выделить обозначения форм правления («монархия», «республика»), слова, которые составляют описанные явления без их оценок (например, «демократия», «социализм»). Их значения часто уточняются определениями (например, «парламентская демократия»). В данной связи следует также упомянуть слова-носители «мыслительных конструкций», построенных на основе одностороннего

преувеличения одной или нескольких возможных точек зрения путем сочетания множества нечетких и дискретных явлений (например, «свобода», «справедливость», «солидарность»). Они более четко отражают характер языка политики.

Политический язык относится к основам политической лингвистики или лингвистики, связанным с политическим общением. Политический язык считается ориентированным на сферу политики вариантом национального языка (русского, английского или иного) [Чудинов, А. П. Политическая лингвистика..., с. 32]. Общеественно-политическая лексика выступает в качестве особой лексико-фразеологической подсистемы современного литературного языка. Политический словарь вместе с политической терминологией составляют собственно политический лексикон. Политический словарь разработан в связи с историческими реалиями. К политической лексике относится вся терминология международных отношений и мировой экономики, реалии внутривнутриполитической и экономической жизни той или иной страны, все обозначения, связанные с политической структурой и общественно-политической жизнью [Розен, Е. В. Лексика немецкого..., с. 95]. Вместе с тем, политическая лексика является частью терминологии общественных наук, обладающей свойством идеологизации [Крючкова, Т. Б. Особенности формирования..., с. 15]. Под идеологизацией в данном случае следует понимать отражение в лексико-семантических единицах политико-идеологических воззрений носителей языка. Что в современной науке сложилось несколько точек зрения на эту тему [Ермакова, А. В. Определение понятия..., с. 124]. Этот уровень словарного запаса очень распространен и широко используется. Использование терминологического аппарата политической лексики все больше расширяется, поскольку влияние терминологической лексики на нормативный язык происходит на фоне доступности средств массовой информации для большого числа людей. Кроме того, повышается уровень политической грамотности населения, увеличивается участие граждан в общественных и политических движениях.

С. И. Ожегов справедливо отмечал, что те новые явления, которые отражают живые тенденции современности, были порождены всем предшествующим ходом развития языка [Ожегов, С. И. К вопросу об изменениях...]. Исследователь говорил, что часто новизна слова в языке послереволюционного периода была относительной. Таким образом, часто новая лексическая единица возникает на основе ее прежнего функционирования. Разумеется, в решающие периоды истории общественно-политических отношений развитие словарного запаса происходит более интенсивно. Особое внимание следует уделить тенденциям, определяющим расширение русской лексики политической сферы современного временного периода. Тенденция выражается в стремлении к строгости и недвусмысленности названий, фактов и явлений в сочетании со стремлением к объективности. Данная тенден-

ция приводит к появлению и образованию объемных и устойчивых формулировок и стремится к новым, более «свежим» обозначениям, к замене сложных имен более компактными и менее официальными именами [Муравлева, Н. В. Инновации в лексико-семантической..., с. 72-79]. Определение современной сферы охвата концепций политического словаря и установление тематических границ нуждаются в развитии. Что касается политической лексики русского языка начала двадцать первого века, то она содержит слова, которые являются довольно старыми заимствованиями, но обновлены в последнее десятилетие XX века и приобрели новые значения или нюансы значений.

Для того, чтобы английский язык как средство международного общения развивался в этой своей основной на сегодняшний день функции, необходимо рассматривать его распространения посредством глобального образования, являющегося важной парадигмой XXI века. Это будет способствовать оптимизации основных вопросов глобализации языковой картины мира у тех, кто непосредственно находится в ситуации межнационального общения и скажется положительным образом на процессе формирования глобальной языковой компетентности [Синагуллин, И. М. Глобальное образование..., с. 14-19]. За последние десятилетия в политической лексике английского языка произошли многочисленные качественные и количественные изменения. В переносном значении в политической тематике широко используются термины из области науки: *atmosphere – friendly atmosphere; duet – duet of liberals and conservatives; behind-the-scenes – behind-the-scenes negotiations* и т. д. Характерной особенностью публицистически окрашенных слов считается их эмоционально-оценочный, экспрессивный характер, причем эта оценка не индивидуальна, а социальна. С одной стороны, в публицистическом стиле есть слова с положительной оценкой, коннотацией (*mercy, wealthiness, charity, prosperity*), с другой слова и выражения, имеющие отрицательную коннотацию (*philistine, sabotage, racism, apartheid* и т. п.).

Политическая лексика ранее была определена как группа слов, характерная для политического дискурса. Можно выделить два основных типа заимствованных слов по времени заимствования. Первый вид – относительно старые заимствования, обновленные в последние годы в связи с изменением политической и экономической системы России. Второй тип – новые заимствования, сделанные непосредственно в последние годы. Характерным примером первого типа является, например, слово «президент». Следует отметить, что на сегодняшний день собственно история англо-русских и русско-английских языковых контактов насчитывает не одно столетие. Разумеется, данные процессы обусловлены историческим контекстом, а именно экстралингвистическими факторами, которые состоят в коммуникативном взаимодействии между носителями языка в тех или иных сферах бытования.

Также следует подчеркнуть, что на различных исторических этапах степень взаимодействия и взаимовлияния русского и английского языков имела различную степень интенсивности. С шестнадцатого столетия языковые контакты могли быть осуществлены лишь в устной форме, что подтверждается наличием целого ряда английских заимствований. С восемнадцатого по середину девятнадцатого столетия прослеживается этап, характеризующийся появлением и активным употреблением англо-русского лингвистического арсенала, который обусловил появление англо-русского билингвизма. Данный процесс, разумеется, имел место быть не только в англо-русской языковой среде, но и, по аналогии, во всем мире. Также следует отметить, что большой интерес для современной лингвистической науки составляет нынешний этап развития англо-русских языковых отношений. Следует отметить, что при соприкосновении в ситуации межгосударственного общения двух и более языков, происходят изменения в картине мира носителей языков под воздействием глобального языка и культуры [Тер-Минасова, С. Великий и могучий..., с. 22–25]. Это, в свою очередь, оказывает влияние на формирование картины мира и языковую компетенцию. Это может быть обусловлено особенностями лингвокультурных параметров языкового взаимодействия как полноценной двуязычной текстовой коммуникации, что приводит к взаимопроникновению языковых средств, оборотов и форм языковой коммуникации [Масленникова, Е. М. Текст и синхронно-диахронные..., с. 214–220]. В ситуации осуществления межгосударственного общения лингвистическое взаимодействие является специфическим типом двуязычного общения, поскольку (в отличие от собственно двуязычного общения) оно обязательно включает в себя третьего субъекта (переводчика), а для отправителя и получателя сообщение является, по сути, одноязычным. В эпоху глобальных сетей функционирует общество детерриториализованных, гибридных, изменяющихся и конфликтующих культур, где субъекты становятся многокультурными индивидуумами. В свете развития межнациональной коммуникации и новой языковой политики особенно сложной задачей является эффективное общение с представителями различных языковых культур. Данный процесс предполагает иные способы мышления – способы видеть, слышать и интерпретировать мир, так как одни и те же слова могут означать разные вещи для людей из разных культур, даже когда они говорят на «одном» языке.

Взаимодействие русского и английского языков в такой обширной лингвистической области как политика является исторически обусловленным. Русский и английский языки имеют общие корни (общий язык-основу), при этом английский язык относится к группе индоевропейских языков общегерманской ветви, а русский – к группе индоевропейских языков славянской ветви. На этом, таким образом, и основана их историческая общность. Таким образом, можно отметить, что в эпоху инфор-

мационного общества становится актуальным понятие межгосударственного общения, которое предполагает владение всеми членами коммуникативного процесса теми или иными языковыми навыками и кодами. Одним из таких кодов может выступать язык как система знаков, признанных и понятных для всех членов коммуникативного процесса мирового сообщества. Именно английский и русский языки являются, в первую очередь, базовыми языками для множества носителей, одновременно выступая языками международного общения. Исходя из этого, стоит помнить о том, что при осуществлении межнационального межгосударственного и в целом политического общения возникает взаимодействие двух языков. Данный процесс представляется естественным, что обуславливает взаимовлияние языковых единиц. Таким образом, целесообразно говорить о том, что английская лексика и русская лексика, находясь на грани политического взаимодействия, могут оказывать двустороннее влияние на лингвистический строй. Однако, на данном этапе может возникать явное или неявное доминирование (имплицитное или эксплицитное): речь идет о преобладании тех или иных языковых единиц в какой-либо конкретной языковой сфере (например, на международной политической арене).

Сегодня в мире лидером межкультурной коммуникации является английский язык. Современные условия жизни общества сопряжены со значительной миграцией населения, в связи с чем много людей пользуются в общении двумя и более языками. Языковая ситуация оказывает влияние на причины и характер лексического вмешательства. В ситуации языкового влияния в качестве лексического источника инноваций используются средства другого языка. Кроме того, в ситуации с лингвистическим влиянием изменение может быть связано, помимо всего прочего, с социально-культурными причинами. Например, наиболее характерным типом двуязычия в России является национально-русский язык, который усваивается в контексте общения людей разных национальностей при непосредственном общении с русскоязычным населением. Лингвистическое взаимодействие, будучи многоаспектной проблемой, является предметом изучения ряда научных дисциплин, каждая из которых рассматривает данный процесс в той или иной трактовке. Английский язык демонстрирует постоянство и широкое распространение. Таким образом, историческое прошлое языковых единиц, связанных со сферой государственного устройства, дает следующую картину заимствований: языковой строй пополнялся и видоизменялся в процессе государственного взаимодействия посредством языка как системы коммуникации. Это обусловлено особенностями мировой политики, общемировыми культурными тенденциями и стремительной глобализацией. Разумеется, данные факторы оказывают широкое влияние, вслед за лексическим языковым строем, и на менталитет социальных групп, причастных к данным языковым процессам.

Общественно-политическую парадигму, обуславливающую широкое влияние на языковые процессы, можно описать в следующих тезисах: жизнь русскоязычного общества стремительно меняется, на смену рыночным отношениям приходят новые экономические тенденции. Для их описания и фиксации, употребления и ввода в повседневный языковой обиход требовалось новое слово, и оно пришло из англоязычной лексики. Введение в обиход английских слов также возросло с широким использованием компьютеров, так как все термины в этой области являются английскими. В настоящее время при реализации коммуникативного процесса в политическом процессе язык стремится к экономии языковых средств, именно поэтому политическая коммуникация тяготеет к лексическому арсеналу англоязычного происхождения.

Список литературы и источников

1. Али Абдульмуним Хади. Корреляция и взаимоотношение понятий общественно-политическая лексика, общественно-политическая терминология, общественно-политический термин в современных средствах массовой информации / А. А. Хади // Филологические науки (Научные доклады высшей школы). – 2017. – № 3 (май). – С. 21–28.
2. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 376 с.
3. Ермакова, А. В. Определение понятия «общественно-политическая лексика» и ее особенности в английском и русском языках // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2017. – № 1. – С. 123–126.
4. Кристал, Д. Английский как глобальный / Д. Кристал. – М.: Весь Мир, 2001. – 240 с.
5. Крючкова, Т. Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии [Текст]. – М.: Наука, 1989. – 152 с.
6. Масленникова, Е. М. Текст и синхронно-диахронные параметры слова / Е. М. Масленникова. – (Проблемы перевода) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. – 2017. – № 4. – С. 214–220.
7. Маслов, Ю. С. Вопросы теории и истории языка / отв. ред. Ю. С. Маслов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 342 с.
8. Муравлева, Н. В. Инновации в лексико-семантической системе политической лексики ФРГ // Структурно-семантические исследования в немецкой лексике. – Калинин, 1980. – С. 72–79.
9. Мурадова, Л. А. Семантико-функциональная характеристика общественно-политической лексики современного русского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.05. – Москва, 1986. – 26 с.
10. Ожегов, С. И. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху // Вопросы языкознания, 1953. – № 2. – С. 71–81.
11. Розен, Е. В. Лексика немецкого языка сегодня / Е. В. Розен. – М.: Высш. школа, 1976. – 128 с.
12. Синагатуллин, И. М. Глобальное образование как кардинальная парадигма нового века / И. М. Синагатуллин // Педагогика. – 2012. – № 3. – С. 14–19.
13. Стрельцов, А. А. Некоторые аспекты ассимиляции и влияния англицизмов в современном русском языке [Text] = SomeAspectsofAssimilationinthe Russian Language andTheirInfluenceonIt / А. А. Стрельцов // Иностр. яз. в высш. шк. – 2015. – N 1. – С. 64–70.
14. Тер-Минасова, С. Великий и могучий или глобальный? / С. Тер-Минасова // Наука и жизнь. – 2014. – № 9. – С. 22–25.
15. Трофимова, С. В. Общественно-политический перевод и его специфика / С. В. Трофимова. – Орел: ГО ВПО ОГУ, 2005. – 174 с.
16. Уразова, Е. А. О национально-культурных особенностях политических метафор / Е. А. Уразова // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. – 2016. – № 4. – С. 136–141.
17. Цавкаева А. Ш. Интерференция родного и русского языков при изучении английского языка в условиях национально-русского двуязычия / А. Ш. Цавкаева // Иностр. яз. в шк. – 2012. – № 3. – С. 87–90.
18. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003. – 194 с.
19. Чумаков, А. Н. Язык как средство коммуникации и решения проблем в глобальном мире / А. Н. Чумаков. – (Философия и общество) // Вопросы философии. – 2015. – № 12. – С. 5–14.
20. Klyueva, A. Building the Russian World: Cultural Diplomacy of the Russian Language and Cultural Identity [Electronic resource] / A. Klyueva ; University of Houston // Published by Cardiff University Press. – Access mode: file:///C:/Users/1/Downloads/JOMEC_BuildingtheRussianWorld.pdf. – Screen title, free access. – Site visit date: 03.01.2020.
21. Leprêtre M. Language Policy in the Russian Federation: language diversity and national identity [Electronic resource] / M. Leprêtre // Noves SL. Revista de Sociolingüística. – 2002. – Access mode: <http://www.gencat.cat/llengua/noves>. – Screen title, free access. – Site visit date: 03.01.2020.
22. Ter-Minasova, Svetlana. Changes in the Russian World View under the Influence of the Global Language and Culture / S. Ter-Minasova // Engl. = Англ. яз.

Челебджанов Сулейман Бахтиярович

студент – магистр

2 курс, «Филологический факультет»

ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова

*Научный руководитель: **Макеева Людмила Николаевна***

кандидат филологических наук,

доцент заведующая кафедрой английской филологии.

Россия, Крым, г. Симферополь

О ТЕНДЕНЦИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Chelebdzhanov Suleyman Bakhtiyarovich

master student

2 year, Faculty of English department

Crimean Engineering and Pedagogical University

*Scientific adviser: **Kiselev Andrey Vladimirovich***

Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor Department of English Philology

Russia, Crimea, Simferopol

ON THE TRENDS OF INTERACTION BETWEEN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES IN THE SYSTEM OF POLITICAL VOCABULARY

Аннотация

В статье речь идет о политической лексике русского и английского языков. Автором рассматриваются вопросы взаимодействия языков в политической коммуникации. В статье уделяется внимание процессу взаимодействия русского и английского языков как ведущих средств межгосударственного общения. В статье приводятся и анализируются мнения о проблеме соотношения языка и политики. Делается вывод о том, какое влияние на лексическую структуру языка оказывает политическое взаимодействие. В данной статье обуславливается историческая связь русского и английского языков.

Abstract

The article deals with the political vocabulary of the Russian and English languages. The author examines the interaction of languages in political communication. The article focuses on the interaction of Russian and English as the leading means of interstate communication. The article presents and analyzes opinions on the problem of correlation between language and politics. It is concluded that political interaction has an impact on the lexical structure of the language. This article explains the historical connection between Russian and English.

Ключевые слова: *русский язык, английский язык, лексика, политическая лексика, язык, межгосударственное общение, идеологизация, экстралингвистические факторы*

Keywords: *Russian language, English language, vocabulary, political vocabulary, language, interstate communication, ideologization, extralinguistic factors.*

В современном информационно-коммуникационном обществе тенденция взаимодействия и взаимовлияния русского и английского языков как одних из ведущих средств коммуникации на мировой политической арене представляет особую, с каждым годом возрастающую, значимость. Разумеется, находясь в тесном взаимодействии, эти два языка оказывают широкое влияние друг на друга. В этой связи появляется необходимость всестороннего изучения и исследования языковых процессов, которые проявляются при функционировании языка как средства коммуникации с последующим изучением своеобразия состава тех или иных элементов в русском и английском языках. В целом, проблема языковых контактов является одной из центральных в современной лингвистике. Языки способны развиваться, находясь в непрерывном взаимодействии, которое затрагивает все стороны

коммуникативного пространства. Сложность эволюции языковых процессов в конкретном обществе обуславливается отсутствием стройной, предопределяющей их развитие, системы. Именно поэтому за все время существования английского и русского языков в них произошло очень много изменений.

В настоящее время наблюдается рост внимания к проблемам языка в контексте роста и развития сфер межгосударственного общения, так как именно язык в этой связи несет информационную и коммуникативную функции. Рассматривая процесс межгосударственного общения в связи с историческим процессом и рядом социально-политических факторов, следует отметить, что в ходе реализации исторического процесса менялось языковое поведение людей, менялось отношение к языку, менялось и сознание. Конечно, это все оказывало влияние на сам язык. Данные факторы обуславливают актуальность предложенной для рассмотрения

темы исследования, посвященного изменениям в языках на современном этапе под влиянием экстралингвистических факторов.

Развитие языка осуществляется посредством эволюции словарного запаса, который мгновенно реагирует на любые изменения, происходящие в общественной жизни, и является особой формой накопления социального и когнитивного опыта, и его передачи в цепочке поколений. Носитель языка функционирует в обществе с помощью языка, а жизнь общества, в свою очередь, влияет на язык через носителя языка. Важнейший уровень языка – это лексический, охватывающий все слова, используемые в языке. Раздел лингвистики, занимающийся изучением лексики, называется лексикологией. Круг интересов лексикологии включает в себя значение слова. С лексической точки зрения усвоение иностранного языка более успешно, если его характеристики изучаются по сравнению с фактами родного языка. Сравнительный анализ лексических систем английского и русского языков показывает наличие как сходств, так и различий в обоих лексических планах. Многие слова вошли в международное использование из других языков и стали общими для русского и английского. Например, классическая музыка была сформирована в Италии и именно оттуда перешли понятия об основах и выразительных средствах музыки, названиях ее жанров, темпов и т. д., которые были приняты всеми европейскими языками.

Английская лексика обусловлена в русском языке культурным влиянием западноевропейского сообщества. Таких слов в русском языке действительно немало, и все они имеют четкий и ясный, буквальный смысл. Невозможно перечислить все слова, пришедшие в русский язык из английского, хотя бы потому, что они продолжают постоянно пополнять русский словарь, отражая объективные процессы языкового взаимодействия и взаимовлияния. В таком аспекте лексикологии как полисемия русский и английский языки похожи друг на друга. После исследований, проведенных по сравнению русского и английского языков, выяснилось, что зачастую одно слово как в русском, так и в английском языках, имеет около пяти значений. Из этого следует, что в этих двух языках без контекста трудно определить воспринимаемое значение. Сходные по форме слова русского и английского языков не всегда тождественны по значению. Такие слова могут не иметь никакой семантической общности, совпадать не во всех словарных значениях, т. е. являться разноязычными частичными синонимами, относиться к одному семантическому полю, но не совпадать по предметному значению, т. е. являться разноязычными ложными синонимами, совпадать по предметному значению. Родство русского и английского языков уходит в далекое прошлое. Без знания истории развития языков трудно восстановить их общие корни. Родство этих языков может определить тот факт, что в них существует большое количество подобных слов, что объясняется заимствованием из одного языка на другой. Родство языков можно проследить только в таких

слоях лексики, которые характеризуются большой стабильностью (как, например, политическая лексика).

Понятия «язык» и «политика» соотносятся на том основании, что любая правящая власть требует согласованности в действиях, достичь которую можно исключительно посредством языка. Язык неотделим от политики и властных отношений и только в этом контексте может быть адекватно понят. Язык является частью политики и политических процессов. В то же время он чувствует влияние политики, в той или иной степени. Известно, что язык становится объектом специальной языковой политики и языкового планирования со стороны государства. Язык политики – это тип функционального языка. Специфика языка политики, или политического языка, заключается в том, что он является частью языка, который служит средством реализации политики, достижения политических целей. Необходимость повышения политической компетентности привела к распространению политической лексики. Политическая структура отражена в существующем социально-политическом словаре, поэтому крайне важно понимать значение лексических единиц. О том, каков дискурс современного политического процесса и насколько он отвечает фундаментальным ценностям, можно узнать, исследуя язык политической коммуникации на всех уровнях его функционирования. Политическая лексика является частью лексической системы языка, в которой отражены социальная структура общества, идеологические установки и способы организации общественной жизни [Бархударов, Л. С. Язык и перевод..., с. 83].

Язык политики не является чем-то однородным и полным. Он имеет определенную структуру. Эта структура может быть представлена двумя способами: 1) как ядро и ряд концентрических кругов вокруг него; 2) как ряд уровней, подчиненных друг другу. Обе модели дополняют друг друга, и взятые отдельно, они не отражают всю языковую структуру политики. Ядром первой модели будет конкретная политическая терминология. Он несет основную тематическую нагрузку. В термине происходит стабилизация ценностей, ослабление метафорической силы, теряется многозначность. Однако политические термины не всегда строго однозначны. Будучи одними и теми же словами в разных политических системах, они могут иногда выражать противоположные значения. Это невозможно в праве, медицине, технике и т. д.

Политическая лексика в полной мере отражает особенности государственного строя, социально-политической структуры общества и его истории. Политический словарь – это тематическое сообщество слов, которые должны быть понятны всем (абсолютному большинству граждан). Очевидно, что на лексико-семантическую систему языка в большей степени влияют социальные факторы. Даже в относительно стабильные периоды жизни общества политический словарь постоянно развивается и обновляется. Политическая лексика направляет пред-

ставителей общества к обсуждению и решению задач государства, к выполнению различных общественных функций; также данный лексический слой входит в повседневную разговорную речь, тем самым становясь неотъемлемой частью активно используемой лексики современного языка. Средства массовой информации, публичные выступления общественных деятелей являются сферой использования политической лексики. Подводя итог вышеизложенному, можно назвать следующие признаки данного лексического слоя: отражение понятий и явлений общественно-политической жизни, которые в течение определенного времени становятся социально значимыми и активно обсуждаются; доступность участникам происходящих социальных явлений; социально-политический характер; идеологизация; использование в средствах массовой информации и журналистике. Значение слов и выражений данного тематического поля может быть рассмотрено с точки зрения эффективности в процессе реализации политической коммуникации [Блакар, Р. М. Язык как инструмент..., с. 131–169].

Основной смысловой особенностью политической лексики является наличие «политической» семантической составляющей. Такой подход свойственен западной лексикографической традиции с большим набором глоссариев и политических словарей. Иностранные лингвисты интерпретируют политическую терминологию как язык, используемый субъектами политической коммуникации как официально, так и в кулуарах в процессе политического взаимодействия. Анализ лексического состава политической лексики соотносится, в первую очередь, с определением границ значения компонентов этого термина. Объединяя лексические единицы различных сфер общественной жизни, например экономики, дипломатии и культуры, характеризующие политику государства в той или иной сфере, политическая лексика функционирует в общественном коммуникативном пространстве, в том числе, на международном уровне [Мурадова, Л. А. Семантико-функциональная характеристика...]. В последние десятилетия XX века произошли значительные количественные и качественные изменения в составе лексики общественно-политической сферы английского языка, вызванные быстрым развитием общества. Эти изменения сделали необходимым тщательный анализ процессов и явлений, происходящих в лексико-семантической системе.

Изучение форм, методов и средств обогащения состава словаря, тенденций в различиях лексико-семантической системы общественно-политической сферы в английском языке показывает, что это развитие в последние десятилетия происходило в условиях повышения сложности форм и компонентов социальной среды. Реализация потенциала политической лексики в связи с адаптацией к новым коммуникационным потребностям осуществлялась главным образом за счет использования собственных ресурсов, возникающих из широкого спектра вариаций английского языка [Бантышева, Л. Л. Общественно-политическая..., с. 13-18]. Английский

язык – самый распространенный германский язык, на который приходится не менее семидесяти процентов носителей этой индоевропейской ветви [Кристал, Д. Английский как глобальный...]. Язык не претерпевает существенных изменений при изменении социальных отношений, несмотря на значительные количественные, качественные и функциональные изменения в ряде аспектов, сохраняя системную и структурную целостность, стабильное функционирование и внутреннюю идентичность [Стернин, И. А. Социальные факторы..., с. 22]. В каждом новом периоде его функционирования отражаются предыдущие лексико-семантические изменения. Все эти явления очень близки к современным, хотя воспринимаются как новые. По мнению С. И. Ожегова, это происходит потому, что мы имеем общее представление о движении словаря в период непосредственно перед изменениями [Ожегов, С. И. К вопросу об изменениях..., с. 72]. Исследование современной русской политической лексики в сравнении с дореволюционной и послереволюционной политической лексикой позволяет изучить и понять многие современные языковые процессы, а также выявить тенденции в функционировании языка в политическом общении.

Одним из ключевых вопросов политической лингвистики является проблема разграничения идеологизированной составляющей в структуре политических единиц. Сегодня лингвисты признают тот факт, что семантика общественно-политического слова включает в себя идеологическую составляющую, влияющую на семантику слова. В период интенсивного политического развития словарный состав русского языка претерпел существенные изменения, а его концептуальные и лексико-семантические связи подверглись определенным семантическим преобразованиям. Для русского языка характерна нестабильность слов, принадлежащих к ключевым политическим понятиям [Токарева, И. В. Аспекты терминологизации..., с. 134]. Поэтому границы и тематический диапазон лексики политической сферы очень широки. Политическая лексика включает в себя термины и определения военных, политических, экономических вопросов в политическом контексте. Благодаря такому использованию ряда слов в особом контексте политический словарь увеличивает свой и без того значительный состав [Розен, Е. В. Лексика немецкого..., с. 95-96]. Каждый новый этап исторического развития приводит к изменению использования политической лексики. По отношению к русскому языку самый яркий пример этого – Октябрьская революция 1917 года и предшествовавшие ей события. Состав лексики русского языка более восприимчив к социально-политическим, социальным и идеологическим изменениям, и это особенно проявляется в составе политической лексики.

Социальные процессы начала XX века существенно повлияли на формирование лексической системы русского языка, выделив в ней политическую лексику как важнейший аспект политического общения. Активные семантические процессы

в общественно-политической лексике на первом этапе послереволюционной эпохи привели не к созданию нового русского языка, а к постепенному совершенствованию политического пространства. Что же касается английского языка, то, благодаря всемирному влиянию Британской империи, а затем Соединенных Штатов, современный английский язык распространяется по всему миру с семнадцатого века. Посредством всех типов печатных и электронных средств массовой информации и благодаря появлению Соединенных Штатов в качестве глобальной сверхдержавы английский язык стал ведущим языком международного дискурса во многих регионах и профессиональных контекстах, таких как наука, навигация и право. Так, сопоставляя данные исторически обусловленные факторы с точки зрения политической коммуникации и лексических особенностей в данной сфере, можно заключить, что английский язык отразил в своем лексиконе некоторые тенденции советской идеологии, образовав специфическую разновидность английского языка. Можно выделить тематические группы политического советского лексикона: философские термины (the dictatorship of the proletariat); номинации новых понятий и явлений (kolkhoz, new economic policy); номинации сферы искусства (Socialist Realism, Formalism); переосмысленные термины негативной коннотации (philanthropy) и проч. Русский язык, в свою очередь, стремясь к экономии лексических средств и оптимизации политической коммуникации, широко использует лексический арсенал англоязычных заимствований в настоящее время.

Список использованной литературы:

1. Бантышева, Л. Л. Общественно-политическая лексика начала XX века: традиции изучения // Политическая лингвистика. / Урал. гос. пед. ун-т. – Выпуск (1) 21. – Екатеринбург, 2007. – С. 13-18.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975 – 190 с.
3. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 131-169.
4. Кристал, Д. Английский как глобальный / Д. Кристал. – М.: Весь Мир, 2001. – 240 с.
5. Ожегов, С. И. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху // Вопросы языкознания. – 1953. – № 2. – С. 71-81.
6. Розен, Е. В. Лексика немецкого языка сегодня / Е. В. Розен. – М.: Высш. школа, 1976. – 128 с.
7. Самотик, Л. Г. Лексика современного русского языка / Л. Г. Самотик. – 3-е изд., стер. – Москва: Флинта, 2017. – 511 с.
8. Селищев, А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926) [Текст]. – М.: Работник просвещения, 1928. – 248 с.
9. Стернин, И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 2. Язык и социальная среда. – Воронеж: ВГУ, 2000. – С. 16-22.
10. Токарева, И. В. Аспекты терминологизации немецких лексических заимствований (сущность дефиниции терминопонятия «общественно-политическая лексика») // Актуальные вопросы филологических наук: материалы Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). – Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. – С. 134-137.

List of sources used

1. Bantysheva, L. L. Socio-political vocabulary of the early twentieth century: traditions of study // Political linguistics / Ural state pedagogical University. - Issue (1) 21. – Yekaterinburg, 2007. – P. 13-18.
2. Barkhudarov, L. S. Language and translation / L. S. Darkhudarov. – Moscow: International relations, 1975. – 190 p.
3. Blakar, P. M. Language as a tool of social power // Language and modeling of social interaction. – Moscow: Progress, 1987. – P. 131-169.
4. Krystal, D. English as global / D. Krystal. – Moscow: All the World, 2001. – 240 p.
5. Ozhegov, S. I. On the question of changes in the vocabulary of the Russian language in the Soviet era // Questions of linguistics. – 1953. – № 2. – P. 71-81.
6. Rosen, E. V. Vocabulary of the German language today / E. V. Rosen. – Moscow: Higher school, 1976. – 128 p.
7. Samotik, L. G. Lexika sovremennogo Russian language / L. G. Samotik. – Moscow: Flint, 2017. – 511 p.
8. Selishchev, A. M. Language of the revolutionary era. From observations on the Russian language in recent years (1917-1926). – Moscow: Worker of education, 1928. – 248 p.
9. Sternin, I. A. Social factors and the development of the modern Russian language // Theoretical and applied linguistics. - Vol. 2. Language and social environment. – Voronezh: VSU, 2000. – P. 16-22.
10. Tokareva, I. V. Aspects of terminologization of German lexical borrowings (the essence of the definition of terminology "socio-political vocabulary") // Current issues of philological Sciences: materials of international studies. scientific Conf. (Chita, November 2011). – Chita: Young scientist publishing House, 2011. – P. 134-137.

Colloquium-journal №10(62), 2020

Część 6

(Warszawa, Polska)

ISSN 2520-6990

ISSN 2520-2480

Czasopismo jest zarejestrowany i wydany w Polsce. Czasopismo publikuje artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Magazyn jest wydawany w języku angielskim, polskim i rosyjskim.

Częstotliwość: co tydzień

Wszystkie artykuły są recenzowane.

Bezpłatny dostęp do elektronicznej wersji magazynu.

Przesyłając artykuł do redakcji, autor potwierdza jego wyjątkowość i jest w pełni odpowiedzialny za wszelkie konsekwencje naruszenia praw autorskich.

Opinia redakcyjna może nie pokrywać się z opinią autorów materiałów.

Przed ponownym wydrukowaniem wymagany jest link do czasopisma.

Materiały są publikowane w oryginalnym wydaniu.

Czasopismo jest publikowane i indeksowane na portalu eLIBRARY.RU,

Umowa z RSCI nr 118-03 / 2017 z dnia 14.03.2017.

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak, Ewa Kowalczyk**

«Colloquium-journal»

Wydrukowano w «Chocimska 24, 00-001 Warszawa, Poland»

Format 60 × 90/8. Nakład 500 egzemplarzy.

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>